

РУССКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ,

составленная

Иваномъ Павловскимъ,
Лекторомъ Русскаго языка при Дерптскомъ Университетѣ.

90898

МИТАВА,
въ книжномъ магазинѣ Г. А. Рейгера.

1 8 4 2.

Печатать позволено съ тѣмъ, чтобы по окончаніи, представлено
было въ ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Рига, 24-го Іюля 1841 года.

Ценсоръ *Неспроех.*

Печатано въ Типографіи Г. ЛААКМАННА въ Дерптѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Страница
Тамерланъ (<i>Полсаго</i>)	1
Замокъ Нейгаузенъ (<i>А. Марлинскаго</i>)	3
Отрывокъ изъ Романа: Стрѣльцы (<i>К. Масальскаго</i>)	12
Изъ романа: Ледяной домъ (<i>И. Лажечникова</i>)	21
Изъ повѣсти: Вечеръ на Хопрѣ (<i>Загоскина</i>)	32
Изъ романа: Послѣдній Новикъ (<i>И. Лажечникова</i>)	47
Большой Выходъ у Сатаны (<i>Барона Брамбуса</i>)	57
Аммалатъ - Бекъ (<i>А. Марлинскаго</i>)	63
Смерть Лейзевица (<i>Н. Кукольника</i>)	84
Письмо къ Доктору Эрмапу (<i>А. Марлинскаго</i>)	93

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БАСНИ: Оселъ и Соловей (<i>Крылова</i>)	109
Стрѣлка часовая (<i>Хемницера</i>)	110
Добрая Лисица (<i>Крылова</i>)	110
Дѣвушка и Чижъ (<i>Измайлова</i>)	111
Волкъ и Кукушка (<i>Крылова</i>)	112
Бѣлка и Шапка (<i>Сумарокова</i>)	113
Дворовая собака (<i>Хемницера</i>)	113
Дерево (<i>Крылова</i>)	114
Смерть и Умирающій (<i>Дмитріева</i>)	115
Собачья дружба (<i>Крылова</i>)	116
Тѣнь и Человѣкъ (<i>Крылова</i>)	117
Богачъ и Бѣднякъ (<i>Хемницера</i>)	118
Царь и два Пастуха (<i>Дмитріева</i>)	119
Лѣвивые и ретивые кони (<i>Хемницера</i>)	120
Прихожанинъ (<i>Крылова</i>)	120
Крестьяне и рѣка (<i>Крылова</i>)	121
Привилегія (<i>Хемницера</i>)	122
Собака на сѣнѣ (<i>Измайлова</i>)	123
Метафизикъ (<i>Хемницера</i>)	124
Мѣшокъ (<i>Крылова</i>)	125

СКАЗКИ: Воздушныя башни (<i>Дмитріева</i>)	126
Причудница (<i>Дмитріева</i>)	130
Бонекъ горбунокъ (<i>Ершова</i>)	137
Изъ КОМЕДИИ: Говорунъ (<i>Хмельницкаго</i>)	145
Чудаковъ (<i>Княжнина</i>)	150
Горе отъ ума (<i>Грибоедова</i>)	154
Урокъ холостымъ или Наслѣдники (<i>Загоскина</i>)	159
Изъ ДРАМЫ: Рука Всевышняго отечество спасла (<i>Н. Кукольника</i>)	163
Торквато Тассо (<i>Н. Кукольника</i>)	170
Изъ ТРАГЕДІИ: Дмитрій Донской (<i>Озерова</i>)	183
Изъ ПОЭМЫ: Полтава (<i>Пушкина</i>)	189
Русланъ и Людмила (<i>Пушкина</i>)	194
Наталья Долгорукая (<i>Козлова</i>)	205
Война мышей и лягушекъ (<i>Жуковского</i>)	214
Изъ Уадины (<i>Жуковского</i>)	221
Цыгане (<i>Пушкина</i>)	224
Красный карбункулъ (<i>Жуковского</i>)	228
Громвалъ (<i>Каленева</i>)	232
Рыбаки (<i>Гильдига</i>)	238
Бъ Жуковскому (<i>Козлова</i>)	241
Людвигу Андреевичу Гейдепрейху (<i>Н. Кукольника</i>)	241
Клеветникамъ Россіи (<i>Пушкина</i>)	242
Фелица (<i>Державина</i>)	243
Жизнь и Смерть (<i>Тилловеева</i>)	248
Памятникъ (<i>Державина</i>)	260
Сельская сиротка (<i>Козлова</i>)	260
Буря (<i>Жуковского</i>)	262
Тѣнь друга (<i>Батюшкова</i>)	264
Вечерній звонъ (<i>Козлова</i>)	265
Горныя выси (<i>В. Венедиктова</i>)	266
Богъ (<i>Державина</i>)	267
Ватерлоо (<i>Венедиктова</i>)	269
Море (<i>Венедиктова</i>)	274
На смерть Гете (<i>Е. Баратынскаго</i>)	279

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТАМЕРЛАНЪ.

— — — Недалеко отъ Самарканды, столицы Чагатайской, въ 1536 году, родился *Тимуръ* — явленіе изумительное въ Исторіи Человѣчества! По женскому коѣну, онъ былъ потомокъ Чингиса, и сынъ неважнаго Хана, подвластнаго Чагатайскимъ государямъ. Говорятъ, что астрологи изумились счастливому стеченію примѣть при его рожденіи. Двѣнадцати лѣтъ Тимуръ началъ ходить въ битвы, и на 25 году отъ рожденія, мысль — *возстановить славу Чагатайской державы*, была уже приводима имъ въ исполненіе. Въ 1370 году, когда не было еще Тимуру сорока лѣтъ, онъ уже освободилъ, умирилъ свою отчизну, обладалъ Чагатаемъ, царствовалъ въ великолѣпной Самаркандѣ, и видя передъ собою коѣнопреклоненныхъ вождей своихъ, клялся, что возстановить славу Чингисову, и покорить цѣлый міръ Богу и Великому Пророку его Мугаммеду. Черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ того — милліоны воиновъ стояли подъ бунчуками Тимура, двадцать шесть царствъ принадлежали ему, отъ береговъ Средиземнаго моря до Монголіи, отъ Иртыша до Ганга, не считая Приволжья и Руси, Греціи и Египта — данниковъ, покорныхъ его имени. Тимуръ размышлялъ тогда: куда идти ему? Черезъ Сѣверную ли Африку и Геркулесовы столбы, покорить земли *неверныхъ Франковъ*, и возвратиться черезъ Русь въ Самарканду? Или двинуться на востокъ и покорить Китай, изгнавъ Чингисовыхъ потомковъ? Рѣшась на послѣднее, Тимуръ оставилъ Западъ, съ 200-ми тысячъ воиновъ перешелъ Гіонъ, и умеръ въ шатрѣ своемъ, отъ жестокой горячки, въ 1405 году, на 70-мъ своей жизни.

Таковъ былъ *железный властитель* (*Тимуръ-бегъ*, насмѣшливо названный врагами *Тимуръ-хромецъ*, *Тимуръ-ленгъ*, изъ чего Европейцы составили испорченное имя *Тамерлана*), завоеватель, извѣстный нашимъ предкамъ подъ именемъ *Темуръ-Аксака*, презиравшій имена *Ахана* и *Султана*, и называвшій себя *Властителемъ міра* (Саибъ - Керимъ). Послѣднее изъ великихъ явленій Азіи — Дизавуловъ и Ат-

тилъ — второй Темудзинъ, Тимуръ представляетъ однако жъ собою совсѣмъ другой характеръ противъ Монгольскаго варвара, и совсѣмъ другія слѣдствія явились послѣ него въ Исторіи міра, взятой вообще, и Исторіи Русскаго народа, наблюдаемой отдѣльно.

Подобно Темудзину возникшій изъ ничтожества, подобно ему великій полководецъ и завоеватель, подобно ему залитый кровью, усылавшій неплотью городовъ и забросавшій развалинами царствъ обширныя пространства земель, Тимуръ былъ отличенъ отъ Чингиса своимъ страннымъ, исполненнымъ какой-то варварской поэзіи характеромъ. Онъ зналъ славу и любилъ ее до безумія; записывалъ всѣ подробности дѣлъ своихъ; столько же думалъ о томъ, чтобы Поэты и Историки славилъ дѣла его, сколько старался о побѣдахъ. Онъ искалъ власти, не щадилъ ни себя, ни людей, и торжествуя — съ грустію говорилъ потомъ: *все суета!* Горестно улыбался онъ, смотря на ничтожество земнаго, философствовалъ, когда тысячи гибли подъ мечами его воиновъ, и отъ воплей потрясались развалины какого нибудь великаго города, отданнаго имъ на грабежъ, пожаръ и истребленіе. Означая пирамидами человѣческихъ головъ путь свой, ругаясь величію человѣческому, Тимуръ насмѣшливо указывалъ побѣжденнымъ на себя, и говорилъ: „Посмотрите, что значить человѣкъ? Я, бѣдный хронецъ, совершаю дѣла столь великія! Но на что мнѣ все это? Не все ли суета и тлѣніе?“ Онъ оставлялъ на Чагатайскомъ тронѣ потомка Чингисова, называлъ себя его Эмиромъ, не пилъ вина, голодалъ на великолѣпныхъ пирахъ, и иногда останавливалъ на походѣ войско свое, чтобы окончить игру въ шахматы, надъ которыми размышлялъ онъ по цѣлымъ часамъ.

Только что началъ свое поприще Тимуръ, когда Тохматышъ бѣжалъ въ Самарканду. Можетъ быть сей изгнанникъ раздѣлялъ тамъ труды, опасности, подвиги Тимура, въ теченіе десяти лѣтъ, пока Тимуръ соединилъ подъ свою руку Самаркандское государство, въ каждой битвѣ, ежедневно подвергая себя гибели (до 1370 года), бѣгая иногда по степямъ съ женою и немногими товарищами, попадаясь въ плѣнъ, сядя въ тюрьмѣ, и снова выходя изъ нея, и торжествуя надъ непріателемъ*). Уже Тимуръ поклялся завоевать цѣлый міръ, притѣснители Чагатая, Кашгары, были имъ покорены,

*) При самомъ началѣ освобожденія своей отчизны, Тимуръ принужденъ былъ бѣжать въ степи, только съ 60тью товарищами. Непріатели догнали его, будучи въ числѣ 1000 человекъ, и были имъ разбиты; но товарищи Тимура пали въ битвѣ или разбѣжались потомъ. Онъ остался только съ 7ью человекъ, былъ захваченъ врагами, послѣ долговременныхъ поисковъ, и брошенъ въ темницу. Устыдивъ словами и увѣщаніями своихъ одного изъ стражей, послѣ 2хъ мѣсячнаго заключенія, Тимуръ бѣжалъ, переплылъ рѣку Гіонъ, и ушелъ въ пустыни, гдѣ долго скитался совершенно одинъ, даже не имѣя лошади.

Кандагаръ и Ховарезмъ повиновались ему, и Князь Персін называлъ себя *девятымъ* его рабомъ, представляя восемь рабовъ въ подарокъ, когда Тимуръ далъ пособіе Тохматышу. Мы видѣли, что Тохматышъ выбралъ для нападенія на Приволжскую Орду самое выгодное время: Мамай палъ предъ нимъ. Вспомоществуемый Заволжскимъ властителемъ Эдигеемъ, Тохматышъ не узналъ тогда мѣры своей гордости, и въ 1385 году дерзнулъ презрѣть совѣты Эдигея, и напасть на Тимура. Пока Тимуръ воевалъ Персію, Ханъ Золотой Орды разграбилъ Самарканду. Онъ бѣжалъ во свои, слыша о приближеніи Тимура, и раздраживъ его безполезно, и безразсудно. Могъ ли оставить обиду его безъ отмщенія гордый Тимуръ! По степямъ Киргизскимъ прошелъ онъ на Волгу, одною битвою уничтожилъ Тохматыша, и сѣвшилъ обратно. Все еще волновалось въ его обширныхъ владѣніяхъ; ему нѣкогда было заниматься долго Золотою Ордою. Тимуръ отпраздновалъ только побѣду свою на берегахъ Волги, и велѣлъ записать, и воспѣть своимъ Поэтамъ, на память потомству, *побѣду Кипчацкую*. По Киргизскимъ степямъ ушелъ обратно Тимуръ, воздвигнувъ памятникъ среди песковъ Аральскихъ, въ воспоминаніе, что и здѣсь проходили непобѣдимыя войска Чагатайскія.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тохматышъ снова обладаетъ Приеолжскими Ордами, сильный болѣе прежняго. Войско его напало на Персію. „Безумецъ!“ писалъ къ нему Тимуръ — „какой злой духъ ведетъ тебя къ погибели? Ты уже и позабылъ мои побѣды! Кайся, или я иду, и — морскія глубины не скроютъ тебя отъ мстительной десницы моей!“ Тимуръ не медлилъ, шелъ за своимъ посломъ, пробрался черезъ Дербентъ, покорный ему, и на берегахъ Каспія, въ битвѣ, гдѣ сами Тимуръ и Тохматышъ сражались на ряду съ простыми воинами, и гдѣ отчаяніе Капчакаго Хана едва было не вырвало у Тимура плода многолѣтнихъ подвиговъ, рѣшилась участь Тохматыша. Тимуръ стоялъ крѣпко, неуклонно; колчанъ его былъ уже пустъ, конь переломленъ; отборные воины его сбиты; но мужество Чагатайскаго героя преодолѣло все, и Тохматышъ бѣжалъ въ свою родину, Крымъ. Тимуръ не хотѣлъ уже теперь оставлять никакихъ слѣдовъ Тохматыша. Онъ сжегъ и истребилъ Сарай, Астрахань, избралъ новаго Хана, внука своего сына Эдигеевой сестры, Темиръ Кутлука; думалъ еще нѣсколько времени, и вдругъ велѣлъ войску своему идти на Сѣверъ.

(Исторія Русскаго Народа, То. 5.)

ЗАМОКЪ НЕЙГАУЗЕНЬ.

Видали ль восходъ солнца изъ за Синяго моря? Уже холодѣетъ раннее утро, и заря зарумянилась на небѣ. Легкіе туманы улетаютъ къ ней на встрѣчу, и пролетомъ ихъ едва

тускнѣть стеклянная поверхность морская, подобно зеркалу, тускнѣющему подъ дыханіемъ красавицы. Дальній берегъ, мнится, виситъ въ воздухѣ, и зеленою стрѣлкою исчезаетъ въ небосклонъ. Все тихо; только изрѣдка кликъ плещущихся вдали лебедей по зарѣ раздастся, и нетерпѣливый пѣтерокъ порой заигрываетъ съ звонкими камышами. И вотъ вспыхнулъ востокъ, и золотая къ нему тропа пересѣкла воды: солнце въ лонѣ тумановъ, безъ блистанія, какъ бы въ раздумьѣ, стоитъ на краю небосклона, и вдругъ, воспрянувъ отъ водъ, величественно устремляется по небу.

Такъ сіло утро надъ дикимъ берегомъ Ливоніи, когда человѣкъ двадцать Русскихъ гостей любовались имъ. Двѣ большія, высокогрудыя ихъ ладьи стояли близъ утеса. Недалекъ свѣтаѣли высокія башни Пернау, недавно отстроеннаго Гермейстеромъ Jokke. Двое въ кольчугахъ, съ сѣкирами, стояли на стражѣ. Другіе лежали безвѣчно, раскинувшись вокругъ огонька, лишь по дыму заметнаго противъ солнца. Это были товарищи молодого и богатаго гостя Андрея Гремича. Въ то время всѣ Новгородцы выросли въ морѣ и въ полѣ, и званіе купца было неразлучно съ достоинствомъ вонна. Случалось не рѣдко, что торговцы, отправясь въ чужбину за мирными прибылями, возвращались съ добычею битвы. Каждый своевольно, когда пробуждался въ немъ боевой духъ, или корысть къ себѣ манила, вооружался, и разгуливалъ по Варяжскому морю и озеру Ладожскому, на страхъ Нѣмцамъ и Шведамъ. Къ такому же разряду, казалось, принадлежала дружина Андреева. Тяжелое ихъ оружіе не могло принадлежать людямъ непривычнымъ къ битвѣ, и жилистыя ихъ руки были способнѣе наносить раны, чѣмъ нарѣзывать бирки или выкладывать на счетахъ.

Эй, земляки! раздалось надъ ихъ головою, и Русскіе увидѣли на утесѣ Рыцаря въ вороненыхъ латахъ, на гнѣдомъ Мекленбургскомъ конѣ. „Мы всѣ земляки, всѣ изъ земли сѣланы,“ грубо отвѣчалъ ему одинъ изъ гостей, зажигая фитиль самопала. „Что тебѣ надобно, Рыцарь?“ „Узнать, гдѣ можно безопаснѣе къ вамъ спуститься?“ отвѣчалъ тотъ. „Пусть молнія опалитъ мнѣ бороду, если я не спущу тебя внизъ однимъ прыжкомъ!“ возразилъ Илья, прикладываясь; но Рыцарь мелькнулъ и исчезъ! Къ ружью, закричалъ Андрей, хватаясь за мечъ. Русскіе повскакали и приготовились принять незваннаго гостя. Между тѣмъ незнакомецъ показался опять, тихо сѣзжая къ нимъ по узкой тропинкѣ.

„Бьюсь объ закладъ,“ сказалъ Илья: „что это передовщикъ какой-нибудь ватаги бродящихъ Нѣмецкихъ Рыцарей. Ну, ужъ народецъ! Съ ними не плошай ни въ торгу, ни въ мирѣ. Какъ воронъ крови, такъ они жаждутъ золота; и хоть деньги ничѣмъ не пахнутъ, но они чутьемъ своимъ какъ разъ провѣдаютъ, гдѣ есть пожива. Сказывали, они еще недавно разграбили нашихъ купцовъ въ самомъ Юрьевѣ.

Проклятые лзычники!“ — Они, кажется, Христіане, — важно замѣтилъ одинъ изъ гостей. „Да, да, Христіане.“

Рыцарь приблизился, слѣзъ съ коня, вонзиль копые въ землю, и смѣло пошелъ въ средину Русскихъ. Безстрашный Андрей вышелъ къ нему навстрѣчу; они сошлись.

Андрей! воскликнулъ Рыцарь и съ поднятымъ личникомъ кинулся обнимать его. „Братъ Всеславъ, ты живъ еще!“ Сладостно было свиданіе братьевъ. Они плакали и усмѣхались; прерывистыя восклицанія и безответныя вопросы летѣли. Умиленные Новгородцы столпились вокругъ своихъ начальниковъ, кланялись, жали руку Всеславу, цѣловали и обнимали его, какъ воскресшаго: на родинѣ его давно считали убитымъ.

„Полно, полно,“ сказалъ Андрей, вырываясь изъ объятій братнихъ; „ты сломалъ мнѣ грудь своими латами; но скажи пожалуй, за чѣмъ ты промѣнялъ свою серебряную кольчугу на этотъ кирасъ, въ которомъ гуляешь словно черепаха?“ За тѣмъ, чтобы безопаснѣе проѣхать по Ливоніи; но, братъ и другъ, мнѣ надо освѣжить свою душу разсказомъ. Братья удалились къ сторонѣ, сѣли подъ нву, которая шатромъ развѣсилась надъ берегомъ, и рука въ рукъ, взоры въ глазахъ другъ друга, разговаривали они объ родныхъ и родинѣ; и всѣ чувства души, и всѣ страсти сердца мгновенно отсвѣчивались на прозрачномъ обликѣ Всеслава, и онъ жадно ловилъ разсказы о подвигахъ соотечественниковъ, о ихъ славѣ. Онъ забылъ о себѣ, внимая о Новгородѣ ахъ! кто не заслушается вѣстью объ родинѣ, какъ пѣніемъ райской птички!

А я, сказалъ наконецъ Всеславъ на повторенный вопросъ брата, какъ ты знаешь, палъ окровавленный, избитый и израненный на поляхъ Вейсенштейна, куда удалъство завлекло меня съ горстью безстрашныхъ. Я не зналъ, гдѣ я чувствовался. Прошрое для меня исчезло; память истощилась съ кровью; и все, что тогда увидѣлъ я на яву, мнѣ чудилось будто во снѣ. Надо мною вздымались плитные своды, какъ въ могильномъ погребѣ; на мнѣ, какъ саванъ, бѣлое покрывало, и тусклая лампада едва освѣщала окружность. Я ужаснулся, мнѣ представилось, будто я погребенъ за-живо! холодный потъ проступилъ на лицѣ приподнимаю голову, озираюсь у моего изголовья сидѣла прелестная, какъ Ангелъ, женщина .. признаюсь тебѣ, я обомалъ; суевѣрное воображеніе представило мнѣ, что въ ней вижу я свою душу, которая передъ отлетомъ на небо прощается съ бреннымъ своимъ жилищемъ. Братъ! это была супруга Рыцаря фонъ Нордека, великодушнаго моего побѣдителя. „Нордека! воскликнулъ пылкій Андрей, этого Рыцаря словомъ и дѣломъ, который первый, подъ градомъ камней и проклятій, влѣзъ на стѣны Дюнамидскія, котораго Рижане страшатся, какъ Божьяго гнѣва! Я недавно видѣлъ его, когда онъ, о бокъ Гермейстера, вѣзжалъ въ проломъ покорившейся имъ Риги,

въ проломъ, который былъ для нихъ побѣдными воротами. Этотъ Нордекъ ѣхалъ такъ гордо, глядѣлъ такъ смѣло всѣмъ въ глаза, что признаюсь, меня взяла охота по-мѣрять съ нимъ силы; онъ долженъ быть славный человѣкъ.“ Онъ съ самымъ дѣломъ таковъ, продолжалъ Всеславъ. Вспыльчивъ до бѣшенства и неустрашимъ до безразсудства, за то какъ добръ и разсудителенъ! Теперь буду говорить о себѣ: между тѣмъ, какъ медленно возвращались мои силы, раздоры ордена съ Новымъ городомъ продолжались, и мнѣ не возможно было въ цѣлые полгода дать рѣшительныя сраженія, нельзя было спорить о родимыхъ. О, какъ часто, другъ, у меня было тяжело на сердцѣ! и не кому было открыть тоску свою, не съ кѣмъ погоревать вмѣстѣ. Часто, каждый день глядѣлъ я съ башни Нейгаузена на Псковскую дорогу, которая вилась и скрывалась въ лѣсу: иногда скакалъ по ней Русскій всадникъ, и надежда моя воскресала, сердце билось крѣпко; но минувшій вѣстникъ скрывался, и вновь оно ныло и замирало. Только съ Эммою находилъ я отраду; и благодарность за ея пѣжныя почесанія объ раненомъ превратилась во мнѣ въ какую-то неизъяснимо тихую къ ней привязанность. „Неизъяснимую?“ перебилъ, грозя пальцемъ, Андрей „для меня это очень понятно: ты влюбился въ нее.“

Нѣтъ, Андрей, нѣтъ; это не была та бурная любовь, которую судьба судила мнѣ испытывать. Въ этомъ непринхотливомъ чувствѣ нѣтъ волненій, нѣтъ бѣшеной веселости безъ причины, нѣтъ отчаянія отъ бездѣлицъ; огонь не сжигалъ моего сердца и ревность не раскаляла его. Только, не знаю, отчего при ней дышалъ я свободнѣе, съ нею былъ веселѣе, но совѣсть моя была свѣтла, какъ клинокъ твоей сабли. Мы почти не разлучались; всѣ трое ѣзжали на охоту, на прогулку; утромъ учили другъ друга роднымъ языкамъ своимъ, а вечеромъ рассказывали новѣсти.

Добрый Эвальдъ радовался, что пѣвнику не скучно; гостеприимство и довѣренность, царствовали въ домѣ; время мчалось, и пагубная минута пробилась. Къ Эвальду прѣхалъ старинный другъ его, Вестфалецъ фонъ Мей, Мальтійскій Рыцарь, который въ числѣ вонновъ Прусскаго Графа Аренсбурга помогалъ Гермейстеру на Русскихъ. Въ его душѣ сходились всѣ знойныя страсти Востока, съ необузданною волею, которая всего желала и все могла. Онъ вспыхнулъ страстію къ прекрасной Эммѣ, и употребилъ всѣ средства опытнаго волокитства, всѣ тонкія тщеславія, всѣ обольщенія богатства, чтобы преклонить ее на любовь. Гордая невинностію Эмма не хотѣла даже примѣтить этого, и съ презрѣніемъ возбудило въ развратномъ его сердцѣ злобу. Онъ оклеветалъ ее въ глазахъ мужа, заставилъ меня взяться за оружіе, чтобы отвѣчать на обидный вызовъ Эвальда, и — должно подозревать, обвинилъ его передъ Тайнымъ Судомъ, потому, что Эвальда схватили и увезли на Эзелъ. И что сказать тебѣ еще о злодѣйствахъ этого разбойника? Онъ,

пользуясь смятеніемъ, похитилъ Эмму, туда же увезъ сестру мою, нашу Эмму, и — можетъ быть — какъ еще кровь не брызжетъ изъ жилъ! она поругана, обезчещена! Что же ты смотришь на меня съ такимъ изумленіемъ? Да, тамъ я нашелъ сестру, ту самую Марю, которая еще двухлѣтняя похищена была у родителей нашихъ при набѣгѣ Рыцарей на предмѣстьѣ Пскова. Отто, отецъ Эвальда, сжался надъ погибающею малюткой, привезъ домой, воспиталъ какъ дочь, подъ именемъ дальней родственницы, не открывая никому тайны ея рода, ибо онъ зналъ, какъ ненавидятъ Германцы все Русское племя. Я узналъ о томъ нечаянно, передъ ея похищеніемъ, когда Отто хотѣлъ благословить меня крестомъ Русскимъ для поиска объ Эвальдѣ. Братъ! вотъ онъ, вотъ семейный нашъ крестъ; вотъ и половина кольца съ перста чудотворной вел. м. Варвары, которымъ насъ близнецовъ съ Марею благословилъ Архіепископъ, разломивъ на помы. Подобный крестъ и полкольца увѣрили Эмму; и я прижалъ къ груди моей погибшую сестру; я нашелъ ее, и мы потеряли ее, можетъ быть, навсегда. О братъ, братъ, мы ее потеряли!

„Чего же медлимъ!“ воскликнулъ Андрей: „для чего жъ волочимъ время въ разсказахъ, когда нашъ зять терлеть, можетъ быть, жизнь, а сестра честь свою! О! какъ бы обрадовались наши старики такую находкою; а чего не сдѣлаю я, чтобы ихъ обрадовать? Въ походъ, товарищи! мечите въ море лишній грузъ; надобно жертвовать драгоценнымъ благороднѣйшему. На Эзель, въ Арнсбургъ! въ этотъ притонъ Тайнаго Суда, объ которомъ довольно слышался я; въ это гнѣздо плутовъ, которые во зло употребляютъ слово — правосудіе, и лѣютъ кровь невинныхъ!“

На Эзель, въ Арнсбургъ, восклицалъ Всеславъ, вскакивая въ ладью — и дай мнѣ руку, братъ, а смерть беззаконникамъ, если казнь уже постигла благороднаго Эвальда. Я прокрадусь туда, какъ тать, и зарѣжу ихъ, какъ разбойникъ; въ крови отцовъ утоплю дѣтей; дымомъ пожара задую все племя злодѣйское, и пламень — знамя истребленія, разовьется надъ главами башенъ. — Якорь былъ уже поднятъ, когда Андрей послалъ одного изъ своихъ на берегъ. „Возьми братнину лошадь,“ говорилъ онъ ему, „и скачи по берегу, ищи Русскихъ, разскажи имъ дѣло, и собери удалыхъ въ Ревель. Тамъ господами Датчане, и они будутъ съ нами заодно. Если черезъ два дня нѣтъ вѣсти; то спѣшите на Эзель, и совершайте по насъ поминки, какъ знаете. Прощай!“ Паруса размахнулись, и ладья, разбрызгивая волны, полетѣла по морю.

Счастливый путь вамъ, други! думалъ оставшійся на берегу Новгородецъ. Спѣшите, вѣтеръ измѣнивъ, и злодѣйство не теряетъ минутъ. Кто знаетъ, на избавленіе, или на безплодную месть вы спѣшите?

Скованъ, какъ злодѣй, и осужденъ, какъ преступникъ, лежалъ Эвальдъ на полу въ одной изъ башенъ Аренсбургскихъ. Неумолкающая тоска грызла его сердце, и всѣ насмѣшливыя воспоминанія счастья, и всѣ жестокия ощущенія души, будто нарочно ронялись въ воображеніи, чтобы отравить послѣднія минуты жизни. Пять дней тому назадъ, онъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Увѣнчанъ славою, отлеченъ Гермейстеромъ, почтенъ равными себѣ, спѣшилъ Эвальдъ въ объятія прелестной супруги и друзей ему обязанныхъ. А теперь: о Боже мой, Боже мой! кто испытать вдругъ столько душевныхъ и вещественныхъ несчастій? Обмануть другомъ, измѣнить женою, безвозвратно оклеветать, очернить предъ Рыцарствомъ, предъ потомками, осужденъ незаконно и безвинно на гибель, на смерть, на казнь! Умереть легко, думалъ онъ, но умереть на полѣ чести, или на ложѣ предковъ, а не на плахѣ потаеннаго палача, на которой не застыла еще кровь какого-нибудь бездѣльника. Погибнуть столь внезапно, оставить безъ награды лучшихъ друзей, безъ отмщенія злѣйшихъ враговъ! Умереть такъ темно, что ни одинъ наслѣдникъ, даже для виду, не придетъ поплакать на прахъ мой — его развѣетъ вѣтръ, размоютъ волны, и хищныя птицы разнесутъ по лѣсамъ и болотамъ о, это ужасно! это нестерпимо! Въ отчаяніи грызъ Эвальдъ оковы, и слезы ужаса безчестной смерти замерли въ очахъ его. Къ счастью человечества, сильные удары страстей не продолжительны. Выстрѣлъ потрясаетъ твердь, но исчезаетъ мгновенно: такъ и отчаяніе Эвальда утихло, какъ стихаетъ испавшая волна водопада. Казалось разумъ сжалился надъ несчастнымъ и отлетѣлъ прочь. Настоящее, прошлое и будущее смѣшались для него въ хаосъ.

Куда вы везете меня? говорила умоляющимъ голосомъ Эмма, въ Эстонской ладѣ, своимъ безчувственнымъ похитителямъ, говорила, и буйный ночной вѣтеръ развѣвалъ ея волосы, уносилъ ея слова. Конрадъ, Конрадъ! Сжался хоть ты надо мною, вспомни мой всегдашній къ тебѣ милости... Злой человѣкъ, чѣмъ заслужила я отъ тебя такую измѣну! Любезный Конрадъ, скажи куда и за чѣмъ везутъ меня? — „На Эзелъ, сударыня, на славный островъ Эзелъ, въ гости къ прекрасному господину моему, Рыцарю фонъ Мею.“ Но увижу ль я тамъ моего Эвальда? „О, конечно: онъ вѣрно дожидается васъ на первомъ деревѣ, а не на висѣлицѣ, въ этомъ я увѣренъ, и это же самое докажетъ вамъ, что г. Эвальдъ осужденъ не гражданскимъ, а Тайнымъ Судомъ. Да впрочемъ, вамъ, высокородная Баронесса, печалиться не о чемъ. Такая красавица, какъ вы, въ женихахъ нужды имѣть не будетъ. Ромуальдъ васъ повезетъ съ собою въ Вестфалію, тамъ не то, что ваша Ливонія, гдѣ не найдешь, прости Господи, кочня цвѣтной

капусты; тамъ, сударыня, Шпанскихъ вишенъ куры не клюютъ, а винограду больше, чѣмъ здѣсь рябины; а Рейнвейнъ то, Рейнвейнъ! О, да вы будете жить припѣваючи. Правда, ему не лзя явно жениться на васъ; такъ что жъ? вы обвѣнчаетесь съ лѣвой руки, а вѣдь съ лѣвой руки и сердце!“

Святая Марія! подкрѣпи меня! воскликнула Эмма, рыдая: до чего я дожила: послѣдній вассаль смѣетъ надъ мною досмѣхаться; о! злодѣй Ромуальдъ, я проклинаю тебя.

„Вѣдь я говорилъ, что наирасно снимать повязку со рта Баронессы; она можетъ простудиться, говоря такъ много. Ухъ! какъ качаетъ, какъ плещетъ! Не правда ли, сударыня Баронесса, что вѣтеръ здѣсь не множко посиленѣе, чѣмъ вѣтеръ отъ вашего опахала? Не поблагодарите ли за эту прогулку по морю? Могу похвастаться, что я избавилъ всѣхъ отъ погони: это была мастерская шутка; я каждой лошади вколотилъ въ ногу по гвоздику. Ба, да вотъ и огни въ Аренсбургѣ; посвищи, другъ Рамеко, чтобы еще крѣпче задулъ вѣтеръ. Скоро, скоро мы выйдемъ на берегъ: скоро вино польется въ горло и деньги въ карманы.“ Вдругъ взглянулъ Конрадъ въ сторону: огромная ладья на всѣхъ парусахъ съ наѣтра катилась къ нимъ на перерѣзъ. — „Кто ѣдетъ“ — оробѣвъ закричалъ Конрадъ, — „кто, друзья, или непріатели?“

„Это онъ это измѣнникъ Конрадъ,“ — заревѣлъ въ отвѣтъ громовой голосъ, и вмгъ Русская ладья врѣзалась къ нимъ въ бокъ. Ужасъ охватилъ сердце Эммы. Она слышитъ трескъ досокъ, хлопанье парусовъ, крики битвы и клятвы умирающихъ. Мечи скрестились, искры сверкаютъ по шлемамъ; и вотъ нѣсколько выстрѣловъ, и опять сѣча, и наконецъ вопли о пощадѣ. „Нѣтъ пощады, топите разбойниковъ!“ раздалось, и вмгъ ярящіеся волны заплескались надъ тонущими, и залили ихъ пронзительные голоса. Конрадъ схватился было за край, но мольбы злодѣя были безплодны, и онъ, проклинаая себя, съ обрубленными руками опустился на дно морское. — — Какой переходъ отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ чувства страха къ нѣжнымъ ощущеніямъ! Спасенная Эмма опаматовалась въ объятіяхъ братьевъ.

„Слушай, Рамеко!“ говорилъ Всеславъ избѣгшему отъ смерти кормщику Эстонской ладьи: „дарую тебѣ жизнь и свободу, но веди насъ мимо камней, прямо къ Аренсбургу, прямо къ той башнѣ, гдѣ заключенъ плѣнный Рыцарь. Ты сегодня оттуда, слѣдовательно долженъ все знать. Веди, или я познакомлю тебя съ рыбами!“ Эстонецъ повиновался охотно, ибо онъ ненавидѣлъ владѣльцевъ своихъ столько же, сколько ихъ страшился.

Между тѣмъ буря свирѣствовала отъ часу болѣе; дождь лилъ ливнемъ, и только блескъ молніи показывалъ близость замка. „Смотри,“ говорилъ Всеславъ брату, „какъ

дождь гасить ложный маякъ, сложенный изъ бревенъ разбитаго корабля, чтобы приманить другіе къ гибели. Смотри, какъ вѣется молнія вокругъ шпицевъ замка, подвинутаго на костяхъ несчастныхъ пловцовъ, и не для защиты, а для угнетенія людей; но минута карающаго гнѣва приспѣетъ, и гроза небесъ испепелитъ грозу земаи.“

Сюда, сюда, тихо говорилъ кормчій, устремляя бѣгъ ладьи на высокую стѣну. Опустите паруса, снимите мачты, склонитесь сами: мы пройдемъ сквозь низкій сводъ, оставленный для протока воды по рвамъ, къ самому подножію башни. Не безъ трепета и сомнѣній пустились Русскіе подъ сводъ, гдѣ измѣна и гибель могли встрѣтить ихъ. Страшно плескали волны залива въ стѣну, и отраженный, стекали изъ-подъ свода, журча между расщелинами камней; но тамъ все было тихо, и каждый шорохъ вторился многократно. Черезъ минуту они уже были во рву между башнею и стѣною. Вотъ окно заключенника, сказалъ проводникъ, и Русскіе остановились въ недоумѣніи; оно было по крайней мѣрѣ на четыре сажени отъ земли.

Wer da?.. закричалъ часовой, безпечно прохаживаясь по стѣнѣ, и завернулся въ плащъ; въ полной увѣренности, что надъ нимъ потѣшаются злые духи. Я укорочу тебѣ языкъ, злобная птица, тихо сказалъ Гедсонъ: стрѣла взвилась, и часовой полетѣлъ въ воду.

„Счастливыи нуть, товарищъ! Спасибо, что открылъ намъ дорогу наверхъ. Посмотри, братъ Всеславъ, его плащъ зацѣпился за зубецъ и раскинулся по стѣнѣ. Помогите мнѣ, друзья, достать кончикъ; такъ, теперь крѣпко, несорвется, тише. Я уже на верху, а отсюда не болѣе полуторы сажени до окошка. И ты уже здѣсь, братъ Всеславъ, это славно! Теперь, товарищи, вырвите изъ частокола бревно и подайте его сюда; оно послужитъ намъ вмѣсто лѣстницы и тарана.“

Черезъ четверть часа десять удалцовъ были на гребнѣ стѣны, и по приставленному бревну, скользя и обрываясь, лѣзли къ башнѣ. Къ счастью, подлѣ роковаго окна, впадалась надъ рвомъ висѣчая стрѣльница; изъ нея-то Всеславъ достигъ до него. Приложилъ ухо къ рѣшеткѣ: ему послышался голосъ, но это не былъ голосъ Эвальда! Не уже ли же всѣ труды напрасны, не уже ли его обманули? Всеславъ принялъ внимательнѣе къ рѣшеткѣ, не смѣя однако жъ взглянуть въ нее. Гнѣвные слова раздавались въ башнѣ: то говорилъ Ромуальдъ: „Вѣроломецъ, измѣнникъ, предатель, говоришь ты; такія названія мнѣ сладостны изъ устъ моей жертвы. Такъ, я измѣнилъ дружбѣ, я скрывалъ свои чувства, я предалъ тебя сторонникамъ Іоанна, чтобы удовлетворить свои страсти, а мщеніе есть первѣйшая моя страсть. Помнишь ли, Эвальдъ, турниръ въ Кенигсбергѣ, помнишь ли тотъ ударъ копья, которымъ ты выбилъ меня изъ сѣдла? Это еще я могъ простить тебѣ, тутъ была обижена только

гордость; но помнишь ли, что, вмѣстѣ съ призомъ, ты похитилъ у меня и сердце вѣтренной Аделаиды? этого я не могъ простить и никогда не прощу тебѣ; и съ той же минуты погибель твоя была рѣшена. Ревность заставила меня облекчась въ эту мантию, и загнала на скалы Африки, но мѣсть привела сюда. Ты видѣлъ, умѣлъ ли я притворяться; теперь узнай еще, что я оклеветалъ твою Эмму и очернилъ Всеслава, чтобы заставить тебя ихъ обидѣть; этого еще мало, Эвальдъ: недовольный, что я поругалъ твое имя, что вознѣлъ въ твое сердце муки совѣсти: я похитилъ твою Эмму; теперь она уже въ рукахъ моихъ; и вышедъ отсюда, зарѣзавъ тебя, я осушу ея слезы поцѣлуями. Эмма женщина: я ручаюсь, что черезъ два дня она будетъ уже играть этимъ кинжаломъ, который напьется кровью ея супруга.“ — Извергъ природы! воскликнулъ Эвальдъ, всплеснувъ руками: чловѣкъ ли ты? — „О, конечно не Ангелъ,“ злобно отвѣчалъ Мей: „но какія существа мы не позаблудуемъ; я наслаждаюсь мученіями моего врага. Ну полно тебѣ жить, Эвальдъ; теперь я хочу жить за тебя.“ Ромуальдъ взмахнулъ кинжалъ, — но вдругъ сбитая рѣшетка, гремя, ринулась къ ногамъ его. Убійца оцѣпенѣлъ; и Всеславъ, какъ Ангелъ мщенія, ворвался въ темницу и однимъ ударомъ меча обезоружилъ Ромуальда. „Полно тебѣ злодѣйствовать, Мей,“ загремѣлъ онъ. „Твой часъ пробилъ. Выкиньте сего тигра за окно“ — сказалъ онъ своимъ — „чтобы онъ не заражалъ воздуха своимъ дыханіемъ!“ Новгородцамъ не нужно было повторять приказа; Ромуальда схватили, раскачали и вышвырнули въ окно съ башни. Бездѣльникъ не утонетъ, сказалъ Гедеонъ съ насмѣшкою, прислушиваясь къ паденію Мей; у него препустая голова: слышишь ли, какъ звѣнитъ она, стучаясь о камни? — Его и дребезговъ не останутся, отвѣчалъ Илья, прежде нежели долетитъ онъ до низу: всѣ стѣны утыканы частоколомъ.

По дѣламъ вору и мука, примолвилъ Гедеонъ: онъ былъ великій злодѣй. Въ одно мгновеніе разбилъ Всеславъ, рукоятію меча, цѣпи Эвальдовы; и Нордекъ склонилъ предъ нимъ колѣно. „Склоняюсь предъ невинно обиженнымъ мною,“ воскликнулъ онъ, и объемяю моего великодушнаго избавителя.“ Они взирали другъ на друга съ чувствомъ безмолвнаго восторга; и горячія слезы удивленія и раскаянія смѣшались. „Слышишь къ Эммѣ,“ сказалъ Всеславъ: „она невинна и добра какъ и прежде; она здѣсь внизу.“ Съ крикомъ безумной радости вспрыгнулъ Эвальдъ на стѣну, съ ней въ ладью и счастливый, прощенный супругъ упалъ въ объятія восхищенной супруги. Для такихъ сценъ есть чувства, и нѣтъ словъ.

Гроза стихала, и нащипавцы выбирались изъ-подъ свода, когда чей-то стонъ привлекъ ихъ вниманіе. Всеславъ выпрыгнулъ на каменья, чтобы посмотрѣть, кто это, и ужаснѣйшее зрѣлище поразило его взоры: Ромуальдъ, измож-

женный, проткнутый насквозь заостреннымъ бревномъ, висѣлъ головою внизъ и затекалъ кровью; руки замирали съ судорожнымъ движеніемъ, уста произносили невнятные проклятія. „Чудовище!“ сказала Эвальдъ, содрагаясь отъ ужаса: „ты жаждалъ чужой крови, и теперь задыхаешься своею.“ Зажавъ уши, отвративъ глаза, бѣжалъ онъ прочь. Но долго послѣ того ему слышалось въ просонкахъ смертное храпѣніе Мея, и картина его казни представлялась какъ живая.

Ладья летѣла, будто окриленная, и новые родные уже беззаботно предались изліянію чувствъ и разсказамъ. „Посмотри, братъ,“ сказалъ Андрей Всеславу, „какъ разцвѣтаетъ надъ замкомъ зарево; это мое дѣло; я вмѣсто тебя распустилъ на башнѣ огненное знамя истребленія, и позаботился, чтобы намъ было свѣтло въ дорогѣ. Огонь горячо принялся за наше дѣло, да и вѣтеръ раздуваетъ его такъ усердно, будто приверженецъ Гермейстера. Послушайте, какъ кричатъ они, какъ стелется дымъ, и кидаетъ уголья во все стороны. О! это утѣшно, это будетъ памятная отплата г. г. Тайнымъ судьямъ за явные ихъ проказы. Однако жъ посовѣтуй зятю Эвальду не выѣзжать впередъ безъ свиты. У него не двѣ головы, и мнѣніе не обманывается дважды.“

Спѣшите къ берегу, молодые счастливицы! Тамъ встрѣтитъ васъ дружба, и подъ щитомъ своимъ проведетъ на родину. Спѣшите! Въ Нейгаузенѣ ждетъ васъ радость и ликованье; гостепріимство и привѣты найденныхъ родителей ждутъ васъ въ Новѣгородѣ.

Я видѣлъ живописный Нейгаузенъ, и въ немъ не раздавался уже звукъ стакановъ; ни громъ оружія. Верхомъ въѣхалъ я въ круглую залу пиршества; тамъ одно заустѣніе и молчанье. Этотъ замокъ, построенный Вальтеромъ фонъ Нордекомъ, въ 1277 году, и наступившій пятою на границу Россіи, доказывалъ нѣкогда могущество Ордена; теперь показываетъ онъ силу времени. Лишь одна круглая башня, прекрасной готической архитектуры, устояла; остальное распалось. Но карнизамъ стелется плющъ, деревья вънчаютъ зубчатая стѣны; изъ бойницы, откуда летали нѣкогда мѣткія стрѣлы, выпархиваетъ теперь мирная ласточка; и ручей, пробираясь между развалинъ, омываетъ главы обрушенныхъ башенъ, которыя когда то глядѣлись съ высоты въ его поверхность.

А. Марлинскій.

Отрывокъ изъ историческаго Романа:

СТРѢЛЬЦЫ.

Благовѣстъ призывалъ православныхъ къ обѣднѣ, когда Сухаревскаго полка Пятисотенный Василій Бурмистровъ шелъ къ начальнику Стрѣлецкаго Приказа, Князю Михаилу

Юрьевичу Долгорукому. Проходя по берегу Москвы-рѣки и поровнявшись съ однимъ низенькимъ домикомъ, или лучше сказать хижиною, увидѣлъ онъ подъ окнами оной сидѣвшую на скамьѣ старушку, одѣтую въ черный сарафанъ и повязанную платкомъ того же цвѣта. Она горько плакала. Бурмистровъ рѣшился подойти къ ней и спросить о причинѣ ея горести. Долго рыданія мѣшали ей отвѣчать на вопросъ прохожаго. Наконецъ она, отнявъ отъ глазъ платокъ и взглянувъ на Бурмистрова, на лицѣ котораго живыми красками изображалось состраданіе, сказала ему:

„На что, батюшка знать тебѣ про мое горе? Ты мнѣ не поможешь.“

— Почему знать, старушка! Можетъ быть я и найду средство помочь тебѣ. —

„Нѣтъ, кормилецъ мой! Мнѣ ужъ не долго осталось жить на свѣтѣ. Скоро прикроетъ меня гробовая доска, и тогда горю конецъ! Охъ, Бояринъ, Бояринъ! Будешь ты отвѣчать передъ Богомъ, что обижаешь меня, бѣдную.“

— Про какого Боярина говоришь ты, бабушка? —

„Богъ ему судья! Я не хочу его осуждать и передъ добрыми людьми порочить.“

— Будь со мною откровенна; скажи: кто твой обидчикъ. Авось я и помогу тебѣ. Меня знаютъ многіе знатные Бояре. Я замолвлю за тебя слово предъ ними. Самому Царю ударю челомъ. —

„Спасибо тебѣ, кормилецъ, что за меня, беззащитную вдову, вступаешься. Богъ заплатитъ тебѣ! Знаю, что ты мнѣ не поможешь, но такъ и быть: я все тебѣ расскажу. Вотъ видишь-ли тамъ, за крашенымъ заборомъ, гдѣ ворота со лѣвами на веревкахъ, большой садъ и высокія хоромы? Тамъ живетъ сосѣдъ мой, Бояринъ Милославскій. Мой покойный сожитель Петръ Ивановичъ, по прозванію Смирновъ, здѣшней приходской церкви священникъ, оставилъ мнѣ этотъ домишко съ огородамъ. Онъ преставился наканунѣ Крещенья, не задолго до кончины Царя Алексѣя Михайлыча. Вотъ ужъ седьмой годъ, кормилецъ мой, какъ я вдовѣю. Сынъ мой Андрюша обучается въ Окодеми, что въ Андреевскомъ монастырѣ. Не отдала бы я его туда ни за что, какъ-бы не покойникъ мужъ завѣщаль. Будущимъ лѣтомъ, въ день Святыхъ мученицы Аграфены купальницы, минетъ ему 18 лѣтъ; могъ бы ужъ хлѣбъ доставать да меня, старуху, кормить. А то бѣетъ только баклуши, прости Господи! Только и вижу его въ праздники; а въ будни все въ монастырѣ. Учится тамъ какой-то *Крекетской* граматѣ, *Алтынскому* азыку, и не вѣсть чему! Какъ-бы не помогала мнѣ дочь Паташа, такъ давно бы я съ голоду померла. Она однимъ годомъ помоложе брата. А какая разумная, какая добрая! Самоучкой выучилась золотомъ вышивать. Успѣваетъ и шить и за хозяйствомъ ходить, а по вечерамъ читаетъ мнѣ Писаніе да Житія. И въ книжномъ-то Ремеслѣ

она, я чай, брату не уступить. Въ праздникъ только у нея, моей голубушки, и дѣла, что съ нѣмъ за книгой, да за грамотой сидѣть. Пинетъ, словно приказной! И братъ то на нее только дивуется. Каково же мнѣ, батюшка, разстаться съ такою дочерью!“

При сихъ словахъ, старушка снова горько заплакала, но потомъ, скрѣпясь, продолжала: „Быль у меня, батюшка, знакомецъ, Площадной Подъячій, Сидоръ Терентьевъ Лысковъ. Онъ часто навѣщалъ меня, ухаживалъ за мною, старую, грамотки писалъ, по Приказамъ за меня хлопоталъ. Не могла я нахвалиться имъ. Думала, что онъ доброй чело-вѣкъ, а онъ-то, злодѣй, и погубилъ меня! Въ прошломъ году на моемъ огородинкѣ всю капусту червь поѣлъ, да попу-щеніемъ Божиимъ отъ грозы учинился въ домишкѣ пожаръ. Приѣхали Обѣзжіе съ Рѣшеточными Приказчиками, и съ ними цѣлая патага мужиковъ съ рогатинами, топорами и водоливными трубами. Огонь зажали, и поставили весь домъ вверхъ дномъ. Многo перепортили, многo растащили. Паташа съ испуга захворала. Пришлось хоть по міру идти! Я и сказала о своей несгодѣ Подъячему. Онъ дня черезъ два принесъ мнѣ десять рублей серебряныхъ, и сказалъ, что упросилъ крестнаго отца своего, Боярина Милославскаго, помочь мнѣ, бѣдной, и дать займы безъ росту и безъ сроку. Принесъ съ собою писанную грамотку и велѣлъ въ деньгахъ расписаться Наташѣ. Она было хотѣла грамотку прочитать: не даль лукавецъ! Сказалъ, что она приказныхъ дѣлъ не смыслитъ. Я и велѣла ей расписаться. А сегодня утромъ пришли ко мнѣ подъячіе изъ Холопьяго Приказа и объявили, что Наташа должна у Милославскаго служить во дворѣ, и что онъ завтра пришлетъ за нею своихъ холоповъ. Я сѣту Божьяго не взвидѣла! Ужъ не за долгъ ли, подумала я, беретъ Бояринъ къ себѣ Наташу? Побѣжала къ знакомымъ просить въ займы десяти рублей, чтобы отдать долгъ Боярину. Бѣгала, бѣгала, кланялась въ ноги: никто не даль! У всѣхъ одинъ отвѣтъ: самимъ, бабушка, ѣсть нечего. Не знаю что и дѣлать! Наташа съ утра пошла навѣстить больную тетку. Я чай, скоро воротится. Ума не приложу: какъ сказать ей про мое горе и бѣду не минуемую! Погубила я, окаинная, мою Наташу!“

Старушка залилась слезами. Бурмистровъ, не говоря ни слова, вынулъ изъ подъ кафтана кожаный кошелькъ, отдалъ вдовѣ и, не давъ ей опомниться, поспѣшными шагами удалился. Съ берега Москвы-рѣки входя въ улицу, въ которой находился домъ Долгорукаго, увидѣлъ онъ вдали старушку передъ ея хижинкой. Она стояла на козлахъ, съ воздѣтыми руками ко кресту, который по ту сторону рѣки сіялъ на главѣ церкви.

Въ кошелькѣ было девять клейменыхъ сѣмковъ, пять золотыхъ и нѣсколько серебряныхъ копѣекъ. Немедленно старушка побѣжала къ Милославскому и, заплативъ сѣмкомъ

слугѣ, упростила его сказать Боярину, что она пришла къ нему для уплаты долга. Но черезъ нѣсколько минутъ слуга вышелъ къ ней съ отвѣтомъ, что дѣло объ ей долгѣ уже кончено, и что Бояринъ денегъ отъ нея не приметъ. „Поди, поди!“ говорилъ онъ выводя плачущую старуху со двора. „Хоть до завтра кланяйся: не пущу къ Боярину! Не вѣдьно!“

Солнце давно уже закатилось, когда Бурмистровъ возвращался домой по опустѣвшимъ улицамъ. Пройдя переулокъ, мимо длиннаго и низкаго строения, вышелъ онъ на берегъ Москвы-рѣки, и сѣлъ отдохнуть на скамью, стоявшую подъ окнами небольшого деревяннаго дома, отъ котораго начинался заборъ Милославскаго. Густыя облака покрывали небо и умножали вечернюю темноту. Въ окнѣ, подъ которымъ сидѣлъ Василій, появился свѣтъ, и вскорѣ кто-то отворилъ окно, говоря сильнымъ голосомъ: „Угроздила же его нелегкая истощить печь, на ночь глядя! Я такъ угорѣлъ, что въ глазахъ зелено. Сядемъ-ка, къ окошку, такъ угаръ скорѣе пройдетъ.“

— Бояринъ давно ужъ спитъ во всю Ивановскую! — сказалъ другой голосъ. „Можно, я чай, и выпить. Да вотъ этого не попробовать ли, Миронычъ? Тайкомъ у Нѣмца купилъ. Выкуримъ по трубкѣ! —

„Что это? Табакъ! Ахъ ты, грѣховодникъ! Получше насъ съ тобой крестный сынъ Боярина, Сидоръ Терентьичъ, да и тому, за эту поганую траву, чуть было носъ не отрѣзали. Какъ-бы не крестное цѣлованье, такъ не уцѣлѣть бы его носу. Сидоръ-то Терентьичъ, прости Господи, давно продалъ душу *ненашему*! Поцѣлуешь крестъ во всякой неправдѣ. А вѣдь мы съ тобой православные! Коли поймаютъ насъ съ табакомъ, такъ мы отъ кнута то не отцѣлуемся.“

— Ну, такъ выпьемъ винца. —

„Да не корчемное ли?“

— Нѣтъ, съ Отдаточнога Двора. —

„То то, смотри. За твое здравіе, Антипычъ!“

— Допивай скорѣе; другую налью! —

„Нѣтъ будетъ. Боюсь проспать. Бояринъ приказалъ идти за три часа до разсвѣта съ Ванькой, да съ Ѳедькой, за дочерью Попадья Смирновой.“

— За какой дочерью? —

„Да развѣ ты ничего не слыхалъ?“

— Отъ кого мнѣ слышать! Расскажи пожалуйста. —

„Вотъ видишь дѣло въ чемъ. Бояринъ съ годъ назадъ или побольше, за обѣдней у Шиколы въ Драчахъ, подмѣтилъ молодую дѣвку, слышь ты, красавицу! Я съ нимъ былъ въ церкви. Онъ и приказалъ мнѣ провѣдать: кто эта дѣвка? Послѣ обѣдни пошла она съ молодымъ парнемъ домой, а я за ними слѣдомъ. Гляжу: они вошли въ избу, знаешь тамъ, подлѣ нашего сада, а у воротъ сидитъ мужикъ съ рыжей

бородой. Я къ нему подсѣлъ и разговорился. Онъ мнѣ разсказалъ, что эта дѣвка — дочь вдовой Попадѣи Смирновой, а иарень — ея братъ. Я и донесъ обо всемъ Боярину. Тутъ же случился Сидоръ Терентьичъ. Бояринъ меня выслалъ вонъ, и начали они о чемъ-то шептаться. Долго шептались. Въ прошломъ году. Смотри! Бороду сжегъ! Экъ дремлетъ! Качается словно языкъ на Иванѣ Великомъ! Не люблю слушать, такъ поди спать.“

— Нѣтъ, пожалуйста, разсказывай. Невзначай вздремнулось. —

„То то невзначай. Коли еще вздремнешь, такъ лягу спать, а завтра слова отъ меня не добьешься. Налей ка еще кружку; въ горла пересохло. Ну, такъ вотъ видишь: въ прошломъ году у Попадѣи невзначай домъ загорѣлся, примѣромъ сказать, какъ твоя борода. Наѣхали Обѣзжіе съ Рѣшеточными, и старуху въ конецъ разорили. А Сидоръ Терентьичъ и смекнулъ дѣломъ. Написалъ служилую кабалу. Я ее переписывалъ. Въ кабалѣ было сказано: *Попадѣя Смирнова съ догерью заняла у Боярина Милославскаго десять рублей на годъ безъ росту, а полягутъ денги по срокъ, то ей догери у государя своего, Боярина Милославскаго служить за ростъ по вся дни во дворъ; росту она высокаго, лицомъ бѣла, волосы темнорусые, глаза голубые, 16-ти лѣтъ.*“

— Какъ такъ? Я что-то этого въ толкъ не возьму. —

„Все дѣло въ томъ, что дочь Попадѣи отдана теперь Приказомъ въ холопство нашему Боярину. Понимаешь ли?“

— Разумѣю. Сирѣчь она съ нами стала одного поля ягода? —

„Нѣтъ, братъ, погодн! Бояринъ - то давно на нее зарился. Женился онъ на ней не женится, а полубоярыней-то она будетъ. Понимаешь ли?“

Разумѣю. Сирѣчь она съ нами, холопами, водиться не станетъ. —

„Экой тетеревь! Совѣмъ не то. Ну да что съ тобой теперь толковать! Самъ ее завтра увидишь. Бояринъ, слышь ты, велѣлъ привести ее, къ нему въ ночь, чтобы шуму и гаму на улицѣ не падѣлать. Вѣдь станетъ плакать да вопить, окаянная. Она теперь въ гостяхъ у тетки, да не минуешь нашихъ рукъ. Около дома на всю ночь поставлены сторожа съ дубинами, да Рѣшеточный Прикащикъ въ сосѣдней избѣ укрывается. Не уйдетъ голубушка! Домъ ея тетки не подалеку. Тѣфу пропасть! Опять ты задремалъ. Нѣтъ полно! Пора спать. Завтра вѣдь до цѣтуховъ надо подняться.“

Окно затворилось, и огонь погасъ. Выслушавъ сей разговоръ, Бурмистровъ всталъ со скамьи и поспѣшилъ возвратиться домой.

— Вставай, Борисовъ *)! — сказалъ Василій, войдя въ свою горницу, освещенную одною лампадою, которая горѣла передъ образомъ: „Какъ заспался! Ничего не слышишь. Эй, товарищъ!“ Съ этими словами онъ потрясъ за плечо Борисова, который спалъ на скамьѣ подлѣ стола, положивъ подъ голову свернутый опашень.

Борисовъ потянулся противъ глаза и сѣлъ на скамью. „Ужъ оттуда не вылезетъ!“ пробормоталъ онъ.

— Что такое ты говоришь? —

„Такъ и полетѣлъ въ омутъ винъ головами!“

— Ты бредишь, я вижу. Опомнись скорѣе, да надѣвай саблю; намъ надо идти. —

„Ити? Куда ити? Ахъ, это ты, Василій Петровичъ. Куда это запропастился? Я ждалъ, ждалъ тебя, да и вздремнулъ со скуки. Какой мнѣ страшный сонъ привидѣлся!“

— Послѣ расскажешь, а теперь поскорѣе пойдемъ! —

„Почью то! Да куда намъ идти? Домовыхъ что ли пугать?“

— Не хочешь, такъ я одинъ пойду. Эй! Гришка! —

Вошелъ одѣтый въ овчинный полушубокъ слуга, съ длинною бородою.

„Бѣги въ первую съѣзжую избу; и позови десятерыхъ изъ монаховъ молодцевъ. Скажи, чтобъ взяли сабли и ружья съ собою! Проворнѣе! Да вели Федькѣ заложить вороную въ одноколку.“

— Куда ты собираешься? — спросилъ удивленный Борисовъ. — „Вдругъ вздумалъ схватъ, да еще и въ одноколку! Развѣ ты забылъ Царскій указъ?“

„Не забылъ; да въ указѣ про ночь ничего не сказано, и притомъ никто меня не увидитъ. Пѣмецъ Бауманъ подарилъ мнѣ одноколку за два дня до указа, и я ни разу еще въ ней не ѣзжалъ. Хочется хоть разъ прокатиться.“

— Ты вѣрно шутишь, Василій Петровичъ! —

Василій, въ ожиданіи Стрѣльцовъ ходя большими шагами взадъ и впередъ по горницѣ, рассказалъ Борисову цѣль своего ночнаго похода.

„И я съ тобой! Куда ты, туда и я. Въ огонь и въ воду готовъ! Только смотри, чтобъ намъ не досталось. Съ Милославскимъ то шутить не съ своимъ братомъ.“

— Если ты трусишь, такъ останься! —

„Нѣ къ тому мое слово, Василій Петровичъ! Мнѣ не своей головы, а твоей, жалъ. Я люблю тебя, какъ отца роднаго. Никогда твою хлѣбъ-соль не позабуду. Безроднаго ты приютилъ меня и вывелъ въ люди.“

— Ну полно! Что толковать о старинѣ! Лучше расскажи: что тебѣ приснилось! —

*) Борисовъ Пятидесятникъ Сухаревскаго полка, жившій въ домѣ Бураистрова.

„Пожалуй! Снимаю мнѣ, что мы съ тобой стоимъ на высокой горѣ. Съ одной стороны видимъ долину, да такую долину, что вотъ такъ-бы и спрыгнуть туда! Рай Эдемскій! Съ другой стороны гора, какъ пожемъ сръзана. Крутизна — взглянуть страшно, а внизу такой омутъ, что дна не видать. Смотримъ: летитъ изъ долины бѣлая голубка. Она съла къ тебѣ на плечо. Вдругъ съ той стороны, гдѣ былъ видѣнъ омутъ, лѣзетъ на гору волкъ, ростомъ съ добраго медвѣдя, а за нимъ скачутъ, словно лягушки — наше мѣсто свято! — восемь бѣсовъ, ни дать ни взять, какъ на нашемъ главномъ знамени, на которомъ Страшный Судъ вытканъ. Волкъ прямо бросился на тебя, повалилъ на землю и потащилъ къ омуту, а голубка вспорхнула, начала надъ тобой виться и жалобно заворковала. Ты съ волкомъ барахтаешься. Я — было бросился къ тебѣ на подмогу, анъ вдругъ бѣсы схватили меня, да и не пускаютъ. Мнѣ такъ стало горько, такъ душно, что и на яву, я чай, легче на петлѣ висѣть, а лукавые начали вокругъ меня плясать и кричать: Здравствуй, братъ! Знаешь ли ты насъ! Ступай къ намъ въ гости! Давай пировать! — Я хотѣлъ-было сотворить крестное знаменіе и молитву: Да воскреснетъ Богъ! но окаленные схватили меня за руки и зажали мнѣ ротъ. Вдругъ изъ долины бѣжитъ на гору левъ, ну вотъ точь въ точь такой, какъ на картинкѣ, которую подарилъ тебѣ начальникъ нашъ, Князь Михайло Юрьичъ. Левъ напалъ на волка, но бѣсы завывали, какъ псы передъ пожаромъ, кинулись на льва и бросили его въ омутъ. Тамъ кто-то громко захохоталъ совсѣмъ не человѣческимъ голосомъ — похоже какъ лѣшій въ лѣсу хохочетъ. Меня подражалъ морозъ по кожѣ. Волкъ притащилъ ужъ тебя на самый край горы. Откуда ни возьмись медвѣдь, съ чернымъ, деревяннымъ крестомъ въ лапѣ, какой на могилахъ ставятъ. Онъ обнялся съ волкомъ, потомъ схватилъ тебя въ лапы и унесъ за какую-то невысокую каменную стѣнку. Бѣсы подбѣжали къ волку и начали вокругъ него плясать, а медвѣдь воткнулъ крестъ въ землю, и нагибаетъ тебя, чтобы ты передъ крестомъ помолчился. Глядь! Въмѣсто креста стоитъ ужъ высокій, красный шестъ, а ты, оборотись лицомъ къ долинѣ; началъ молиться. Я также оборотился, и вижу въ небѣ надъ долиной бѣлое облако, а изъ него лучи во всѣ стороны такъ и сіяютъ! Солнышко отъ нихъ поблѣднѣло и стало похоже на серебряную тарелку, которую только что принесли въ горницу изъ холоднаго погреба. Медвѣдь бросился на тебя, волкъ къ нему, и вдругъ столкнулъ его въ омутъ, а голубка опять сидитъ у тебя на плечѣ. Волкъ, увидѣвъ ее, завывалъ и оскалывалъ зубы. Голубка снова вспорхнула, а одинъ изъ бѣсовъ вырвалъ изъ земли красный шестъ и началъ толкать тебя къ омуту. Вдругъ надъ долиной подъ бѣлымъ облакомъ что-то зачернѣлось. Ближе, ближе! Глядимъ: летитъ орелъ о двухъ головахъ. Надъ самой верхушкой горы остановился

и началъ спускаться. Крылья такія, что цѣлый полкъ прикроетъ! Бѣсъ съ шестомъ кинулся на меня и столкнулъ въ омутъ, но я очутился въ долину, а бѣлое облако у меня надъ самою головою, словно золотой шатеръ разстилается. Сердце у меня — не знаю отъ чего — такъ и запырғало отъ радости. Подлѣ меня на муравѣ спитъ левъ. Я себя и думаю: какъ же это и левъ и я сюда попали? Взглянулъ я на гору. Ты все еще тамъ, а бѣсы вокругъ волка сбѣжались въ кучку и смотрять на орла. И начали они съ волкомъ — какъ бы тебѣ это сказать — не то, чтобъ ежиться, а будто бы пропадать въ туманѣ, и вдругъ свернулись, въ черный большой шаръ. Онъ началъ кататься изъ стороны въ сторону и обернулся въ какого-то страшнаго звѣря съ семью годами. Орелъ схватилъ его въ когти, взвился и опустилъ въ омутъ. Въ это самое время ты меня разбудилъ.“

— Ну, а что сдѣлалось съ голубкой? — спросилъ Василій.

„Не знаю. Какъ-бы ты не разбудилъ меня, такъ я бы посмотрѣлъ.“

На лѣстницѣ послышался шумъ шаговъ. Двери открылись, и вошелъ десять вооруженныхъ Стрѣльцовъ.

— Ребята! сказалъ Василій, — есть у меня просьба до васъ. Одинъ Бояринъ обманомъ закабалилъ мою родственницу. Въ нынѣшнюю ночь хочетъ онъ взять ее силой къ себѣ во дворъ. Надобно ее отстоять. Каждому изъ васъ будетъ по десяти серебряныхъ копѣекъ за работу. —

„Благодарствуемъ твоей милости!“ закричали Стрѣльцы. „Рады тебѣ служить всегда вѣрой и правдой.“

— Только смотрите, ребята! Никому ни полслова. —

„Не опасайся, Василій Петровичъ! И пыткой у насъ слова не вымучать!“

— Я полагаюсь на васъ. За мной, ребята! —

Василій, сойдя съ лѣстницы, сѣлъ съ Борисовымъ въ одноколку, и выѣхалъ со двора на улицу. „Если кто меня спроситъ, Гришка,“ сказалъ онъ слугѣ, „то говори, что меня потребовалъ къ себѣ Князь Долгорукий.“

Онъ пошевелилъ вожжами и поѣхалъ шагомъ, дабы шедшіе за нимъ Стрѣльцы не отстали. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Смирновой, онъ остановился и вышелъ изъ одноколки, приказавъ Борисову и Стрѣльцамъ дожидаться его на этомъ мѣстѣ. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался въ калитку. Залаяла на дворѣ собака; но калитка не открывается. Между тѣмъ, при свѣтѣ мѣсяца, приметилъ онъ, что изъ воротъ дома Милославскаго вышли три челоуѣка въ Татарскихъ полукафтанныхъ и шапкахъ. У каждаго былъ за спиною колчанъ со стрѣлами, а въ рукѣ большой лукъ. Въ нетерпѣніи началъ онъ стучать въ калитку ножами сабли.

„Кто тамъ?“ раздался на дворъ грубый голосъ.

— Отпирай! —

„Не отопру. Скажи прежде нашъ или не нашъ?“

— Отпирай, говорятъ. Не то калитку вышибу! —

„А я те дубиной по лбу, да съ цѣпи собаку спущу. Много ли васъ? Погодите! Вотъ уже васъ. Объязжіе! Они сей часъ только проѣхали и скоро вернутся! Вздумали разбойничать на Москвѣ-рѣкѣ! Шли бы въ глухой переулочекъ!“

— Дурачина! Какой я разбойникъ! Я знакомецъ вдовы Смирновой. Миѣ до нея крайняя нужда. —

„Не морочь, братъ! Что за нужда ночью до старухи. Убирайся по добру по здорову, покаместъ Объязжіе не наѣхали. Худо будетъ! Да и хозяйки нѣтъ дома.“

— Скажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ она?

„Не скажу-ста. Да чу! Никакъ Объязжіе ѣдутъ. Улестывай, пока цѣль!“

Въ самомъ дѣлѣ раздался въ дали конскій топотъ. Легко вообразить себѣ положеніе Бурмистрова. Не зная гдѣ живетъ тетка Патали, онъ хотѣлъ спросить о томъ у вдовы Смирновой, и сказать ей о своемъ намѣреніи. А теперь онъ не зналъ на что рѣшиться. Выломить калитку и принудить дворника сказать: гдѣ хозяйка, или дочь ея — невозможно; ибо шумъ могъ разбудить людей въ домѣ Милославскаго и все дѣло испортить. Притомъ угрожало приближеніе Объязжіихъ. Гнаться за вышедшими изъ воротъ людьми Милославскаго — также не возможно, ибо они давно уже переѣхали Москву-рѣку, и оставили лодку у другаго берега. Бѣжать къ мосту — слишкомъ далеко; потерпѣшь много времени, и притомъ какъ попасть на слѣдъ этихъ людей? Оставалось возвратиться домой и успокоить себя тѣмъ, что употреблены были всѣ средства для исполненія добраго, но невозможнаго намѣренія. Василій почти уже рѣшился на послѣднее и пошелъ поспѣшно къ своей одноколку; но какой-то внутренній, тайный голосъ твердилъ ему: дѣйствуй! Лицо его пылало отъ сильнаго душевнаго волненія, и онъ дивился: почему онъ съ такимъ усердіемъ старается защитить отъ утѣснителя дѣвушку, никогда имъ не виданную и извѣстную ему по однимъ только рассказамъ. Онъ сѣлъ въ одноколку.

„Куда ты теперь?“ спросилъ Борисовъ.

— Самъ не знаю куда! — отвѣчалъ Василій. „Поѣду куда глаза глядятъ, а ты съ нашими молодцами перейди черезъ мостъ, да подожди меня у лодки, вонъ видишь, что стоитъ у того берега.“

„Ладно! Однако жъ не забудь, что скоро свѣтать начнетъ. А намъ, я чай, надо воротиться домой до разсвѣта. А то народъ пойдетъ по улицамъ. Тогда на берегу стоять будетъ не ловко. Если спросятъ насъ: что мы тутъ дѣлаемъ? Не сказать же, что лодку или рѣку стережемъ.“

Для лодки-то одиннадцати сторожей много, а Москву-рѣку никто не украдетъ.“

— Разумѣется, что должно воротиться домой до разсвѣта. Ступай-же на тотъ берегъ, а я поѣду. Прощай! —

Василій скоро скрылся изъ вида. Борисовъ и Стрѣльцы переправились черезъ мостъ, дошли до назначенной лодки и сѣли на берегу. Прошелъ часъ: нѣтъ Бурмистрова. Проходитъ другой: все нѣтъ, а на безоблачномъ Востокѣ уже появилась зари.

„Что это вы, добрые молодцы тутъ дѣлаете?“ спросилъ вооруженный рогатиною Рѣшеточный Прикащикъ, проходившій дозоромъ по берегу Москвы рѣки.

„Звѣзды считаемъ, дядя!“ отвѣчалъ Борисовъ.

„Дѣло! А много ли насчитали?“

„Тмы темъ, да и счетъ потеряли, и потому собираемся итти домой.“

„Дѣло! А какого полка и чина твоя милость, и какъ прозваніе?“

„Я небывалаго полка Пятидесятникъ Архипъ Неотвѣчаловъ.“

„Дѣло! А не съ лихимъ ли какимъ умысломъ пришли вы сюда, добрые молодцы — не въ обиду вамъ буди сказано — и по чьему приказу?“

„Не съ лихимъ, а съ добрымъ. А по чьему приказу — не скажу, да и сказать не лѣзя. Накрѣпко заказано. Э! да ужъ солнышко взошло. Пойдемъ-те, ребята, домой.“

„Дѣло! А не пойти ли мнѣ за вами слѣдомъ?“

„Пойдешь, такъ въ воду столкнемъ.“

„Дѣло! Ступайте домой, добрые молодцы. Нѣтъ, чтобъ вы на Обѣзжихъ натолкнулись. Съ ними народу-то много, такъ съ вами управятся. Шутками не отболяритесь. А мнѣ, одному, вѣстимо, съ такою гурьбою не сладить.“

„Дѣло!“ сказалъ Борисовъ, передразнивая Прикащика, и пошелъ скорымъ шагомъ со Стрѣльцами по берегу Москвы-рѣки. Солнце уже высоко поднялось, когда они вошли въ свою Сѣзжую избу.

К. Масальскій.

Изъ романа :

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

Глава VI.

СОПЕРНИКИ.

Остерманъ, сынъ пастора Вестфальскаго мѣстечка Бокума, потомъ студентъ Іенскаго Университета, гдѣ запасался обширными знаніями, шутя и ставя профессору восточныхъ языковъ (Кѣру) своею любезностію рога и своимъ остроум-

ными кушетами ослинный уши; тамъ же за честь свою по-царапалъ кого-то недовко, и оттуда бѣжалъ въ тогдашнее пристанище людей даровитыхъ — подѣ сѣнь Образователя Россіи. Угаданный его гениемъ, этотъ Остерманъ, въ благодарность, укрѣпилъ дипломатикой своей Россіи при-Балтійскія области ея, которыя ускользали было изъ-подъ горячаго меча побѣдителя (не говорю о другихъ важныхъ подвигахъ Министра на пользу и величіе нашего отечества). Этотъ самый Остерманъ, въ свою очередь обогащенный деревнями и деньгами, Вице-Канцлеръ, Графъ, умѣвшій удержать за собою, какъ бы по наслѣдству, довѣріе и милости двухъ Императоровъ, двухъ Императрицъ, одного Правителя, одной Правительницы и, что еще труднѣе, трехъ временщиковъ, Русскихъ и не Русскихъ, составлялъ въ царствованіе Анны Іоанновны между соперничающими партіями перевѣсное лицо. Зная силу Бироны, любима ея и вмѣстѣ главы Нѣмецкой партіи, опиравшейся на Престолъ, посохъ Новгородскаго Архiepаcтbрa и ужасъ цѣлаго народа, хитрый Министръ тайно дѣйствовалъ въ пользу этой стороны; не явно не грубилъ Русской партіи, которой предводителемъ былъ Волинскій, имѣвшій за собою личныя заслуги, отважный и благородный духъ, дружбу нѣсколькихъ патріотовъ, готовыхъ умереть съ нимъ въ правомъ дѣлѣ, Русское имя и вниманіе Императрицы — до тѣхъ поръ однако жъ надежное, пока не нужно было рѣшати между двумя соперниками. Онъ видѣлъ возмущающуюся борьбу народности съ деспотизмомъ временщика; но зналъ, что представителями ея нѣсколько пылкихъ, самоотверженныхъ головъ, а не народъ, одушевленный познаніемъ своего человѣческаго достоинства. Тогдашній народъ, включая и дворянство, погрязшій въ невѣжествѣ и рабѣнномъ страхѣ, крѣхтѣлъ, страдалъ; но также охотно бѣгалъ смотрѣть на казнь своихъ защитниковъ, какъ бы на казнь утѣснителей своихъ. Остерманъ зналъ, что истиннаго самопознанія не существовало въ Россіи, и тѣ, кто вздумали ее представлять одними своими особами, замыслили невѣрное. Къ тому жъ онъ увѣрился, что привязанность Государыни къ Герцогу должна восторжествовать надъ всѣми обстоятельствами. И потому держался Бироновской партіи и укрѣпился подѣ сѣнью ея на зторостепенномъ мѣстѣ Империн. Такимъ образомъ, казалось, математически обезопасилъ свое лицо отъ превратностей фортуны. Въ расчетахъ сихъ онъ не догадался только, что хотя просвѣщенной національности не существовало въ Россіи, но сѣмя ея заброшено въ каждомъ человѣкѣ, гдѣ лишь только есть народъ; и потому дѣйствовать именемъ ея легко было въ лицѣ Той, которая, какъ дочь Великаго Петра, Отца отечества, могла возбудить сію народность лучше сборища патріотовъ, дѣйствующихъ отъ себя. Онъ думалъ, что достаточно отдалилъ Елисавету Петровну отъ этой роли и — ошибся. За эту ошибку поплатился

онъ всёми, что приобрѣлъ заслугами Царямъ и Россіи, умомъ своимъ и хитростію. Такіе молніеполюсные промахи самыхъ утопченныхъ политиковъ освѣщаютъ для насъ Око Провидѣнія. Видно, подъ заринцею ихъ сіяетъ жатва Божья!

Дивное явленіе въ нашей исторіи этотъ Остерманъ! Какой чудный путь протекъ онъ отъ колыбели своей въ захолустѣ Германскаго Запада, до Березова! Прінявъ изъ рукъ Судьбы страннической посохъ на пороги пресвитерской хижины, онъ сочеталъ его потомъ со скипетромъ величайшаго изъ Государей, начерчивалъ имъ военные планы, мировылъ народамъ и Царямъ, и Уставы на вѣковую жизнь Имперіи, указывалъ череду на Престолахъ, и наконецъ положилъ сей посохъ такъ скромно, такъ печально, на Востокъ, въ тундрахъ Сибири! . Бокумъ, Іена, Иштадтъ, Березовъ! Надобно же было такъ.

Но виновать: я увлекся чудною судьбою одного изъ величайшихъ двигателей просвѣщенія въ Россіи, который еще не оцѣненъ достойнымъ образомъ и ожидаетъ своего историка. Обращаюсь къ роману.

Наступало однако жъ критическое для Остермана время: онъ поддерживалъ доселѣ Герцога, какъ любимца Государыни, которую самъ возвелъ на престолъ; теперь, когда узнаны были его высшіе виды, надлежало помогать ему всходить на ступени этого престола, или вовсе отъ временщика отложиться. Въ послѣднемъ случаѣ Вице-Канцлеръ давалъ торжествовать Русской партіи и возводилъ Волинскаго на первенствующее мѣсто въ Кабинетъ и въ Имперіи. Онъ пришелъ къ Герцогу, затвердивъ двусмысленную роль, которую рѣшился играть до того времени, пока сами обстоятельства развернуть ему его обязанности.

Вслѣдъ за нимъ явился даже отъ Государыни, звавшій къ себѣ Его Свѣтлость. Дали отвѣтъ, что сейчасъ будутъ.

Худо чесанная голова, засаленная одежда Министра, представляли совершенный контрастъ съ щеголеватой наружностію хозяина. Входя въ Кабинетъ, онъ опирався на свою трость, какъ разслабленный.

— Каково здоровье? спросилъ его Биронъ съ живымъ участіемъ, усаживая въ кресла. Эй! Кульковскій! — Скамейку подъ ноги дорогаго гостя! Я знаю, вы страдаете подагрой. Подушку за спину!

Невольный пажъ, подставивъ скамейку подъ ноги Министра и уложивъ подушку за спину его, вышелъ съ лицомъ, багровымъ отъ натуги; и Министръ благодаря и охая, и морщась, и вскидывая глаза къ небу, чтобы въ нихъ не лѣзъ было прочесть его помысловъ, отвѣчалъ: — Заша Свѣтлость знаете мои немощи... несносная подагра! охъ!... къ тому жъ начинаю худо видѣть, худо слышать.

— Конечно, не все до слуха вашего доходитъ, но мы вамъ въ этомъ случаѣ поможемъ, сказалъ Биронъ двусмысленно, подвигая свои кресла къ кресламъ Остермана; а что

касается до зрѣнія, то у васъ есть умственное, которому не надо ни очковъ, ни подзорной трубки.

Вице-Канцлеръ и благодарилъ его наклоненіемъ головы, и улыбувшись расправилъ себѣ волосы пятернею пальцевъ, какъ гребнемъ. Биронъ продолжалъ: — Самсонъ покорился слабой, но лукавой женщинѣ. Умъ стоитъ тѣлесной силы. Здоровье, сила душевная, нужны намъ, почтеннѣйшій Графъ, особенно теперь, когда враги наши дѣйствуютъ противъ насъ всѣми возможными способами, и явно и тайно. Я говорю, враги наши, потому что своего дѣла не отдѣляютъ отъ вашего.

— Конечно, Герцогъ, я держусь вами охъ! эта нога. (онъ наморщился и потеръ ногу, долго не будучи въ состояніи произнести слова) держусь, какъ старая виноградная лоза, иссыхающая отъ многихъ жатвъ, крѣпится еще около дуба, во всей красѣ и силѣ.

Здѣсь Курляндецъ пожалъ ему дружески руку.

— Но развѣ есть новости послѣ того, какъ я имѣлъ честь бесѣдовать съ Вашей Свѣтлостью?

— Долженъ признаться Вашему Сіятельству, что мятежническій духъ Волынскаго и, къ стыду нашему, еще Кабинетъ - Министра, нахально усиливается каждый день. Перокинъ, Суминъ - Купшинъ, Щурховъ и многіе другіе, составляющіе Русскую партію, предводимую демономъ безначалія, близятся съ каждымъ днемъ къ Престолу и шепчутъ уже Государынѣ нашу гибель. Смерть, казнь всѣмъ Нѣмцамъ — царь ихъ. Никогда не работали они съ такимъ лукавствомъ и такими соединенными силами. Ненависть ихъ ко всему, что не Русское, вамъ извѣстно; но вы не знаете, какъ они ненавидятъ меня. Повѣрите ли, что я скоро не буду въ состояніи собирать государственныя подати? Они хотятъ этого достигнуть, чтобы разстроить машину правленія и взвалить несчастныя отъ того послѣдствія на меня. Научаютъ чернь, дворянство слухами о жестокостяхъ моихъ; вооружаютъ противъ меня цѣлыя селенія, говоря, что я хочу ввести басурманскую вѣру въ Россіи, что я Анти Христъ; и цѣлыя селенія бѣгутъ за границы. Это дойдетъ до Государыни. Подумайте о будущности несчастной Имперіи. Что скажетъ Императрица, вѣрившая намъ кормило Государства? что скажетъ объ насъ Исторія?

Остерманъ возвелъ глаза къ небу и пожалъ плечами. Онъ думалъ въ это время: что скажетъ объ тебѣ Исторія, мнѣ дѣла нѣтъ; а то бѣда, что Русскіе мужики въ недобрый часъ изжарятъ насъ, басурмановъ, какъ лекаря Нѣмца при Иоаннѣ Грозномъ.

— Не смѣй я даже наказывать преступниковъ — кричатъ: тиранъ, деспотъ! Исполненіе закона съ моей стороны — насиліе; исполненіе трактатовъ, поддержка политическихъ связей съ сосѣдями — измѣна. Вы знаете, какъ спра-

ведливо требованіе Польши о вознагражденіи ея за переходъ Русскихъ войскъ черезъ ея владѣнія.

— Справедливо, какъ требованіе долга по заемному письму. И что жъ, не уже ли? охъ! нога, нога!

— Посудите, любезнѣйшій Вице-Канцлеръ, я, которой, говорятъ, вѣручаетъ Имперіей, не смѣю предложить это дѣло на разсужденіе Кабинета, не обезопасивъ его сначала головами людей благонамѣренныхъ, преданныхъ пользѣ Государыни. И это дѣло готовить наши враги въ обвиненіе мое, какъ будто я право, стыдно говорить вамъ, даже наединѣ, о чемъ они кричатъ на площадяхъ и будутъ кричать въ Кабинетѣ, помните мое слово! будто я, Герцогъ Курляндіи, богатый выше моихъ потребностей доходами съ моего Государства и болѣе всего милостями Той, которой одно мое слово можетъ доставить мнѣ милліоны будто я изъ корыстныхъ видовъ защищаю правое дѣло.

Вошелъ нажъ и доложилъ Его Свѣтлости, что Государыня оный вѣзда просить его во дворецъ.

— Скажи, сей часъ буду: отвѣчалъ съ сердцемъ Герцогъ.

— Не задерживаю ли Вашу Свѣтлость? спросилъ Остерманъ, привставъ нѣсколько на свою трость.

— Успѣю еще! Нашъ разговоръ важнѣе. Видите ли теперь, мой почтеннѣйшій Графъ, что губить меня? Вниманіе, милости ко мнѣ Императрицы! Ея Величество знаетъ мою преданность къ себѣ, къ выгодамъ Россіи она повѣряетъ мнѣ малѣйшія тайны свои, свои опасенія на счетъ ея болѣзни, будущности Россіи. И коронованныя главы такія же смертныя что тогда? Я говорю съ вами, какъ съ другомъ.

— Мы увидимъ, мы уладимъ. Развѣ бразды правленія выпадутъ тогда скорѣе изъ рукъ нежели теперь? Кто жъ тверже и благоразумнѣе можетъ? (здѣсь Остерманъ сщурилъ свои лисьи глазки).

— О! развѣ съ помощью моего умнаго друга, какъ вы! Впрочемъ, я и теперь уступилъ бы

— Уступка будетъ слабостью съ вашей стороны. Честь ваша, честь Имперіи, требуютъ, чтобъ вы были тверды.

Я пожертвовалъ бы собою, я бросился бы, какъ второй Коклесь, въ пропасть, лишь бы спасти Государство, но знаю, что удаленіе мое будетъ гибелью его. Тогда ждите себѣ сей часъ въ Канцлеры — кого жъ? гуляку, удалца, возниклаго, который проводитъ ночи въ пированіи съ друзьями, переряжается кучеромъ и развѣзжаетъ по (Биронъ плюнулъ съ досадою) дерзкаго на слова, на руку, который, того и гляди, готовъ во дворцѣ затѣять кулачный бой, лишь бы имѣлъ себѣ подобнаго. Подѣластъ изъ Государственнаго Кабинета Австерію и горе тому, кто носитъ только Нѣмецкое имя!

За дверьми послышался крупный разговоръ.

— Слышите? . Его голосъ! Видите, Графъ, у меня въ домѣ, во дворцѣ меня осаждаютъ. Безъ доклада! Какъ это пахнетъ Русскимъ мужикомъ! И вотъ вашъ будущій Канцлеръ! Того и гляди придетъ насъ бить! Вашу руку, Графъ! За одно, — дѣйствовать сильно, дружно — не такъ ли? Вы, ваши друзья или я ѣду въ Курляндію.

Эти послѣднія слова были произнесены почти шепотомъ, но твердо. Герцогъ указалъ на дверь, кивнувъ головою, какъ бы хотѣлъ сказать: возитесь вы тогда съ нимъ! Вице-Канцлеръ, внимая разительнымъ убѣжденіямъ Бирона, сдѣлалъ изъ руки щитъ надъ ухомъ, чтобы лучше слышать, поднималъ изрѣдка плеча, какъ бы сожалѣя, что не всѣ слова слышать можетъ, однако жъ къ концу рѣчи Герцога торопливо, но крѣпко пожалъ ему руку, положилъ перстъ на губы и спѣшилъ опустить свою руку на трость, обратя разговоръ на посторонній предметъ.

Въ самомъ дѣлѣ говорившій за дверью кабинета былъ Волинскій; но какъ онъ туда пришелъ и съ кѣмъ кружно бесѣдовалъ, надобно знать напередъ.

Кабинетъ - Министръ, разсерженный неудачею своего посланія къ Маріорницѣ и хлопотами по устроенію праздника и ледяного дома, всходилъ на лѣстницу лѣтнаго дворца. Ему на встрѣчу Эйхлеръ, долговязый, сонный Эйхлеръ. Вѣроятно, обрадованный возвышеніемъ своимъ, онъ шелъ, считая звѣзды на потолокъ сѣней, и въ своемъ созерцаніи толкнулъ Артемія Петровича. — Певѣжа! вскричалъ этотъ, не думаетъ и извиниться! видно, каковъ поцъ, таковъ и приходъ!

Лице Эйхлера побагровѣло отъ досады; однако жъ онъ не отвѣчалъ.

Выходка Волинскаго предвѣщала грозу. Девятый валъ набѣжалъ въ душѣ его. Онъ вошелъ въ залу; но увидавъ за собой Миниха, его догнавшаго, остановился, чтобы дать ему дорогу. Этого военного царедворца уважалъ онъ, какъ героя, пожавшаго еще недавно для Россіи завидные лавры, какъ умнаго, истинно полезнаго Государству человека, и какъ сильнаго, честолюбиваго соперника Бирона, уже разъ возстававшаго противъ него и впередъ неизбѣжнаго. Только Минихъ и Волинскій могли попасть въ любимцы къ Государыни; Остермана она только уважала всегда.

Миниха удивилъ поступокъ Волинскаго. Онъ пожалъ ему дружески руку и примолвилъ. — Вы однако жъ не любите никого впереди себя, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ!

— Никого, кто недостойнъ быть впереди, отвѣчалъ съ твердостью Волинскій. Но всегда съ уваженіемъ уступаю шагъ тому, кто прославляетъ мое отечество и впередъ обѣщаетъ поддержать его выгоды и величіе. Пріятно мнѣ очистить вамъ дорогу. — Слова сіи были пророческія.

— Я Нѣмецъ, прервалъ его Минихъ шутливымъ тономъ, схватившись съ нимъ рука въ руку, а вы, носятя слухи, не любите иностранцевъ?

— Опять скажу вамъ, Графъ, что или меня худо понимаютъ или на' меня клеветуютъ. Не люблю выходцевъ, ничтожныхъ своими душевными качествами и, между тѣмъ, откупившихъ себя тайною монополіей, неизвестными народу услугами, или страдальческимъ многотерпѣніемъ, право грабить, казнить и миловать насъ, Русскихъ! Перескажите это — примолвилъ Артемій Петровичъ, обратясь къ Кульковскому, подслушавшему разговоръ: если вамъ угодно, я повторю. — Но, продолжалъ онъ, идя далѣе чрезъ залу, пришлецъ въ мое отечество, будь онъ хоть Индѣецъ, и любя Россію, пригрѣвшую его, питающую его своею грудью; служивъ ей благородно, по разуму и совѣсти — не презирай хоть ее — и я всегда признаю въ немъ своего собрата. Вы знаете, отдавалъ ли я искреннюю дань уваженія Остерману, Министру Петра Великаго — не вышедшему, Боже сохрани! — Брюсу и другимъ, имъ подобнымъ? Презираю иностранца, ползающаго передъ какимъ нибудь козырнымъ валежомъ, который, съ помощью кровавыхъ тузовъ, хочетъ выйти въ король; но менѣе ли достойна презрѣнія эта Русская челядь (онъ указалъ на толпу, стоявшую униженно около стѣнъ, опираясь на свои трости)? Посмотрите на эти подмыя, согнутыя въ дугу фигуры, на эти выстрадавшія отъ ожиданія лица. Скомандуйте имъ лечь на земь крыжомъ, по-Польски; повѣрьте, они это мигомъ исполнять! Мало? — велите имъ сбить яблоко, не только съ головы сына — съ младенца у груди жены, и поманите ихъ калачомъ, на которомъ золотыми буквами напишутъ: *милость Бирона* — и они цѣлый пукъ стрѣлъ пзбудутъ, лишь бы попасть въ заданную цѣль.

Минихъ, усмѣхаясь, пожалъ руку Волинскому и шепнулъ ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе; но благородное негодованіе Кабинетъ-Министра на низость людей, какъ лава кипучая, сдѣлавшая разъ вспышку, не останавливалась до тѣхъ поръ, пока не сожгала, что ей попадалось на встрѣчу. Въ такихъ случаяхъ онъ забывалъ свои планы, совѣты друзей, явныхъ и тайнаго, забывалъ Махіавеля, котораго изучалъ, Душа его, какъ разгнѣванный орелъ, рвала на части животныхъ, имъ только взвиденныхъ, и ввивалась даже могучими когтями въ тигра, который былъ ему не по силамъ.

Дежурный пажъ остановилъ учтиво Генерала и Кабинетъ-Министра, прося позволенія доложить о ихъ приходѣ.

— Скорѣй же! сказалъ Артемій Петровичъ; Минихъ и Волинскій не долго ждуть у самой Императрицы.

Пажъ пошелъ, но посмотрѣвъ въ замочную щель Кабинета, увидѣвъ, что Герцогъ занимается жаркимъ разговоромъ съ Остерманомъ, воротился и просилъ Миниха и Волинскаго

повременить, потому, что не смѣетъ доложить Его Свѣтлости, занятому съ господниномъ Вице - Канцлеромъ.

— О когда такъ, воскликнулъ Волинскій, войдемте.

И Волинскій отворилъ дверь въ кабинетъ временщика, все таки уступая шагъ своему спутнику. За ними послѣдшій воити пажъ съ опозданнымъ докладомъ.

Улыбкою встрѣтилъ Герцога пришедшихъ, просилъ ихъ садиться, бросилъ на пажа ужасный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ его съѣсть, потомъ опять съ улыбкою сказалъ, обратясь къ Волинскому: — А мы только сію минуту говорили съ Графомъ о вчерашней вашей исторіи. Негодяи подъ мои́мъ именемъ! Это гадко, это постыдно! Кажется если бѣ мы имѣли что на сердцѣ другъ противъ друга, то развѣдались бы сами, какъ благородные рыцари, орудіями непотаскиными. Мерзко! Я этого не терплю.

Я намѣренъ самъ доложить Государынѣ. Повѣрьте, вы будете удовлетворены: — брату первому строжайшій арестъ!

Я этого не желаю, отвѣчалъ холодно Волинскій.

Вы не хотите, справедливость требуетъ примѣръ нуженъ я не пощажу кровныхъ

Они довольно наказаны мои́мъ катаньемъ.

— Ха, ха, ха! это презабавно. Г-нъ Вице-Канцлеръ уже слышалъ (Остерманъ усмѣхнувшись сдѣлалъ утвердительно знакъ головой), но вамъ, Графъ, должно это разсказать.

— Любопытенъ знать отвѣчалъ Минихъ, вытянувъ свой длинный станъ впередъ и закрывъ длиною ногою одну сторону кресла.

— Его милость такъ прокатила вчера нѣкоторыхъ негодяевъ на Волково поле, что они слегли въ постель, и по дѣломъ!

— Позвольте вамъ противорѣчить, перебилъ Волинскій, одного изъ нихъ я подвезъ только къ лѣтнему дворцу, именно сюда въ домъ.

Принявъ эпитетъ негодяя для своего брата, Биронъ иронически продолжалъ: — Да, вѣдь, самъ Артемій Петровичъ въ маскарадномъ, кучерскомъ кафтанѣ! Надобно, говорятъ, посмотрѣть, какъ этотъ Русскій нарядъ присталъ такому молодцу, какъ нашъ Кабинетъ-Министръ! (Послѣднее слово заставило Остермана опять усмѣхнуться).

— Да, Ваша Свѣтлость, я славно прокатился и въ Персію, и въ Немировъ, подхватилъ съ досадою Волинскій: и никто, конечно, не осмѣлится сказать, чтобы я исполнилъ свое дѣло кучерски, а не какъ Министръ Россійской Имперіи. Впрочемъ Русскіе бояре-невыходцы — просто веселятся и также дѣлаютъ Государственные дѣла: Самъ Петръ Великій подавалъ намъ тому примѣръ. Можетъ статься, и Его простота удивила бы выскочку въ Государя, если бѣ они могли когда быть!

— Я говорю только, что вы сдѣлали, а не то, что вы

хотите заставить меня мыслить. Кто жъ смѣетъ лишать васъ заслугъ вашихъ? Вы знаете, что я всегда былъ первый, который цѣнилъ ихъ достойнымъ образомъ, и. послѣдняя милость...

— Милость моеи Государыни! перервалъ съ твердостью Вольинскій. Я ни отъ кого, кромѣ ея, ихъ не принимаю. Вы изволили, конечно, призывать меня не для оцѣнки моей личности, и здѣсь нѣтъ аукціона для нея.

— Боже мой! какая Азіатская гордость! Помните, мы говоримъ у себя въ домашнемъ кабинетѣ, а не въ государственномъ. Если вамъ дружеская бесѣда не нравится, я скажу вамъ, какъ Герцога Курляндскій.

Биронъ гордо и грозно посмотрѣлъ на Артемія Петровича, и думалъ, что онъ при этомъ словѣ приподнимется со стула; но Кабинетъ-Министръ также гордо встрѣтилъ его взоръ и сидя отвѣчалъ: — Я не имѣю никакой должности въ Курляндіи.

Биронъ вспыхнулъ, сдвинулъ подъ собою кресла такъ, что онъ завизжалъ, и вставъ, сказалъ съ сердцемъ: — Такъ я, сударь, вамъ говорю именемъ Императорскаго Величества.

При этомъ имени Вольинскій тотчасъ всталъ и съ уваженіемъ, нѣсколько наклонившись, сказалъ: — Слушаю повелѣніе моеи Государыни.

— Она подтверждаетъ вамъ, сударь, чтобы вы (не приготовивъ основательнаго удара, Биронъ растерялся и искалъ словъ) поскорѣ занялись устройствомъ ледянаго дворца

— Гдѣ будетъ праздноваться свадьба шута? отвѣчалъ съ коварною усмѣшкой Вольинскій. Я ужъ имѣю на это приказъ Ея Величества, вчера сообщенный мнѣ вами, и нынѣ еще письменно подтвержденный, и исполняю его. Я просилъ бы однако жъ Вашу Свѣтлость доложить моеи Государынѣ, не угодно ли было бы употребить меня на дѣла, болѣе полезныя для Государства.

— Наше дѣло исполнять, а не разсуждать, Г-нъ Вольинскій (голосъ, которымъ слова эти были сказаны гораздо поумягчнлся).

— Съ какимъ удовольствіемъ употребилъ бы я себя, напримѣръ, на помощь страждущему человѣчеству! Доведено ли до свѣдѣнія ея Величества о существующемъ голодѣ, о нуждахъ народныхъ? Извѣстны ли ужасныя мѣры, какія принимаютъ въ это гибельное время, чтобы взыскивать недомки? Повѣрите ли, Графъ? продолжалъ Артемій Петровичъ, обратившись къ Миниху: у нищихъ выщипываютъ послѣднюю копѣйку, сбереженную на кусокъ хлѣба, ставятъ на морозъ босыми ногами, обливаютъ на морозѣ жъ водою.

— Ужасно! воскликнулъ Графъ Минихъ. Не лѣзя ли облегчить бѣдствія народныхъ, затѣявъ общепользную работу? Сколько оставилъ намъ Петръ Великій важныхъ плановъ,

которыхъ исполненіе станетъ на жизнь и силы развѣ только нашихъ правнуковъ! Напримѣръ, чего бы лучше упорядочить пути сообщенія въ Россіи? Для такого дѣла я положилъ бы въ сторону мечъ, и взялся бы за заступъ и циркуль. А гдѣ, позвольте спросить, Артемій Петровичъ, наиболѣе оказываются нужды народныя?

— Всего болѣе страдаетъ Малороссія, отвѣчалъ Во-
лынскій, бросивъ пламенный, зоркій взглядъ на Бирона
(этотъ сѣлъ, и Кабинетъ-Министръ сѣлъ за нимъ). Именно
туда надобно бы Правителя, расположеннаго къ добру. —
Онъ намекалъ на самаго Миниха, домогавшагося Гетманства
Малороссіи.

— Объ этомъ, подхватилъ Остерманъ, сильно заботится
государственный человѣкъ, у коего мы имѣемъ честь теперь
находиться, и который, конечно, ничего не упуститъ для
блага Россіи. (Здѣсь Волынскій съ презрѣніемъ посмотрѣлъ
на Вице Канцлера, но этотъ очень хладнокровно продол-
жалъ): И сколько мы извѣстно, заботы его увѣнчиваются
благопріятнымъ успѣхомъ: Государыня назначаетъ прави-
телемъ Малороссіи мужа, который умомъ и другими душев-
ными качествами упрочитъ внутренне благоденствіе сей
страны и вмѣстѣ мечемъ будетъ умѣть обезпечивать ея спо-
койствіе отъ нашествія опаснаго сосѣда.

Этою лукавою рѣчью былъ нѣсколько склоненъ често-
любивый Минихъ къ сторонѣ Бирона, который, пользуясь
поддержкою Вице-Канцлера, обратился съ болѣею твер-
достью къ минимому Гетману Малороссіи: — Повѣрьте, не-
счастія, которыя вамъ съ такимъ жаромъ описываютъ, только
на словахъ существуютъ, и самъ Г-нь Волынскій обмануть
своими корреспондентами.

— Я не дитя, нѣ женщина, чтобы могъ быть обмануть
слухами, сказалъ Волынскій. Я имѣю свидѣтельства, и,
если нужно, представлю ихъ, но только самой Императрицѣ.
Увидимъ, что она скажетъ, когда узнаетъ, что отецъ се-
мейства, измученный пыткой за недомки, зарѣзалъ съ от-
чаянія все свое семейство, что другой отнесъ трехъ дѣтей
своихъ въ поле и заморозилъ ихъ тамъ.

— Выдумка людей безпокойныхъ! мятежныхъ!

— Неправда, Герцогъ! вскричалъ Кабинетъ-Министръ,
вскочивъ со стула: Волынскій это подтверждаетъ, Волынскій
готовъ засвидѣтельствовать это своею кровью...

Явился опять посланный изъ дворца, и опять за тѣмъ же.

— Сію минуту буду! сказалъ Герцогъ, посмотрѣвъ зна-
чительно на своихъ посѣтителей. Въ третій разъ Госуда-
рыня требуетъ меня, а я задержанъ пустыми спорами

— Ваша Свѣтлость пригласили меня, сказалъ Минихъ,
чтобы поговорить о дѣлѣ вознагражденія Поляковъ за про-
ходъ Русскихъ войскъ.

— Да, да, отвѣчалъ Биронъ, Г-нь Вице Канцлеръ со-
гласенъ на вознагражденіе.

— Честь Имперіи этого требуетъ сказалъ Остерманъ. Впрочемъ, судя по тревожному вступленію къ нашему совѣщанію, я совѣтовалъ бы отложить его до официального за-сѣданія въ Кабинетъ.

— Честь Имперіи!.. воскликнулъ Волинскій. Гмъ! честь . какъ это слово употребляютъ во зло! И я скажу свое: *впрогемъ*. Здѣсь, въ Государственномъ Кабинетѣ, во дворцѣ, предъ лицомъ Императрицы, вездѣ объявлю, вездѣ буду повторять, что одинъ *вассалъ* Польши можетъ сдѣлать представленіе объ этомъ вознагражденіи; да, одинъ *вассалъ* Польши!

При словѣ: *вассалъ*, Минихъ и Остерманъ встали съ мѣстъ своихъ, послѣдній, охая и жалуясь на подагру оба смотря другъ на друга въ какомъ-то странномъ ожиданіи. Никогда еще Волинскій не доходилъ до такой отчаянной выходки; ему наскучило уже долѣе скрываться.

— За это слово вы будете дорого отвѣчать, дерзкой человекъ! вскричалъ внѣ себя Биронъ; клянусь вамъ честью своею.

— Отдаю вамъ прилагательное ваше назадъ! вскричалъ Волинскій.

— Государыня васъ требуетъ, сказалъ Остерманъ Герцогу.

— Во дворецъ, да! къ Государынѣ! произнесъ Биронъ, хватая себя за горящую голову; потомъ, обратясь къ Волинскому, сказалъ: надѣюсь, что мы видимся въ послѣдній разъ въ домъ Герцога Курляндскаго.

— Очень радъ, отвѣчалъ Волинскій, и не поклонясь вышелъ. Собесѣдники, смущенные этою ссорою, которой важныя послѣдствія были неисчислимы, послѣдовали за нимъ. Въ ушахъ ихъ долго еще гремѣли слова: *Я, или онъ, долженъ погибнуть*; слова, произнесенныя бѣснующимся Бирономъ; когда они съ нимъ прощались.

— Я, или онъ, долженъ погибнуть! повторилъ временщикъ, ударивъ по столу кулакомъ, когда они вышли.

— Этого гордеца надобно бы хорошенько проучить: говорили между собою стоявшіе въ залѣ, когда Волинскій проходилъ мимо ихъ съ гнѣвною, презрительною улыбкой.

— Его Свѣтлость! Его Свѣтлость! закричалъ пажъ. Возгласъ этотъ, повторенный сотнею голосовъ по анфиладѣ комнатъ, раздался наконецъ у подъѣзда. Опереженный и сопровождаемый блестящею свитою, Биронъ прошелъ черезъ пріемную залу и удостоилъ ожидавшихъ въ ней однимъ ласковымъ киваніемъ головы. За то сколькоихъ панегриковъ удостоился онъ самъ за это наклоненіе! — Какой милостивый! Какой великій человекъ! — Какая важность въ поступки! Проницательность во взорахъ! Онъ рожденъ повелѣвать! Модель для живописца!..

Бирона ожидала у подъѣзда золотая карета, вся въ стеклахъ, такъ, что сидѣвшій въ ней могъ быть видѣнъ съ головы до пятъ, какъ великолѣпное нарядное, хранимое

въ прозрачной коробкѣ пристрастіемъ энтомолога. И вотъ покатавъ онъ, ослѣпляя толпу и рѣдкою красотою своего пуга, и золотою сбруей на коняхъ вмѣстѣ съ перьями, вѣявшими на головахъ ихъ, и блескомъ отряда гусаръ и егерей, скакавшего впереди и за каретой. Между тѣмъ, какъ чернь дивилась счастію временщика, червякъ точилъ его сердце: гордость его сильно страдала отъ дерзкаго, неугомоннаго характера Волынскаго. Но онъ погибнетъ, во что бы ни стало, говорилъ Биронъ, и блуждающіе отъ бѣшенства глаза остановились на бумажкѣ, приколотой едва замѣтно къ позументу, которымъ обложена была рама въ каретѣ. Дрожащими руками, какъ бы отъ предчувствія, сорвана бумажка съ своего мѣста. Онъ готовъ былъ задохнуться отъ ярости, когда прочелъ написанное: „Берегитесь, злодѣи!.. Тѣло Горденки похищено вчера въ полночь и зарыто въ такомъ мѣстѣ, откуда можно его вырыть для свидѣтельства противъ тебя. Знай болѣе, исполнители воли твоего клеветы, бѣжали и скрываются тамъ, гдѣ смѣются твоему властолюбію.“

Эта записка имѣла свое дѣйствіе. Она смутила, испугала Герцога грозною неожиданностію, какъ внезапный крикъ пѣтуха пугаетъ льва, положившаго уже лапу на свою жертву, чтобы растерзать ее. Онъ рѣшился не обнаруживать Государынѣ обиды, нанесенной ему соперникомъ, до благопріятнаго исполненія прежде начертанныхъ плановъ. Надобно было отдѣлаться и отъ Горденки, его такъ ужасно пресѣдовавшаго. Собираясь зарѣзать близняго, разбойникъ хотѣлъ прежде умыться.

Сибирь, рудники, пасть медвѣдя, капель горячаго свинца на темя, нѣтъ муки, нѣтъ казни, которую взбѣшенный Биронъ не назначилъ бы Гросноту за его оплошность. Кучера, лакей, все, что подходило къ каретѣ, все, что могло приближаться къ ней, обречлось его гнѣву. Онъ допытается, кто тайный, домашній лазутчикъ его преступленій и обвинитель ихъ; онъ для этого подниметъ землю, допроситъ утробу живыхъ людей, расшевелитъ кости мертвыхъ.

II. Лажечниковъ.

Изъ Повѣсти :

ВЕЧЕРЪ НА ХОПРѢ.

Вѣтеръ бушевалъ по лѣсу: мелкій дождь, какъ сквозь частое сито, лился на размокшую землю. Еще на деревянной каланчѣ не пробило и шести часовъ, а на дворѣ ужъ было такъ темно, что хотѣ глазъ выколи. Мы всѣ собрались въ кабинетъ: хозяинъ, Кольчугинъ, исправникъ и я сидѣли вокругъ пылающаго камина, а Заруцкій и Черемухинъ расположились преспокойно на широкомъ диванѣ, и, кура въ молчаніи свои трубки, наслаждались въ полномъ

смыслъ снмъ моральнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, которое Италіяницы называютъ *il dolce far niente*.

Ну погодка! сказалъ наконецъ Кольчугинъ, прислушиваясь къ вою вѣтра. Хотя кого тоска возьметъ!

И, полно, братецъ! перервалъ Иванъ Алексѣевичъ: да это-то и весело! Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть въ ненастный осенній вечеръ съ хорошими пріятелями противъ камелька, курить спокойно свою трубку, и поглядывая на плотнозатворенныя окна, думать: вой-себѣ вѣтеръ, лейся дождь, бушуй непогода, а мнѣ и горюшки мало! Что и говорить! Умень тотъ былъ, кто первый вздумалъ строить дома.

И дѣлать въ нихъ каминны, прибавилъ исправникъ, подвигаясь къ камельку.

Не равенъ домъ, господа; сказалъ Кольчугинъ, вытряхая свою пѣнковую трубку: и не въ такую погоду не усидишь въ иномъ домѣ. Я самъ однажды, въ сильную грозу и проливной дождикъ, рѣшилъ лучше провести ночь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ комнатѣ, въ которой было также тепло и просторно, какъ въ этомъ покоѣ.

А что? спросилъ исправникъ: видно хозяева не очень вамъ были ради!

Ну, нѣтъ! Одинъ хозяинъ обошелся со мною довольно ласково, да отъ другаго то мнѣ туго пришлось, хоть и онъ также хотѣлъ меня угощать, только угощеніе - то его было мнѣ вовсе не по сердцу.

Вотъ что! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ. Да это видно, братъ, цѣлая исторія.

Да, любезный, такая то исторія, продолжалъ Кольчугинъ, набивая снова свою трубку, что у меня и теперь, лишь только вспомню объ этомъ, такъ волосъ дыбомъ и становится.

Что вы это говорите? вскричалъ Заруцкій. Антонъ Федоровичъ! послушайте! вы человѣкъ военный, служили съ Суворовымъ, а признаетесь, что чего-то испугались.

Да, батюшка! Не прогнѣвайтесь, — посмотрѣли бы мы вашей удали! Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, вѣдь это не что другое: поставъ меня хоть теперь противъ непріятельской батареи, — видитъ Богъ, не струшу! а вотъ, какъ гдѣ замѣшается нечистая сила, такъ ужъ тутъ, — воля ваша! — и вы, батюшка, не много нахрабритесь. Сатана не пушка: на него не полѣзешь.

Ого! сказалъ Черемухинъ, перемигнувшись съ Заруцкимъ: такъ въ вашей исторіи и черти водятся.

Смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь! продолжалъ Кольчугинъ. Я знаю, вы человѣкъ пачитанный, ничему не вѣрите.

Кто? я? перервалъ Черемухинъ. Что вы, батюшка, Антонъ Федоровичъ? перекреститесь!

Добро, добро! прикидывается. Вотъ мы, какъ люди неученые; чему вѣрили отцы наши и дѣды, тому и мы вѣримъ.

Да какъ же, братецъ, сказалъ хозяинъ, ты мнѣ никогда объ этомъ не рассказывалъ?

А такъ, къ слову не пришлось! Пожалуй теперь расскажу. Дай-ка, батюшка Иванъ Алексѣевичъ, огорьку! Спасибо, любезный!

Всѣ придвинулись поближе къ рассказику, и даже Заруцкій съ Черемухинымъ встали съ дивана и усѣлись подлѣ него на стульяхъ. Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ, раскурнул трубку, затянулся, выпустилъ изъ-подъ своихъ сѣдыхъ усовъ цѣлую тучу табачнаго дыму, и началъ.

Это было въ 1772 году, вскорѣ по взятіи Краковского замка, который, сказать мимоходомъ, вовсе не такъ здѣсь намалеванъ, примолвилъ рассказикъ, указывая на одну изъ стѣнъ кабинета. Ну, да дѣло не о томъ! Хотя Суворовъ не былъ еще тогда ни Графомъ, ни Княземъ, но объ немъ уже начинали шибко поговаривать во всей арміи. Онъ стоялъ, съ своимъ небольшимъ корпусомъ, лагеремъ близъ Кракова, наблюдая издали за Тынницемъ и Ландскрономъ. Астраханскій гренадерскій полкъ въ которомъ я имѣлъ честь служить полковымъ адъютантомъ принадлежалъ къ этому обсервационному корпусу. Нашъ полковой командиръ былъ человекъ добрый, отлично-храбрый и настоящій Русскій хлѣбосоль. Почти всѣ штабъ- и оберъ-офицеры каждый день у него обѣдали, и кому надобны были деньги, тотъ шелъ къ нему прямо, какъ въ Опекунскій Совѣтъ. Но вотъ что было худо: нашъ полковой командиръ былъ женатъ; и это бы еще не бѣда, — да жена-то у него была такая нравная, что и Боже упаси!

Такъ чтожъ! перервалъ Заруцкій: тѣмъ хуже для мужа, а офицерамъ-то какое до этого дѣло?

Какое дѣло? повторилъ Кольчугинъ. Эхъ, сударь! время на время не приходитъ. Нынче, послѣ полковаго начальника, первый въ полку человекъ старшій баталіонный командиръ; а у насъ бывало, коли полковникъ женатъ, такъ второй человекъ въ полку полковница, а если она бойка, да хоть мало-мальски маракуеть въ военномъ дѣлѣ, такъ всѣмъ полкомъ заправляетъ. То-то и есть, батюшка: нынче-вѣкъ, а то былъ другой! Я ужъ вамъ докладывалъ, что нашъ полковникъ былъ человекъ храбрый, не боялся ни пуля, ни ядере. а передъ женою своею трусилъ. Она была женщина дородная, видная, бѣлолицая, румяная. а ужъ удалъ-то какая! голосина какой! Ахъ ты, Господи Боже мой, — что и говорить, городъ барыня! Не знаю, потому ли, что она любила своего мужа, или отъ того, что была очень ревнива, — только никогда отъ него не отставала: мы въ походъ, и она въ походъ. Въ то время, какъ нашъ полкъ стоялъ лагеремъ, она жила въ Краковѣ, и хоть могла часто видѣться съ своимъ мужемъ, но рѣшилась наконецъ совсѣмъ къ нему переѣхать. Нашему полковому командиру это не вовсе было по сердцу: да вѣдь

дѣлать-то нечего! хоть не радъ, да будь готовъ. Палатку перегородили, напѣлали въ ней кѣтушекъ, а изъ самаго-то большого отдѣленія, гдѣ бывало мы всѣ бражничали съ нашимъ командиромъ, сдѣлали спальню, и поставили широкую кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ. Я думаю, господа, вы всѣ знаете, что Суворовъ не очень жаловалъ барынь, а особливо когда онѣ жили въ лагерѣ и мѣшались невѣ свое дѣло: да онъ былъ еще тогда только-что Генераль-Маіоромъ, связей ни какихъ не имѣлъ, а наша полковница происходила отъ знатной Фамиліи, и родные ея были въ большомъ ходу при Дворѣ. Другой бы на его мѣстѣ похмурился, похмурился, да на томъ бы и съѣхалъ. А нашъ батюшка Александръ Васильевичъ и не хмурился, а вынулъ полковницу изъ лагеря. И теперь безъ смѣха вспомнить не могу: экой проказникъ, подумаешь! Умень былъ, — дай Богъ ему царство небесное!

Когда мы вышли въ лагерь, онъ отдалъ приказъ по всему корпусу, что если пустять одну сигнальную ракету, то войскамъ готовиться къ походу; по второй, стронться передъ лагеремъ; по третей, снимать палатки, а по четвертой, выступить. Онъ не любилъ, чтобъ солдаты у него дремали, и потому частехонько дѣлалъ фальшивыя тревоги то днемъ, то ночью. Бывало пустять ракету, — тамъ другую, — Суворовъ объѣдетъ весь лагерь, поговоритъ съ полковниками, пошутитъ съ офицерами, побалагуритъ съ солдатами, да тѣмъ дѣло и кончится. Вотъ эдакъ съ недѣлю погода стояла все ясная: вдругъ однажды, послѣ знойнаго дня, ночью, часу въ одиннадцатомъ, заволокло все небо тучами, хлынулъ проливной дождь, застучалъ громъ, и пошла такая потѣха, что мы свѣту Божьяго не увидѣли. Я на ту пору былъ за приказаніями у полковника. Жена его боялась грома, и, чтобъ не такъ видна была ея молнія, забралась на постель и задернулась пологомъ, — однако же не спала. Лишь только я вышелъ изъ палатки, чтобъ идти домой, — глядь! — эге! — сигнальная ракета. Я назадъ; докладываю полковнику. „Какъ?“ закричала барыня, которая сквозь холстинную перегородку вслушалась въ мои слова: да что вашъ полюбимый Генераль вовсе чтоль ряхнулся, въ такую бурю тревожить весь лагерь. „Успокойся, Варинька,“ сказалъ полковникъ: „вѣдь это фальшивая тревога; можетъ статься и втораго сигнала не будетъ. А межъ-тѣмъ вели сдѣлать мою лошадь,“ прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь ко мнѣ: „кто его знаетъ! — да чтобъ люди были готовы.“ Я побѣждалъ исполнять его приказаніе, и вотъ гляжу, минутъ черезъ десять зашипѣла вторая ракета. Люди въ полной амуниціи высыпали изъ палатокъ и начали строиться: прошло еще минутъ пять. Чу, третья! Вотъ-те разъ! Суворовъ шутить любилъ, да только не службою; приказано, — такъ ступай и въ огонь и въ воду. Да и народъ былъ у насъ такой наметанный, что и сказать не лѣзя

Закипѣло все по лагерю: въ молнига веревки прочь, колья вонъ, и по всѣмъ линиямъ ни одной палатки не осталось. Взвилась четвертая ракета: авангардъ выступилъ, за нимъ тронулся весь корпусъ, и мы потянулись по дорогѣ къ Ландскрону. Ну, господа, не всякому удастся видѣть такую диковинку! Пока бѣжали въ обозъ, пока заложиди коляску, пока что, прошло съ полчаса, — и во все это время. Вспомнить не могу! то то было смѣху-то! Представьте себѣ, потью, въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, двуспальная кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ, а дождь-то дождь — такъ ливня и льетъ! Ну, при-смирѣла наша строгая командирша. Господи Боже мой! растрепало ее сердечную; дождемъ намокла она, матушка наша, словно грецкая губка. Куда вся удалъ дѣвалась! Вотъ отвезли ее кой-какъ назадъ въ Краковъ, а корпусъ, отойдя, версты двѣ, остановился опять лагеремъ, и я въ жизнь мою никогда не видывалъ, чтобъ кто-нибудь бѣсился такъ, какъ взбѣленилась полковница, когда на другой день проказникъ Суворовъ прислалъ къ ней своего адъютанта узнать о здоровьѣ.

Ай да, батюшка, Александръ Васильевичъ! вскричалъ съ громкимъ хохотомъ хозяйинъ: что и говорить, — молодецъ!

Да это забавно! сказала Черемухинъ: только позвольте, Антонъ Федоровичъ, — рѣчь, кажется, была о сатанѣ

А жена-то полковника? перерывалъ Заруцкій.

Да это другое дѣло! Я говорю о нечистой силѣ.

Постойте, батюшка, продолжалъ Кольчугинъ: дойдемъ и до этого дѣло. — Дня черезъ два, какъ полковница совсѣмъ ужъ обсохла, пощли у нея новыя затѣи. Жить опять въ лагерь она боялась, а въ Краковъ остаться не хотѣла. Толковали, толковали, и рѣшили на томъ, чтобъ сыскать для нея какой нибудь загородный панскій домъ, или мызу, поближе къ лагерю. Вѣстимо дѣло: кому хлопотать, какъ не адъютанту! Вотъ, я и отправился съ утра осматривать всѣ дачи по дорогѣ къ Ландскрону и Тилицу. Выбрать было не легко: наша причудливая командирша хотѣла и большой домъ, и обширный садъ, и чтобъ никого не было живущихъ, и то и сѣ. Цѣлый день я проѣзжалъ по дачамъ; измучилъ своего куцаго коня, — да и горскій жеребецъ подъ казакомъ, который ѣздилъ за мною, наслу ужъ ноги поло-чилъ. Мы съ нимъ на одной мызѣ позавтракали, на другой пообѣдали; и когда стали пробираться назадъ въ лагерь, то ужъ день клонился къ вечеру. Пока еще заря не вовсе потухла, мы проѣхали верстъ пять. На дворѣ становилось все темнѣе, вдали сверкала молнія, а надъ нами такъ зату-чило, что когда мы поѣхали лѣсомъ, такъ въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Сначала мы кое-какъ тащились впе-редъ, но вдругъ дорога по лѣсу какъ-будто сдвинулась, начало насъ похлыстывать сучьями, и лошади, безирестанно наѣзжая на колоды и пеньки, то и дѣло что спотыкались.

Охъ плохо, ваше благородіе! пробормоталъ мой казакъ: никакъ мы заплутались?

Видно что такъ, Ермиловъ! сказалъ я, приподымая на поведѣ моего куцаго, который въ третій уже разъ надалѣ на оба колѣна.

Вотъ и дождикъ накрапываетъ! продолжалъ казакъ. Кабы Богъ помогъ намъ до грозы наткнуться на какое-нибудь жильё. Постойте-ка, ваше благородіе: кажись, вонъ тамъ, направо, лаетъ собака?

Въ самомъ дѣлѣ на далеко отъ насъ послышался громкій лай; мы поѣхали прямо на него, и черезъ нѣсколько минутъ выбрались на широкую, обсаженную березами дорожку, въ концѣ которой что-то бѣлѣлось, и мелькала огонёкъ.

Кажись, это панская мыза, прошептавъ Ермиловъ. Ну, слава тебѣ, Господи! нашли пріютъ!

Постой-ка братъ! сказалъ я: чтобъ намъ не заплатить дорого за ночлегъ; вѣдь мы не у себя, не на святой Руси. Чай, Польскіе-то паны не больно насъ жалуютъ; хорошо у нихъ останавливаться съ командой, или днемъ на большой дорогѣ, а ночью и въ такомъ захолустѣ. Долго ли до грѣха? уходятъ насъ, да и концы въ воду.

А что? чего добраго, ваше благородіе! перервалъ казакъ, почесывая въ головѣ. Вѣдь насъ только двое да куда же намъ дѣваться?

Погоди, Ермиловъ! сказалъ я. Надобно подняться на штукн. Я скажу хозяевамъ, что присланъ передовымъ занять эту мызу для полковой квартиры, и что завтра чѣмъ свѣтъ прійдетъ сюда первая рота нашего полка.

И впрямъ, ваше благородіе! перервалъ казакъ. Пугнемте-ка ихъ постоемъ, какъ дѣло будетъ лучше. Коли они станутъ думать, что мы нарочно къ нимъ пріѣхали, и что завтра нагрянетъ къ нимъ цѣлая рота гренадеръ, такъ ужъ вѣрно никто не посмѣетъ и волосомъ насъ обидѣть.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ высокому забору, позади котораго, среди широкаго двора, стоялъ каменный домъ, въ два этажа, съ круглыми башнями по угламъ. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонёкъ; но ни единой души не было видно ни на дворѣ, ни въ домѣ; все было тихо какъ въ полночь, и только лаяла одна цѣпная собака. Ворота были не заперты; мы подъѣхали къ дому; я слѣзъ съ коня, вошелъ въ сѣни: никого! Прямо передо мной лѣстница вверхъ. Я началъ по ней взбираться, сабля моя такъ стучала по каменнымъ ступенькамъ, что казалось, можно бы было за версту меня слышать. Взойдя на лѣстницу, я пріостановился: все тихо. Кой чортъ! подумалъ я: неужели въ этомъ домѣ нѣтъ никого, кромѣ цѣпной собаки? Проведя рукою по стѣнѣ, я оцупалъ дверь, толкнулъ, — она растворилась; вхожу: опять никого! Холодно, сыро, вѣтеръ воетъ; въ окнахъ нѣтъ рамъ: вотъ что! — эта часть дома не достроена, — но гдѣ же свѣтился огонёкъ?

кажется, лѣвѣ. Я вышелъ опять къ лѣстницѣ, прошелъ вдоль стѣны; еще двери: отворилъ. Ну, попалъ наконецъ на жилые покои! Въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенный салфитомъ огаркомъ, двое слугъ играли въ карты, а третій спалъ на скамьѣ. Въ ту самую минуту, какъ я вошелъ въ этотъ покой, мнѣ послышался вдали довольно внятный говоръ, какъ будто-бы отъ многихъ людей, съ жаромъ между собой разговаривающихъ. Но лишь только одинъ изъ игравшихъ слугъ, увидя меня, ушелъ въ внутреннія комнаты, то вдругъ все утихло.

Какъ зовутъ эту мызу? спросилъ я у слуги, который остался въ передней.

Эту мызу? сказалъ онъ, глядя на меня такъ нахально, что я невольно смутился, и не вдругъ повторилъ мой вопросъ. Ее зовутъ Билый Фольваркъ, отвѣчалъ онъ наконецъ, продолжая смотрѣть прямо въ глаза.

А какъ зовутъ хозяина? Да отвѣчай, болванъ, когда тебя спрашиваютъ! продолжалъ я, возвысивъ голосъ и подойдя къ нему поближе.

Слуга понялъ, назадь, и взглянувъ на своего спящаго товарища, пробормоталъ: — Моего пана зовутъ Янъ Дубницкій. Гей Казимиръ!

Ну такъ и есть! сказалъ я. Наспѣху же мы отыскивали зашу мызу! Веди меня къ хозяину.

Почekaй панъ. Гей Казимиръ

Третій слуга, который спалъ на скамьѣ, вскочилъ, и, увидѣвъ передъ собой Русскаго офицера, закричалъ: — Цо го естъ! .. Москаль!

Сойди - ка, братъ, внизъ, сказалъ я, стараясь казаться спокойнымъ: тамъ стоитъ казакъ.

Казакъ? вскричалъ полусонный лакей. Одинъ казакъ?

Покаместъ одинъ, а скоро будетъ много. Возьми у него лошадей, отведи ихъ въ конюшню, а ему веди взойти сюда.

Слуга не торопился исполнить мое приказаніе; онъ поглядывалъ, какъ шальной, то на меня, то на своего товарища, и не трогался съ мѣста.

Ну, чтожъ ты глаза - то выпучилъ, дурень? закричалъ я повелительнымъ голосомъ. Иль не слышишь? Пошелъ! Да смотри, чтобъ лошади были сыты!

Слуга, пробормотавъ себѣ что - то подъ носъ, вышелъ вонъ, и въ то же время лакей, который ходилъ обо мнѣ докладывать, разстворивъ дверь, пригласилъ меня въ гостиную. Продай небольшую столовую, я вошелъ въ комнату, довольно опрятно убранную и освѣщенную двумя восковыми свѣчами. Въ одномъ углу приставлено было къ стѣнѣ нѣсколько сабелей и съ полдюжины конфедератокъ валялось по стульямъ и окнамъ комнаты. Хозяинъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ предлинными усами, съ подбритой головой, въ синемъ контушѣ, и желтыхъ сапожкахъ, принялъ меня со всею важностію Польскаго магната. Развѣлся небрежно на ка-

панѣ, онъ едва кивнулъ мнѣ головою, и показалъ молча на табуретку, которая стояла отъ него шагахъ въ пяти. Ахъ, чортъ возьми! вся кровь во мнѣ закипѣла: я позабылъ, что положеніе мое было вовсе незавидное; въ эту минуту я думалъ только о томъ, что имѣю честь носить Русскій мундиръ, и служить въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковымъ адъютантомъ. Не отвѣчая на его обидный поклонъ, я оттолкнулъ ногою табуретку, усѣлся подлѣ него на канавѣ, и, вытащивъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, принялся, не говоря ни слова, набивать мою трубку. Казалось это нецеремонное обращеніе смутило хозяина: помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ довольно вѣжливо, откуда я ѣду.

Изъ лагеря, отвѣчалъ я, продолжая набивать мою трубку.

И вѣрно панъ .. панъ

Капитанъ! нерервалъ я, кинувъ гордый взглядъ на хозяина.

Препрашаю! вѣрно панъ капитанъ запутался въ этомъ дѣсу?

Нѣтъ. Я прямо сюда ѣхалъ.

Сюда? повторилъ хозяинъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ.

Да! продолжалъ я, раскуривая спокойно мою трубку: вѣдь эту мызу зовутъ Бялый Фольваркъ?

Такъ.

А васъ паномъ Дубицкимъ?

Такъ есть.

Я присланъ сюда квартирьеромъ; у васъ назначена полковая квартира Астраханскаго гренадерскаго полка.

Полковая квартира! вскричалъ панъ, прыгнувъ съ канаве.

Да. Завтра чѣмъ свѣтъ, а можетъ быть и сегодня ночью, придетъ сюда первая рота нашего полка. Да садитесь, пане Дубицкій! Прошу покорно!

Тутъ взглянулъ я на моего хозяина: вытянувшись въ струнку, онъ стоялъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и на лицѣ его происходили такія эволюціи, что я чуть было не лопнулъ со смѣху. Огромные усы шевелились, глаза прыгали изъ стороны въ сторону, а хохолъ на головѣ стоялъ почти дыбомъ.

Змилайся, пане капитане! завопилъ онъ наконецъ: куда дѣвать мнѣ цѣлую роту?

Найдемъ для всѣхъ мѣсто.

Но разсудите сами.

Эхъ, панъ Дубицкій! перервалъ я, развязывая шарфъ и снимая мою саблю: военные люди не разсуждаютъ; дѣлай то, что приказано, вотъ и все тутъ.

Іезусъ Марія! продолжалъ хозяинъ. Помѣститъ цѣлую роту! Да какимъ же способомъ? я самъ съ большою моею женою живу только въ трехъ комнатахъ.

Полно такъ ли? сказала я. Домъ-то, кажется, у васъ великъ?

Якъ Пана Бога кохамъ! ну мало ли мызъ, и лучше и просторнѣе моей? И кому въ голову пришло

А вотъ, перервалъ я, панъ Дубницкій, какъ мы выпьемъ съ вами рюмки по двѣ Венгерскаго, такъ я скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу.

Въ моментъ, пане, въ моментъ! Эй, хлопецъ!

Не безпокойтесь; сказала я, подходя къ столу, на которомъ стояли двѣ бутылки вина, и нѣсколько порожнихъ и налитыхъ рюмокъ. Съ насъ будетъ и этого: до васъ, пане!

Хозяинъ примѣтнымъ образомъ смѣшался, и когда вошелъ слуга, то онъ, пошептавъ ему что-то на ухо, сказала, обращаясь ко мнѣ: — Въ самомъ дѣлѣ!.. А я было совсѣмъ забылъ, что отвѣдывалъ сей часъ съ моимъ экономомъ это вино, которое вчера купилъ въ Краковѣ. Ну, что вы о немъ скажете?

Славное вино! Настоящее Венгерское! Ну, пане Дубницкій, продолжалъ я, выпивъ еще рюмку: теперь я вамъ скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу. Полковная квартира простоятъ у васъ день, много два. Но наша полковница останется здѣсь жить, и, на долго ли, этого сказать вамъ не могу. Ей въ Краковѣ такъ много наговорили хорошаго объ этой мызѣ, что она хочетъ непременно у васъ погостить.

Барзо дѣлкую за гоноръ! сказала хозяйня. Но я желалъ бы знать, кто расхвалилъ вашей полковницѣ Бялый Фольваркъ? ужъ вѣрно злодѣи мои, панъ Маршалокъ, панъ Замборскій, панъ Касновичъ. Нѣхъ ихъ вишисцы дѣябли везмо!

А что жъ? мнѣ кажется, они говорили правду?

А бондзъ же ласковъ, змилуйся, пане капитане! вскричалъ отчаяннымъ голосомъ хозяйня. Гдѣ будетъ жить ваша полковница? Во всемъ верхнемъ этажѣ отдѣланы только три комнаты, въ которыхъ я самъ кое-какъ помѣщаюсь. Конечно внизу покоевъ довольно, но я не знаю, можно ли будетъ и вамъ въ нихъ ночевать.

А по чему же нѣтъ?

Эхъ, мось пане добродѣю! то кара Боска, если, дали-буть, такъ! Я и самъ, лишь только женѣ моей сдѣлается лучше, переѣду въ Краковъ, и ужъ вѣрно этотъ домъ никогда не будетъ отдѣланъ.

Но отъ чего же? спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.

О, пане капитане! вы человѣкъ военный, такъ можетъ статься мнѣ не вѣрите.

Да что такое?

Слыхали ли вы когда-нибудь о пану Твардовскомъ?

О пану Твардовскомъ? повторилъ я, и только хотѣлъ было сказать, что нѣтъ, какъ вспомнилъ, что читалъ од-

нажды Русскую сказку „о храбрѣмъ витязѣ Алешѣ Поповичѣ,“ гдѣ между прочимъ говорится и о Польскомъ колдунѣ Панѣ Твардовскомъ, съ которымъ Русскій богатырь провозился цѣлую ночь. А, знаю, знаю, сказала я — этого пана Твардовскаго и Твардовскаго утащили черти?

Не только утащили, перервали хозяйнѣ, а даже протащили сквозь каменную стѣну, на которой какъ разсказываютъ старики, долго еще послѣ того видны были кровавыя пятна.

Собака, собачья и смерть, сказалъ я. Да что жъ общаго между нашимъ домомъ и этимъ проклятымъ колдуномъ?

А вотъ что, мось пане: мой домъ построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ некогда стоялъ замокъ Твардовскаго.

Неужели? вскричала я, поглядѣвъ невольно вокругъ себя.

Далибугъ, такъ! продолжалъ хозяйнѣ. А что всего хуже, такъ это то, что весь нижній этажъ моего дома построенъ изъ развалинъ стараго замка.

Вотъ что! прошептала я сквозь зубы. Да вѣдь впрочемъ, прибавилъ я, это было уже давно.

Конечно, давно, пане капитане; да отъ этого мнѣ не легче. Каждую пятницу, около полуночи, въ нижнемъ этажѣ моего дома поднимается такая возня, что стѣны трясутся.

Каждую пятницу?

Да. Говорятъ, что въ этотъ самый день черти продернули пана Твардовскаго сквозь стѣну, и утащили къ себѣ въ преисподнюю. Эта стукотня продолжается иногда цѣлую ночь: всѣ окна освѣтятся, начнется ужасный вой, — потомъ сдѣлается опять темно, — а тамъ снова разольется по всему нижнему этажу такой свѣтъ, что можно снаружи видѣть все, что дѣлается внутри.

А что жъ тамъ дѣлается? спросилъ я, стараясь казаться равнодушнымъ.

Однажды только, отвѣчала хозяйнѣ, мой прежній экономъ рѣшился заглянуть туда съ надворья, да видно увидѣлъ такія страсти, что у него языкъ отнялся, — и когда онъ сталъ опять говорить, такъ ничего не лезъ было помятъ изъ его словъ.

Отъ чего же?

Отъ того, что онъ былъ въ жестокой горячкѣ.

Ну, а когда выздоровѣлъ?

Да онъ не выздоровѣлъ, а на третій день умеръ.

Вотъ что! повторилъ я опять сквозь зубы, и что-то похожее на лихорадочную дрожь пробѣжало по моимъ членамъ. Но вѣдь вы говорите, продолжалъ я, помолчавъ нѣсколько времени: что это бываетъ только по пятницамъ?

Такъ, пане добродѣю! Да вѣдь сегодня пятница.

Въ самомъ дѣлѣ! и у васъ въ верхнемъ этажѣ нѣтъ ни одной свободной комнаты?

Далибугъ нѣтъ! кромѣ спальни моей жены, этой гостиной, гдѣ живутъ ея резиденки, и столовой, гдѣ сплю я,

ить ни одного жилаго покоя. Но если, прибавилъ съ на-
мѣшливой улыбкою Полякъ, панъ капитанъ бонится.

Если я боюсь? боюсь!

И это говорить Польскій панъ Русскому офицеру!
Ухъ, батюшки! такъ меня варомъ и обдало! Мнѣ, офи-
церу Астраханскаго гренадерскаго полка испугаться кол-
дуна! И добро бы еще Русскаго! Ахъ, чортъ возми!
да если бѣ самъ сатана въ Польскомъ контушѣ явился передо
мною, такъ я и тогда бы скорѣе умеръ, чѣмъ на вершокъ
отъ него попятился.

Извините, панъ Дубицкій, сказалъ я вставая: я не
боюсь ни пана Твардовскаго, ни пана чорта, и почую сего-
дня въ нашемъ нижнемъ этажѣ.

Какъ угодно! По крайней мѣрѣ я васъ предупредилъ,
и если что-нибудь случится

Не безпокойтесь! и у меня и у моего казака, есть по
парѣ пистолетовъ и по саблѣ: такъ живыхъ мертвецовъ мы
не боимся, а съ нечистой силой справиться не трудно. Не
погибайте, — вѣдь мы не по Латыни читаемъ наши мо-
литвы. Прикажите мнѣ показать мою комнату.

Въ моментъ, пане! Да не угодно ли вамъ чего покушать?

Благодарю! Я не ужинаю, а если позволите, возьму
съ собою эту бутылку Венгерскаго, и разопью ее за упокой
души нашего Твардовскаго. Только не совѣтую ему мѣшать
мнѣ спать: мы, Русскіе, незваныхъ гостей не любимъ.

Хозяинъ проводилъ меня до передней, въ которой, къ
удивленію моему, я нашелъ казака въ большомъ ладу съ
людьми Дубицкаго: онъ потягивалъ съ ними предружески
торѣлку, и, судя по двумъ полуштофамъ, изъ которыхъ ужъ
одинъ былъ пустъ, а въ другомъ оставалось вина только на
коньшкѣ, не трудно было догадаться, что они порядкомъ
угостили Ермилова: я еще болѣе увѣрился въ этомъ, когда
онъ, вскочивъ съ скамьи, началъ хвататься за стѣну, чтобы
не упасть мнѣ въ ноги. Ну, плохой же будетъ у меня то-
زاریщъ! подумалъ я. Но дѣлать было нечего! Одинъ слуга
пошелъ вперёдъ со свѣчей, а двое повели съ лѣстницы ка-
зака, который не смотря на мое присутствіе, безпрестанно
лбызался съ своими провожатыми, благодаря ихъ за дружбу
и угощеніе.

Когда мы спустились съ лѣстницы, слуга, который
шелъ впередъ, отперъ огромнымъ ключемъ толстыя двери,
и мы вошли въ большую комнату со сводами. Я не хотя
замѣтилъ, что провожатые мои робко поглядывали во всѣ
стороны и съ примѣтнымъ безпокойствомъ прислушивались
къ шелесту собственныхъ шаговъ своихъ; онъ раздался
подъ сводами обширныхъ комнатъ, сырыхъ и мрачныхъ,
какъ церковные подземные склены: не доставало только
гробовъ, чтобы довершить это сходство. Мы вошли наконецъ
въ одну угольную комнату, которая болѣе другихъ походила
на жилой покой. Множество фамильныхъ портретовъ по

стѣнамъ; дюжины двѣ стульевъ, обитое черной кожею канапе, кровать съ шелковымъ пологомъ, большіе стѣнные часы и дубовый столъ, на который слуга поставилъ свѣчу, а я бутылку Венгерскаго, — составляли все убранство моей спальни. Слуги, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, вышли вонъ.

Не стыдно ли тебѣ, Ермилловъ? сказалъ я казаку, который, прислонясь къ стѣнѣ, старался какъ можно бодрѣе стоять передо мною. Ну вынулъ бы стаканъ, другой! а то посмотри, какъ натянулся!

Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! пробормоталъ казакъ: прикажите, по одной дощечкѣ пройду.

Молчи, скотина!

Слушаю, ваше благородіе!

Гдѣ мои пистолеты?

Въ чушкахъ, ваше благородіе!

И ты оставилъ ихъ тамъ, на конюшнѣ?

Ничего, ваше благородіе! Народъ здѣсь честной; все будетъ цѣло.

Подай мнѣ свои!

Казакъ вынулъ изъ-за пояса свои пистолеты, и подавалъ мнѣ, сказалъ: Да извольте осторожнѣе, они заряжены пулями: знатные пистолы! Ужъ здѣшніе люди ими любовались, любовались! Хорошо! пошелъ, дожись, вонъ, на это канапе! Да постарайся выспаться проворнѣе, пьяница! Казакъ, пробираясь вдоль стѣны, дотащился до канапе, присѣлъ, и въ ту же минуту захрапѣлъ; а я взялъ свѣчу, и прежде всего осмотрѣлъ двери моей комнаты: онѣ заперлись снаружи, а внутри не было ни крючка, ни задвижки. Это обстоятельство мнѣ очень не понравилось, но дѣлать было нечего. Притворивъ какъ можно плотнѣе двери, я взглянулъ мимоходомъ на почернѣвшіе отъ времени портреты, которыми увѣшаны были всѣ стѣны. Во всю жизнь мою я не видывалъ такого подбора звѣрскихъ и отвратительныхъ лицъ. Бритыя головы съ хохлами, отвѣсные подбородки, нахмуренныя брови, усы, какъ у Сибирскихъ котовъ, — ну, словомъ, что портретъ, то рожа, и одна другой отвратительнѣе! Ай да красавцы! подумалъ я: ну, если домовые, которые изволятъ здѣсь пошаливать, не красивѣе ихъ, такъ признаюсь! Больше всѣхъ поразилъ меня портретъ какого-то свѣточнаго пугала, съ золотою цѣпью на шеѣ, въ черномъ балахонѣ и въ высокой четырехъсторонней шапкѣ. Его сухое и блѣдное лицо, зачесанные къ низу усы и, выглядывающіе изъ-подъ навислыхъ бровей, косые глаза, были такъ безобразны, что я въ жизнь мою ничего таже не видывалъ. Внизу на золоченой рамѣ было написано имя пана Твардовскаго. Такъ вотъ онъ! вскричалъ я невольно! ну хорошъ голубчикъ! И онъ же приходитъ съ того свѣта людей пугать! Ахъ, ты, чортова чучела! примолвилъ я, плюнувъ на портретъ. Да небось! меня не испугаешь, еретикъ проклятый! Не злаю по чему, но я не чувствовалъ въ себѣ никакой

робости; мнѣ казалось, что въ Польшѣ и черти должны бояться Русскаго офицера; а притомъ разсказъ моего хозяина, хотя и произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣніе, но я зналъ, что Поляки любятъ при случаѣ отпустить красное словцо, и сдѣлать изъ мухи слона. Впрочемъ, думалъ я, принимаясь за бутылку Венгерскаго: если и въ самомъ дѣлѣ нечистая сила проказить въ этомъ домѣ, такъ что жъ? пошумятъ, пошумятъ да тѣмъ дѣло и кончится. Хорошо демону шутить съ еретикомъ, а вѣдь я православный! Разсуждая такимъ образомъ, я скинулъ верхнее платье, положилъ подлѣ себя саблю и пистолеты, сотворилъ молитву, перекрестился, и, хлебнувъ еще Токайскаго, улегся на постели. Свѣтъ отъ восковаго огарка, котораго я не погасилъ, падалъ прямо на противоположную стѣну, и хотя слабо, но вполне освѣщалъ нѣсколько портретовъ. Не смотря на то, что я вовсе не трусилъ, ожиданіе чего-то необычайнаго не давало мнѣ сомкнуть глазъ; по временамъ мнѣ казалось, что всѣ эти портреты какъ будто-бы одушевлялись; что одинъ моргалъ глазами, у другаго шевелился усь, третій кивалъ мнѣ головою, — и хотя я понималъ, что это происходило отъ того, что у меня начинало рябитъ въ глазахъ, а не смотря на это заснуть не могъ. На дворѣ бушевала погода, вылъ вѣтеръ, дождь лилъ какъ изъ ведра; но подлѣ меня и по комнатамъ, все было тихо и спокойно. Ужъ не подшутилъ ли надо мною хозяинъ? подумалъ я. Чего добраго! Эти Поляки любятъ позабавиться. Вѣстимо дѣло! когда сила не беретъ, такъ хоть чѣмъ нибудь душу отвести. Чай, теперь онъ думаетъ: „какъ не поспитъ всю ночь проклятый Москаль, такъ мое Венгерское-то выйдетъ ему сокомъ!“ Ахъ нѣтъ! брешешь мось панъ добродѣю! засну! Я опустилъ закинутый пологъ, и принялся думать о старинѣ, о махуткѣ Москвѣ-бѣлокаменной, о Прѣсенскихъ прудахъ, о красномъ домикѣ съ зелеными ставнями, о моеи Авдотѣ Михайловнѣ, съ которою я былъ тогда помолвленъ, о томъ о семъ — и вотъ мало-по-малу меня стало затуманивать, одолевла дремота и я заснулъ. Въ то самое время, какъ мнѣ снилось, что я прогуливаюсь съ моею невѣстой по Дѣвичьему полю, какъ будто бы толкнули меня подъ бокъ: я проснулся. Ба, ба, ба! что такое? Кажется, въ сосѣднемъ покоѣ свѣтло? Отдернулъ пологъ, — гляжу: точно! Не размышляя долго, я вскочилъ съ постели, взявъ въ руку пистолетъ, и, подойдя на цыпочкахъ къ дверямъ, порастворилъ одну половинку: ну, это еще не очень страшно! посреди комнаты стоитъ большой столъ; на столѣ огромное блюдо, покрытое чѣмъ-то бѣлымъ, а кругомъ тринадцать стульевъ. Посмотримъ, подумалъ я, кто это здѣсь собрался ужинать. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ вдали, какъ будто бы за версту, но слышалось какое-то заунывное пѣніе: вотъ ближе, — ближе: — эге! да это никакъ поютъ за упокой? панѣвъ точно погребальный, только

словъ не слышно. Чу! всё замолкло, и вотъ опять, — да ужъ близёхонько, — какъ заревуть! Господи Боже мой, кто въ лѣсъ; кто по дрова! и вопять какъ надъ могилою, и насвистываютъ плясовые пѣсни, — а содомъ-то какой! шумъ, гамъ!.. Вдругъ двери въ комнату, въ которой стоялъ накрытый столъ, какъ будто бы отъ сильнаго вихря, распахнулись настежь, — и полѣзли въ нихъ да все то въ саванахъ, и въ бѣлыхъ колпакахъ съ наличниками! ну, ни дать, ни взять, какъ висѣльники! Они входили попарно, а позади всѣхъ, четверо такихъ же пугалъ несли на носилакахъ мертвеца, и лишь только эти послѣдніе перешагнули черезъ порожекъ, какъ вдругъ всѣ опять завывли, а мертвецъ приподнялся, и сбросилъ съ себя бѣлую целену, которою былъ покрытъ. Глядь! точь-въ-точь какъ этотъ портретъ въ черномъ платѣ; въ такой же четырехъсторонней шашкѣ, на шеѣ золотая цѣпь, лице блѣдное, усы по двѣ четверти. Ахти! такъ и есть! это колдунъ — напѣ Твардовскій! Ну господа, что грѣхъ таить? дрогнуло во мнѣ рстивое. Межъ тѣмъ, вся эта сволочь размѣстилась по комнатѣ; одни стали рядышкомъ вдоль стѣны, другіе усѣлись за столомъ; самъ мертвецъ расположился на первомъ мѣстѣ: только противъ него одинъ стулъ остался порожній, — и вотъ, гляжу, колдунъ манитъ меня пальцами. Что дѣлать? подумалъ я: идти худо, не идти стыдно; неравно еще эти Польскіе черти подумаютъ, что я ихъ трушу. Такъ и быть; смѣлымъ Богъ владѣеть: пойду.

Не выпуская изъ руки пистолета, я подошелъ къ столу; колдунъ указалъ мнѣ, молча, на порожній стулъ. Вотъ что! такъ видно я былъ въ счету? Добро, добро; посмотримъ что будетъ. Я сѣлъ. Хотя отъ времени до времени меня подиралъ морозъ по кожѣ, но я все еще не терялъ духа; къ тому жъ; всѣ эти святочные пугалы сидѣли такъ смиренно, что можно было услышать, какъ муха пролетитъ, и даже самъ колдунъ, выпучивъ свои оловянные глаза, сидѣлъ чинно и неподвижно, какъ набитая чучела. Прошло минутъ десять: все тихо; черти молчатъ, колдунъ таращить на меня глаза, а я посматриваю на всю честную компанію, и жду, чѣмъ дѣло кончится. Вотъ стѣнные часы въ моей спальнѣ зашпилили; съ трескомъ завертѣлись колеса, и колокольчикъ зазвенѣлъ — разъ, два, три. Чу! полночь. Еще двѣнадцатый звонокъ не отгудѣлъ, какъ вдругъ колдунъ зашевелилъ усами и кивнулъ головой, одинъ изъ его собесѣдниковъ всталъ, протянулъ длинную костяную руку, скорчилъ свои крѣчковатые пальцы, и ухвативъ за самую средину ширинку, которою покрыто было блюдо, поднялъ ее къверху. Ухъ, батюшки! и теперь не могу безъ страха вспомнить. Гляжу: на блюдѣ лежитъ человѣческая голова, — да еще какая... ахъ, ты, Господи Боже мой! раздутыя щеки, носъ въ два мои кулака, ротъ до ушей, глаза по ложкѣ. Ну!!! ёкнуло во мнѣ сердечко. Эко блюдо изго-

товили! Ышь! заревѣлъ охриплымъ голосомъ колдунъ. Ышь! повторила хоромъ вся нечистая сила. Ой, ой, ой! плохо дѣло! Хочу встать, ноги подгибаются; хочу творить молитву, языкъ не шевелится. А черти и колдунъ вотъ такъ и палятъ меня глазами! Наконецъ я кое какъ промолвилъ: „чуръ меня, чуръ! да воскреснетъ Богъ!“ „И чтожь? Голова зашевелилась, начала дразнить меня языкомъ, и защелкала зубами. Ахти! и молитва не беретъ! худо! Не помню самъ, какъ мнѣ пришло въ голову, — отъ страху, что ль, — только я поднялъ руку съ пистолетомъ, почти уперъ его въ эту чертову башку, взвелъ курокъ баць! не тутъ-то было! Всѣ черти захохотали, а голова раскрыла огромную пасть, и, словно изъ бочки, какъ грянетъ басомъ Польскую мазурку! Ну! руки у меня опустились, въ глазахъ запестрѣло, все вокругъ пошло ходунотъ, въ ушахъ поднялся звонъ, столъ запрыгаль, черти завертѣлись какъ кубари, и я упалъ безъ памяти на полъ.“

Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ чувствъ, но какъ очнулся, такъ еще было темно. На дворѣ ревелъ гроза, но въ комнатахъ опять все затихло. Стола нѣтъ, свѣчей также: только въ спальнѣ чуть-чуть теплился догорающій огарокъ. Не скоро я образумился: да ужъ за то, лишь только вспомнилъ, что со мною было, то откуда прыть взялась! Митомъ одѣлся, растолкалъ Ермилова, потащилъ его за собою въ конюшню, разбудилъ панскихъ конюховъ, и черезъ полчаса ѣхалъ ужъ опять по лѣсу. Къ свѣту мы добрались до лагеря, и явился къ моему полковнику, я такъ его перепугалъ, что онъ тотъ же часъ послалъ за полковымъ лѣкаремъ: на мнѣ лица не было! Мартынъ Адамычъ пощупалъ мой пульсъ, объявилъ, что у меня жестокая горячка, прописалъ лѣкарство; я его не принялъ, проспалъ почти цѣлыя сутки, и черезъ два дня отправился опять искать дачи для нашей полковницы.

И съ тѣхъ поръ вы никогда не встрѣчались съ наномъ Дубицкимъ? спросилъ Заруцкій.

Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ! слышалъ только, что у него на дачѣ, передъ самымъ концемъ компаніи, захватили цѣлую партію конфедератовъ, и что послѣ небольшой драки этихъ господъ съ однимъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ, казаки взяли хозяина и многихъ изъ его товарищей въ плѣнъ, сожгли и разорили до основанія Бялый Фольваркъ.

А какъ вы думаете, Антонъ Федоровичъ! перерывъ съ улыбкою Черемухинъ: ужъ вѣрно въ числѣ этихъ плѣнныхъ конфедератовъ было нѣсколько бѣсовъ, а можетъ быть, и самъ колдунъ Твардовскій попался въ руки къ казакамъ.

Вотъ ужъ этого, батюшка, не знаю! отвѣчалъ хладнокровно Кольчугинъ, набивая свою трубку.

То есть, Александръ Дмитріевичъ, сказалъ хозяинъ, ты хочешь намѣкнуть, что эту починую комедію сыграли съ

нашимъ пріятелемъ — панъ Дубицкій и его гости, для того, чтобъ отдѣлаться отъ постоа, не правда ли?

Что вы, что вы? вскричалъ Черемухинъ. Да это мнѣ и въ голову не приходило! Ужъ я вамъ докладывалъ, что я всему на свѣтѣ вѣрю. Если бъ это прокасалъ Поляки, такъ голова бы не заплъла басомъ, когда въ нее выстрѣлилъ Антонъ Ѳедоровичъ изъ пистолета. Правда, у пьянаго казака не трудно было разрядить пистолеты; но вѣдь одна догадка не доказательство, и потому всего вѣрнѣе, что тутъ замѣшалась нечистая сила.

Ты забалалешься, любезный, перерывалъ Заруцкій: а я такъ скажу вамъ, почтенный Антонъ Ѳедоровичъ, безъ всякихъ обиняковъ, что васъ одурачили Поляки: имъ нужно было какъ-нибудь избавиться отъ постоа. А чтобъ одѣться въ маскарадные платья, просунуть голову сквозь прорѣзанный столъ и блюдо, и разрядить пистолеты пьяняго казака, такъ — воля ваша, на это немного надобно хитрости. Знаете ли что? я, на вашемъ мѣстѣ, самъ бы порядкомъ надъ ними позабавился. Вамъ стоило только притвориться, что вы хотите отведать блюда которыми васъ почтуютъ, и еслибъ вы одной рукой схватили эту жареную голову за нось, а въ другую взяли бы столовый ножъ, такъ я васъ увѣряю, она не заплъла бы басомъ мазурку, а развѣ протанцовала на своемъ блюдѣ. Эхъ! Антонъ Ѳедоровичъ, такъ ли еще обманываютъ честныхъ людей, когда это надобно.

Загоскинъ.

Изъ романа :

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

(Казнь Паткуля).

„Бывъ въ свѣтѣ нашего Короля, я узналъ о заточеніи дяди только въ Гутсдорфъ, гдѣ Карлъ и Августъ имѣли свиданіе на квартирѣ нашего Министра Писера. Не думай, чтобы два соперника, столь различные однако жъ своимъ положеніемъ, сошлись такъ близко для бесѣды о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Карлъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, началъ разговоръ своимъ сапогами, продолжалъ сапогами и кончилъ ими же. Не смотря, что рывъ шла только о ногахъ, Августъ долженъ былъ силъ съ головы корону и, скрѣпя сердце, поздравить съ нею новаго Польскаго Короля, указаннаго мечемъ побѣдителя. Этимъ свиданіемъ рѣшена и передача нашего дяди въ полное распоряженіе Карла. Я попытался просить Его Величество о помилованіи; но онъ былъ неумолимъ. Сѣверный левъ не могъ удержать своего восторга, что поймалъ жертву, столь долго издѣвавшуюся надъ его силою; онъ рѣшился продлить еще на нѣсколько времени жизнь ея, чтобы насладиться

долге своимъ мщеніемъ. Повѣришь ли, какъ былъ низокъ великій Карлъ XII въ сіи минуты! Если попадутся Его Величеству эти строки, пускай насытитъ онъ вновь жажду крови надъ благороднымъ Лифляндецемъ, не разъ проливавшимъ ее за него.

(Здѣсь рукою Карла XII написано было: *Читай сѣи строки и велѣль доставить письмо по адресу. Траутфеттеръ — не Паткуль*).

„Отрядъ Шведскій подъ начальствомъ двухъ Лифляндцевъ (Барона Ротгауэна и Капитана Штакельберга) принявъ въ свое заведываніе Паткуля и отвелъ его въ Рейхардсгримъ, гдѣ находилась Шведская главная квартира. Королевское мщеніе, поручивъ надзоръ за пленникомъ Лифляндцамъ, казалось, хотѣлось посмѣяться надъ отечествомъ нашимъ. Бѣдная Лифляндія! Мало тебѣ, что за твою вѣрность предали тебя огню и мечу непріятельскому; надъ тобою еще безстыдно ругаются. Но — Богъ милостивъ: часъ твоего избавленія наступаетъ.

„Другъ мой! я видѣлъ его — сердце замираетъ отъ одного воспоминанія сего зрѣлища — я видѣлъ благороднѣйшаго изъ Лифляндцевъ, прикованнаго къ позорному столбу. Капитанъ дежурный не могъ отказать мнѣ въ семъ свиданіи; но легче бы мнѣ было не испрашивать его. Страданія истомили тѣло несчастнаго; онъ походилъ на мертвеца; ржавина желѣзъ вѣлась въ его руки; но какой сильный духъ еще въ немъ обиталъ! Рыдая, палъ я въ его объятія. — „Другъ мой!“ сказалъ онъ: „ты плачешь, увидя меня въ такомъ положеніи. Знаешь ли, что эти цѣпи — мое торжество? Это обрывокъ тѣхъ цѣпей, которыми я опуталъ вашего Карла и подъ которыми онъ скоро изнеможетъ. Звукъ ихъ“ — прибавилъ онъ, гремя желѣзами — „есть отголосокъ міра, приговоръ потомства несправедливой власти. Свѣтъ былъ ослабленъ на счетъ Карла XII: я доказалъ, что можно его побѣдить; мой плѣнь открылъ глаза свѣту. Слава его пала навсегда — навсегда! не воскресятъ ее тысячи побѣдъ. Напротѣвъ, моя возвышается этимъ униженіемъ, этими цѣпями; онѣ говорятъ сильнѣе за меня, нежели самое предстательство Петра Великаго и Дворовъ Европейскихъ. Впрочемъ, я не потерялъ еще надежды. Да! голосъ Великаго не ходатайствуетъ нигдѣ вотще! Но если погибну жертвою мщенія, то завѣщаю будущимъ вѣкамъ позоръ Карла XII и величіе моихъ несчастій. Лифляндія! о мое отечество! я желаю тебѣ добра: безкорыстный защитникъ твоихъ правъ это доказалъ; я желаю тебѣ добра! — будутъ послѣднія слова, которые произнесу, умирая за тебя.“

„Несчастный говорилъ много, съ необыкновенною силой и жаромъ, будто проповѣдывалъ міру великую истину; глаза его горѣли; грудь сильно поднималась. Звуки цѣпей, по временамъ потрясаемыхъ, казались мнѣ громовыми текстами, коими онъ придавалъ своей проповѣди особенную силу.

Вдругъ, посреди его движеній, суставъ на одной рукѣ его отъ худобы хрустнулъ, кисть сдвинулась съ мѣста. — „Другъ мой!“ сказалъ онъ довольно твердо: „справь мнѣ руку, по-солдатски. Это не въ первый разъ!“ Скрѣпя сердце, я взялъ на себя должность костоправа и помогъ несчастному, сколько умѣлъ. — „Какъ тѣло немощно!“ прибавилъ онъ: „одно легкое движеніе измѣняетъ его; но духъ — о! его перенесу я съ земли къ ногамъ Творца моего въ цѣлости, въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его отъ Творца!“ Потомъ разспрашивалъ онъ меня долго о тебѣ, объ Луизѣ; присовокупилъ, что онъ не будетъ спокоенъ и на томъ свѣтѣ, если твоя судьба не устроится по обѣщанію его и твоему желанію. — „Густавъ любитъ такъ много и равно любимъ“ сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ. „Мнѣ писали, что одна особа, близкая Царю, продолжаетъ устроить его счастье. Ахъ! и я думалъ наслаждаться подобнымъ счастьемъ! Другъ мой! если будешь въ Дрезденѣ, скажи моей Ейнзидель, что я, умирая, думалъ объ ней, что у позорнаго столба Пѣтъ, нѣтъ, не говори послѣдняго! Робкая любовь ея вообразить себѣ всѣ ужасы моего положенія, и Паткуль предстанетъ ей въ видѣ презрѣнномъ, ужасномъ

Презрѣніе! Мысль объ этомъ чувствѣ поворачиваетъ вверхъ-дномъ все мое существо. Страсть, дружба, не боятся такого зрѣлища, какое собою теперь представляю; но его испугается чувствованіе, воспитанное въ нѣгѣ, въ роскоши придворной, окруженное лучами славы и удовольствій. Скажи только моей невѣстѣ, что ея воспоминаніе обо мнѣ усладитъ послѣднія минуты моей жизни.“ Изъ очей несчастнаго закапали слезы на изсохшую грудь его и оттуда пали на желѣзо. Я плакалъ съ нимъ вмѣстѣ.

„Голосъ дежурнаго офицера прекратилъ нашу бесѣду. Насъ разлучили. — При выходѣ изъ сарая (не лзя было иначе назвать мѣсто, гдѣ содержался Паткуль) я встрѣтилъ добраго Фрица и подлѣ него увидѣлъ Розу — можно было угадать сейчасъ это дивное твореніе — сидѣвшую на голой землѣ, сложивъ голову на грудь и потушивъ томные взоры туда, гдѣ душа оставляетъ навсегда свои тѣлесныя оковы. Повѣришь ли, милый другъ, что она съ Фрицомъ откупила себѣ мѣсто подлѣ тюрьмы, или большими деньгами, или трудами, несвойственными ей полу? Присовокупи къ этимъ жертвамъ грубыя ласки и насмѣшки солдатчины. Какъ скоро имя дяди нашего коснулось ея слуха, она встрепенулась, начала ловить въ глазахъ моихъ чувствованіе, которое я несъ изъ заточенія несчастнаго, и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ нашему разговору. Видно, что сильная любовь особенно изощряетъ чувства; ибо нѣкоторые слова, сказанныя мною такъ тихо, что старикъ, подлѣ меня стоявшій, едва могъ ихъ слышать, отпечатывались вѣрно на лицѣ ея. Прелестное душою и тѣломъ твореніе! ты достойна была-бъ лучшей участи.

— Фрицъ намѣкнулъ мнѣ о надеждѣ. Высшая власть уже приговорила Паткуля къ казни; между тѣмъ, для обряда, какъ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, желая казаться справедливою, приказала Военному Суду заняться процессомъ несчастнаго. Можно было заранѣе угадать, какое зрѣлище послѣдуетъ за этой комедіей!

„Изъ Саксоніи вывезли Паткуля въ закрытой повозкѣ, въ которой проверчено было нѣсколько скважинъ для воздуха. Тридцать солдатъ полку Генерала Мейерфельда, состоявшаго изъ однихъ Лифляндцевъ, прикрывали его путешествіе въ Польшу. 27 Сентября долженъ былъ печальный поѣздъ прибыть въ Казиміръ, гдѣ 30 числа назначено колесовать несчастнаго.

„На другой день по прибытіи Паткуля въ Казиміръ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ городовую тюрьму, полковникъ Священникъ, Магистръ Гагенъ, получивъ тайное повелѣніе приготовить его къ смерти, пришелъ къ нему въ 3 часа по полудни. Явленіе духовной особы изъяснило несчастному его судьбу. — „Я пришелъ утѣшить васъ дарами Священнаго Писанія“, сказалъ Гагенъ. — „Благодарю васъ, отецъ мой!“ отвѣчалъ Паткуль дрожащимъ голосомъ, взявъ его за руку: „съ этимъ вмѣстѣ несете вы мнѣ, конечно, другія важныя вѣсти.“ — Гагенъ поклонился офицеру, тутъ-же находившемуся, шепнулъ ему что-то на ухо, и, когда онъ вышелъ, обратился съ чувствомъ и твердостію къ дядѣ нашему. — „Выслушайте отъ меня, благороднѣйшій господинъ, то, что произнесъ нѣкогда Пророкъ Исаія Царю Езекию: *устрой свой домъ, ибо ты долженъ умереть* и до вечера завтрашняго жъ дня оставить міръ сей.“ Эта вѣсть, казалось, поразила узника, не терявшаго до сего времени надежды; онъ бросился на постель и плакалъ. Но это малодушіе было только мгновенною данью природѣ. Вскорѣ успокоился онъ, присѣлъ на скамейку къ Пастору и съ краснорѣчіемъ, ему свойственнымъ, излилъ передъ нимъ оправданіе своей политической жизни. — „Несправедливая редукція и личная ненависть временщика, Гастфера, вотъ мое преступленіе!“ говорилъ онъ: Швеція упрекаетъ меня, что я пошелъ служить непріятелямъ. Но оставилъ ли я ее, счастливый, въ чести, съ насмѣшками и угрозами? Я бѣжалъ изъ нея, какъ изгнанникъ, спасая свою голову. Куда было дѣваться мнѣ? не въ землю жъ укрыться! По вѣрѣ своей, и въ монастырь не могъ я найти убѣжища. Я все употребилъ, чтобъ умилостивить двухъ Королей; но мою преданность, мою покорность презрѣли. Не этого хотѣла самолюбивая власть: она хотѣла примѣрно наказать меня за то, что я осмѣлился возвысить предъ нею голосъ, на защиту правъ моего отечества, что я вздумалъ изболтать несправедливость ея избранныхъ и ея самой. Въ позоръ и смерти моей видѣла она личное свое торжество и уничтоженіе смѣлой истины. Видно, правдѣ не удержаться никогда на “

Здѣсь духовникъ прервалъ Паткуля, напомнивъ ему, что не время заниматься дѣлами земли. Осужденный съ жаромъ взялъ руку Гагена и сказалъ: — „Дайте мнѣ малый срѣкъ заплатить дань земному; послѣ того не услышите отъ меня ни слова о презрѣнныхъ вещахъ сего міра.“ Паткуль говорилъ еще о своихъ услугахъ Прусскому Королю и Римскому Императору; говорилъ, сколько тысячъ талеровъ раздалъ онъ Шведскимъ пѣшнымъ въ Москвѣ, разразился негодованіемъ на малодушіе Августа и наконецъ, почитая себя оправданнымъ въ своей политической жизни, отпустилъ духовника до ближайшаго свиданія.

Въ 7 часовъ вечера Гагенъ посѣтилъ опять узника. На этотъ разъ засталъ онъ его совершенно успокоеннымъ. — „Добро пожаловать! сказалъ Паткуль съ веселымъ видомъ. „Вы, какъ Ангелъ Божій, приходите къ затворнику. Съ сердца моего спало тяжелое бремя; я чувствую въ себѣ большую перемѣну. Радуюсь, что долженъ умереть: неволи мучительнѣе смерти! Лишь бы смерть была скорая! Не знаете ли, къ чему я приговоренъ?“ Гагенъ отвѣчалъ, что приговоръ остается для него тайною и только извѣстенъ высшему начальнику. — „Ахъ! и это почитаю милостью!“ воскликнулъ несчастный. „По крайней мѣрѣ, сдѣлають ли мнѣ судебнымъ порядкомъ допросы?“ — „Думаю, возразилъ Магистръ, что вамъ все объявятъ на лобномъ мѣстѣ.“ Послѣ сихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, осужденный занялся съ нимъ духовною бесѣдою. — „Путемъ терновымъ должны мы идти въ царство небесное“ говорилъ онъ. „Я увѣренъ, что страданіе міра сего ничтожны въ сравненіи съ блаженствомъ, ожидающимъ насъ за предѣлами гроба.“

„На предложеніе духовника сдѣлать передъ смертью какое нибудь письменное распоряженіе, дядюшка попросилъ бумаги и приборъ для письма, и когда подали ему то и другое, продиктовалъ Гагену духовное завѣщаніе, коимъ отъказывалъ третью часть своего движимаго имущества*) вѣрному и преданному Секретарю Никласзону; другую часть назначалъ на выкупъ родоваго имѣнія въ Лифляндіи съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ ближайшимъ наслѣдникамъ завѣщателя, а остальную часть — ты отгадаешь, любезный другъ, что онъ не забылъ насъ въ семь случаевъ. Подписавъ завѣщаніе, и передавъ его духовнику, онъ задумался; потомъ, глубоко вздохнувъ и качая головою, произнесъ: — Да, да! въ отечествѣ своемъ и на чужбинѣ Паткуль имѣетъ друзей, которые будутъ жалѣть о немъ. Что скажетъ о моей смерти старая Курфирстина и (со слезами на глазахъ договорилъ онъ) моя бѣдная невѣста?.. Ради Бога, отецъ мой, передайте Амалии Ейнзидель мой предсмертный поклонъ Обѣ-

* Почти все оное находилось въ долгу за Августомъ, который некогда не думалъ уплатить его. Не мудрено, что сей долгъ служилъ однимъ изъ низкихъ побужденій выдать Паткуля.

даете ли?“ Магистръ далъ слово выполнить его желаніе. (О Розѣ не было слова; но въ тайной исповѣди его грѣховъ сія несчастная жертва, конечно, заняла первое мѣсто.) Тутъ узникъ не безъ труда убѣдилъ своего духовника, въ знакъ благодарности за усердное напутствованіе изъ сей жизни въ другую, принять отъ него сто червонныхъ и сверхъ того подарилъ ему рѣдкое изданіе Ветхаго Завѣта, которое, какъ онъ изъяснился, было лучшимъ его утѣщеніемъ въ черныя дни его жизни. Побесѣдовавъ еще о разныхъ благочестивыхъ предметахъ, дядюшка изъяснилъ желаніе успокоиться. — „Мнѣ нужно сномъ подкрѣпить тѣло свое,“ сказалъ онъ: „ибо завтра долженъ я бодрствовать.“ Духовникъ оставилъ его одного. —

Продолженіе письма было написано не рукою Адольфа; вотъ его содержаніе:

„Милостивый Государь! Нѣтъ нужды сказывать вамъ мое имя; оно покуда останется для васъ тайною. Довольно вамъ знать, что я пріятель вашего брата, что онъ, бывъ неожиданно потребованъ Королемъ, съ которымъ и отправился въ Польшу, не успѣлъ, по сему случаю, кончить письмо свое къ вамъ и просилъ меня сдѣлать это вмѣсто него. Исполняю волю вашего брата; продолжаю его повѣствованіе, и сказанными путями отправляю письмо къ вамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ духовникъ вышелъ отъ Паткуля, Никласзонъ тихими стопами вошелъ къ нему и открылъ, что преданные ему все приготовили къ его спасенію. Сія неожиданная вѣсть сначала перепугала Паткуля: совсѣмъ приготовясь къ смерти; стоя уже одною ногой на порогѣ гроба, онъ казалось, неохотно, возвращался назадъ. Но друзья его сдѣлали такія большія пожертвованія, жизнь взглянула ему въ лице черноогненными глазами Ейнзидель, ведя за собою столько радостей; насмѣшка надъ властолюбіемъ Карла еще льстила ему такъ много, что онъ согласился съ волею своихъ друзей.

— Буду готовъ! сказалъ Паткуль, отпущая своего бывшего Секретаря; и жизнь съ мечтами любви и честолюбія разыгралась снова въ этой пламенной душѣ.

Выше объяснено, что Мейерфельдскій полкъ состоялъ весь изъ Лифляндцевъ. Негодованіе и сожалѣніе одушевили ряды ихъ; многіе изъ нихъ громко вопіяли противъ жестокости Короля; во всю дорогу изъ Саксоніи до Казиміра оказываемо было плѣннику снисхожденіе разнаго рода; друзьямъ его позволено съ нимъ видѣться и бесѣдовать; изъ скважины въ его повозкѣ подѣланы окна; пища давалась ему самая вкусная: дорогой онъ видимо оправился. Наконецъ составленъ заговоръ спасти осужденнаго; но какъ все еще ожидали милости Королевской, о коей доходилъ слуха во время путешествія, то и отложили привести сей заговоръ въ исполненіе уже по прибытіи въ Казиміръ.

Все слажено къ вечеру 29. Въ этотъ роковой вечеръ должна рѣшиться судьба Паткуля.

Вотъ планъ заговора: Роза каждое утро и вечеръ посѣщаетъ заключеннаго; ее пропускаютъ по обыкновенію. За корсетомъ у ней двѣ пилы; одною рушатся желѣзы на плѣнникъ, другою — слабая рѣшетка изъ двухъ связей у окна тюремнаго. Бечевку, которую она прикрѣпляетъ подъ свое платье, спустятъ въ окно. Внизу, у стѣнъ тюремныхъ, Фрицъ привяжетъ къ концу бечевки веревочную лѣстницу. Бойкія лошади разставлены, гдѣ нужно; дежурный офицеръ, неподкупный ни съ какой стороны, уподичавъ въ виноградникахъ Господнихъ. Стража, которая, по расчисленію времени, должна стоять у дверей Паткулевой комнаты и подъ окномъ ея, у стѣнъ тюремныхъ, предалась всею душою заговорщикамъ. Побѣгъ обезпеченъ: Никласзонъ усталъъ дорогу червонцами. — Главное дѣло должна совершить Роза. Приступая къ нему, она падаетъ на колѣна и, возведя къ небу полныя слезъ глаза, молитъ Бога объ успѣхѣ. — „Дай мнѣ спасти его!“ восклицаетъ она, „и потомъ я умру спокойно! Мнѣ, мнѣ будетъ мой Фишерлингъ обязанъ своимъ спасеніемъ; онъ вспомнитъ обо мнѣ хотъ тогда, когда меня не станетъ: онъ скажетъ, что никто на свѣтѣ не любилъ его, какъ я!“

Было къ 9 часамъ вечера. Роза подходитъ къ тюрьмѣ; сердце у ней бьется необыкновенно. Она рассказываетъ паролъ стражѣ у входа; ее пропускаютъ. Но въ караулѣ на встрѣчу ей дежурный Капитанъ, исполнѣй, плечистый, рыжеволосый, отекашій отъ вина. Огонь, горѣвшій въ сальной плашкѣ, бросалъ полу свѣтъ кругомъ себя и только изрѣдка, забравъ вдругъ болѣе пищи въ свѣтильникъ, ярко вспыхивалъ. Тогда выставлялись ломаными чертами то изувѣченное въ бояхъ лицо ветерана, изображавшее оужденіе и грусть, то улыбка молодого его товарища, искосившаго сладострастный взглядъ на оболъстительную дѣвушку, то на полномъ глумѣ лицъ рекрута страхъ видѣть своего начальника, а впереди гигантская, пьяная фигура Капитана, поставившаго надъ глазами щитомъ огромную, налитую спиртомъ руку, чтобы видѣть лучше предъ собою, и наконецъ посреди всѣхъ блѣдное, но привлекательное лице Швейцарки, рѣзко выходявшее изъ всѣхъ предметовъ своимъ полунзматыми прелестями, страхомъ и нетерпѣніемъ, толпившимися въ его огненныхъ глазахъ, и одежду, чуждою странѣ, въ которой происходила сцена. Но когда свѣтъ въ плашкѣ ослабѣвая, трепеталъ, какъ крылья приколотой бабочки, тогда всѣ фигуры погружались въ какую-то смѣшанную, уродливую группу, которая представляла скачущую Сатурналію и надъ нею господствующую широкую тѣнь исполина — Капитана.

— Милости просимъ, милости просимъ, залетная райская птичка! сказалъ онъ, устремивъ на дѣвушку помутившіеся взоры: что къ намъ послѣ зари понало въ западню,

то наше по всѣмъ правамъ Чортъ меня побери, да я такой красоти давно не видалъ!

— Ваше благородіе! сказала Роза голосомъ, въ коемъ выражались смущеніе и боязнь подпасть гнѣву ея властителя — позвольте мнѣ къ заключенному вамъ извѣстно... я, презрѣнная тварь, люблю связи давнишнія.

Ого! знаемъ всѣ ваши шапки! прервалъ, смѣясь во все горло, Капитанъ. Только-что вышелъ отъ Превосходительнаго нашего арестанта цѣлитель душъ, какъ является врачъ... Гмъ! гмъ! Ну, конечно, оно легче отпраляться на тотъ свѣтъ. Чтобы меня самый главный изъ чертей, Баронъ, Графъ, Князь-чортъ заповлонилъ, коли я лгу! Если бы мнѣ пришлось знать свою смерть за нѣсколько часовъ, я сдѣлалъ бы на оборотъ.

— Вы такъ добры, вы такъ милостивы говорила Роза, сложивъ свои руки въ видѣ молелія. Она стояла на раскаленныхъ угляхъ; но сойти съ нихъ не было возможности; ибо своевольный Капитанъ, положилъ широкую, налитую виномъ руку свою на плечо дѣвушки. Это былъ прессъ, изъ-подъ котораго трудно было освободиться.

— Ну, Превосходительная, поцѣлуй за пропускъ

Каждый мигъ дорогъ; разсуждать некогда; — Роза исполнила волю пьянаго деспота, и думая, что этимъ умилила его, сдѣлала движеніе впередъ: но Геркулесъ нашъ обнялъ дѣвушку такъ крѣпко, что пины, бывшія на ней, вонзились въ грудь и растерзали ее.

Роза вздрогнула, выдираясь изъ объятій Капитана. Адъ былъ въ груди ея; но она выдавила улыбку на свое лицо, называла мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цѣловала его поганые руки.

— А вотъ сей часъ, касаточка! Не думай однако жъ, чтобы прелести твои насъ такъ ослабили, что мы забыли службу Его Королевскаго Величества, нашего всемилостивѣйшаго Чортъ побери, не несешь ли чего запрещеннаго холоднику?

У стѣнъ тюремныхъ раздался съ тремя перерывами голосъ часового: это былъ знакъ, что все изготовлено Фрицомъ. А Роза еще вичего не сдѣлала! Она затрепетала всѣмъ тѣломъ; изъ раны на груди кровь забила ключемъ. Не смотря на свои страданія, она старалась оправиться и отвѣчала довольно твердо: — Развѣ я полоумная? развѣ мнѣ висѣлица мила?

— Капитанъ показалъ головою и рукой, чтобы раздѣли Швейцарку.

— Позвольте жъ, я сама перервала Роза, отталкивая перваго, подошедшаго къ ней солдата, съѣла проворно на скамью, скинула башмакъ, потомъ чулокъ онъ былъ полонъ крови!

— Кровь, ваше благородіе! закричалъ солдатъ.

— Кровь! кровь! подтвердилъ, качая головою, Капитанъ; что это такое?

Вотъ видите, отвѣчала заппная Роза, у меня про-
волока по нашему Швейцарскому обычаю, въ корсетъ...
а вы господинъ, Богъ вамъ судья! такъ крѣпко меня обняли
Ахъ! сжаальтесь, ради Создателя, сжаальтесь

— Фуй! пропустить ее! заревѣлъ Капитанъ, и Роза,
помня только о спасеніи милаго ей человѣка, бросилась,
босая на одну ногу, въ двери, которыя вели, черезъ корри-
доръ, въ комнату Паткуля.

Въ корридоръ встрѣтили ее насмѣшки и проклятія
нѣсколькихъ преступниковъ, расхаживавшихъ взадъ и вне-
редъ. Ужасныя лица ихъ разказывали вѣрно ихъ злодѣянія.

— Поищи правды! говорилъ одинъ душегубецъ: насъ
морять съ голоду; а у Паткуля — чѣмъ онъ лучше насъ?...
измѣнникъ! у него безпрестанно пиры да банкеты! То
летятъ сладкія кусочки и стакянки, то шныряютъ пріатели
да дѣвки.

— Не тюрьма, а рай! прибавилъ другой, разбойни-
чавшій на большихъ дорогахъ: эхъ, пріатель! давно гово-
рятъ, что правда сгорѣла.

Роза мелькнула мимо сихъ проповѣдниковъ истины.
Слово стражъ у одной двери на концѣ корридора, и — въ
комнатѣ Паткуля.

— Роза! .. могъ только вымолвить несчастный отъ
избытка и смѣси разныхъ чувствованій, поднявъ взоры и
руку къ небу.

Награда ея была въ немъ самомъ; а онъ неблагодарный,
показывалъ на небо!...

Мысль о спасеніи помутила взоры Паткуля; онъ не
замѣтилъ крови на ногѣ избавительницы своей. Роза имѣла
предосторожность вытереть пилу, которую ему подала.

Онъ становится у окна, Роза — у ногъ его. Принима-
ются за работу. Пилы ходятъ усердно. Звено, прикрѣплен-
ное къ одной ногѣ плѣнника, уже разрушено; распялена и
одна связь въ окнѣ. Надежда придаетъ силу Паткулю; онъ
загибаетъ конецъ связи и принимается за другую. Роза
трудится также надъ другимъ звеномъ, обнявъ крѣпко ногу
своего друга.

— Цсѣ! говоритъ въ полголоса Паткуль, дрожа всѣми
членами: будто стража у дверей смѣняется!.

Сердце замираетъ у Розы; она боится пошевелиться;
она вся претворилась въ слухъ.

Все тихо.

— Ничего! тебѣ причудилось! отвѣчаетъ она
послѣ нѣсколькихъ мгновений молчанія, облегчавъ грудь
вздохомъ, и снова пилы живо ходятъ по желѣзу. Но тутъ
работа идетъ медленнѣе: силы ея ослабѣли отъ труда, по-
тери крови и страха опоздать.

Вдругъ двери тихонько отворились и затворились.
Паткуль этого не видалъ; но Роза она видѣла, или ей
показалось, что она видѣла. ..

— Это страх дѣйствуетъ! это мечта! думаетъ она, и пилить, сколько силъ достаетъ. Уже кольцо едва держится къ цѣни. Она проситъ Паткуля рвануть его ногою. Онъ исполняетъ ся волю; но звено не ломается. Роза опять за работу. У плѣнника пилка идетъ успѣшнѣе: другая связъ въ окнѣ распилена; бечевка черезъ него заброшена; слышно, что ее поймали. что ее привязываютъ. Роза собираетъ послѣднія силы. вотъ, пилла то пойдетъ, то остановится, какъ страхомъ задержанное дыханіе. вотъ нѣсколько движеній — и

— И сквозь полурастворенныя двери выставилась ужасная голова съ шрамомъ на лбу. запрыгали сѣроголубые глаза. и разсыпался адской хохотъ. Потомъ? потомъ молчаніе гроба!

— Измѣна! закричали подъ окномъ — то былъ голосъ Фрица — и вслѣдъ за тѣмъ послышался выстрѣлъ.

Ударили тревогу.

Узникъ остолбенѣлъ. Сердце Розы поворотилось въ груди, какъ жерновъ; кровь застыла въ жилахъ. она успѣла только сдѣлать полуоборотъ головою. въ какомъ-то безуміи устремила неподвижные взоры на дверь, раскрыла ротъ съ посинѣлыми губами. одною рукою она обнимала еще ногу Паткуля, какъ будто на ней замерла; другую руку едва отбѣлила отъ звена, которое допиливала. Въ этомъ положеніи она, казалось, окаменѣла.

— Ваше Превосходительство! произнесла сквозь полурастворенную дверь голова, на коей нѣжилась адская усмѣшка: наемщикъ вашъ, негодяй, которому, на мызѣ Г. Блаументроста, за кровные труды, обѣщали вы плюнуть въ лицо и утереть ногою, пришелъ поблагодарить васъ за милости ваши. Покорнѣйшій вашъ слуга платитъ вамъ свой долгъ съ процентами. Мы расквитались, прощайте! — Это говорилъ Никласзонъ, преданнѣйшій, вѣрнѣйшій, покорнѣйшій Секретарь того, кто благодѣтельствовалъ ему во всю жизнь и еще недавно завѣщалъ треть своего имущества, наравнѣ съ своими племянниками.

Демонское лице скрылось; но Паткуль, будто оглушенный громомъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ.

Стража съ офицеромъ, вновь наряженнымъ, вошла. Роза въ безуміи погрозила на нихъ пидою, и голосомъ, походившимъ на визгъ, заговорила и заплѣла: Тише не мѣшайте мнѣ. я пилю, допилю, друга милаго спасу. Я пилю, пилю, пилю. Въ это время она изо всѣхъ силъ вытѣла, вмѣсто желѣза, ногу Паткуля; потомъ зашаталась, стиснула его лѣвою рукою и вдругъ пала. Розу подняли. Она была мертвая!

— Смерть! скорѣе смерть! воскликнулъ Паткуль задыхающимся голосомъ; потомъ обратилъ мутные взоры на бѣдную дѣвушку, сталъ передъ ней на колѣна, бралъ поочередно ея руки, цѣловалъ то одну, то другую, и орошалъ

ихъ слезами. — „Я погубилъ тебя: кричалъ онъ: я, второй Инкласзонъ! Господи! ты праведенъ; ты взыскиваешь съ меня еще здѣсь. О другъ мой! твоя смерть вырвала изъ моего сердца всѣ чувства, которыя питалъ я къ другой. Роза! милая Роза!

Несчастному показалось въ этотъ мигъ, что теплота жизни заструилась въ рукѣ дѣвушки, что она судорожно пожала его руку. Онъ хочетъ удержать эту теплоту своимъ дыханіемъ. Напрасно! Роза — смерть, вся .. холодная смерть!

Офицеръ учтиво подошелъ къ Паткулю и сказалъ ему: — Позвольте мнѣ исполнить свою должность! — и потомъ далъ знакъ головою солдатамъ. Два изъ нихъ надѣли новыя цѣпи на плѣнника, другіе понесли изъ комнаты мертвое тѣло Швейцарки, какъ поврежденную мраморную статую прекрасной женщины уносить навсегда въ кладовую, гдѣ разбросаны и поношенные туфли и разбитые горшки.

Легко догадаться, что преданныйшій Секретарь Паткуля былъ участникомъ заговора для того только, чтобы открыть его и заслужить новыя милости отъ Министровъ Августа. Награда превзошла его ожиданіе: онъ опредѣленъ Тайнымъ Совѣтникомъ ко Двору Саксонскому.

На другой день казнили Паткуля — но я избавлю васъ отъ описанія послѣднихъ минутъ его жизни. Стыдъ Карла совершился,
И. Лажечниковъ.

БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ У САТАНЫ.

Въ нѣдрахъ земнаго шара есть огромная зала, имѣющая, кажется, 99 верстъ вышины: въ Отечественныхъ запискахъ сказано будто она вышиною въ 999 верстъ; но Отечественнымъ запискамъ ни въ чемъ, — даже и въ разсужденіи ада, — вѣрять не возможно. Въ этой залѣ стоитъ великолѣпный престолъ повелителя подземнаго царства, построеннаго изъ человѣческихъ основъ, и украшенный, вмѣсто бронзы, сухими летучими мышами. Это должно быть очень красиво. На немъ садится Сатана, когда даетъ аудіенцію своимъ посланникамъ, возвращающимся изъ поднебесныхъ странъ, или когда принимаетъ поздравленія чертей и знаменитѣйшихъ проклятыхъ, кончи зала, при такихъ торжественныхъ случаяхъ, бываетъ наполнена до самаго потолка.

Если гамъ когда либо случалось читать мудрыя сочиненія Патера Бузенбаума, Иезуитскаго Богослова и Философа, то вы знаете, — да какъ этого не знать? — что черти днемъ почиваютъ, встаютъ же около заката солнца, когда въ Римѣ отнюютъ вечерню. Въ то же самое время просыпается и Сатана. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя халатъ изъ толстой конвертной бумаги, расписанной въ видѣ пылающаго пламени, который получилъ онъ въ подарокъ.

изъ гардероба Испанской Инквизиціи: въ этихъ халатахъ у насъ, на землѣ, люди сожигали людей. За симъ, выходитъ онъ въ залу, гдѣ уже его ожидаетъ многочисленное собраніе довѣренныхъ чертей, подземныхъ вельможъ, адскихъ льстецовъ, адскихъ придворныхъ и адскихъ наушниковъ: тутъ вы найдёте пропасть еретиковъ, заслуженныхъ грѣшниковъ и прославленныхъ изверговъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые ихъ прославляли въ предисловіяхъ и посвященіяхъ, — словомъ, всѣ знаменитости ада.

Заскрипѣла чугунная дверь спальни царя тмы; Сатана вошелъ въ залу, и сѣлъ на своемъ престолѣ. Всѣ присутствующіе ударили челомъ и громко закричали: *висать!* — но голоса ихъ никто бы изъ васъ не услышалъ, потому, что они тѣни, и крикъ ихъ только тѣнь крика. Чтобъ услышать звуки сего рода, надо быть чертомъ или донощикомъ.

Лукуллъ, скончавшійся отъ обжорства, исправляетъ при Дворѣ его должность Оберъ-Готмейстерскую: онъ завѣдываетъ кухнею, заказываетъ обѣдъ и самъ подаетъ завтракъ. Какъ скоро утихъ этотъ неудобослышимый шумъ торжественнаго привѣтствія, Лукуллъ выступилъ впередъ, держа въ рукахъ колоссальный подносъ, на которомъ удобно можно было бы выстроить кабакъ съ библіотечною для чтенія: на немъ стояли два большіе портерные котла, одинъ съ кофеемъ а другой со сливками; Римская слѣзная урна, служащая вмѣсто чашки; Египетская гранитная гробница, обращенная въ ящикъ для сахара, и старая сороковая бочка, наполненная сухарями и бисквитами, для завтрака грозному обладателю ада.

Сатана вынулъ изъ гробницы огромную глыбу квасцовъ, — ибо онъ ни какого сахара, даже и свекловичнаго, даже и постнаго, терпѣть не можетъ, — и положилъ ее въ урну; налилъ изъ одного котла чистаго Смоленскаго дегтю, употребляемаго имъ вмѣсто кофейнаго отвара, а изъ другого подбавилъ купороснаго масла, замѣняющаго въ аду сливки, и черную исполнскую лапу свою погрузилъ въ бочку, чтобы достать пару сухарей.

Но въ аду и сухари не похожи на наши: у насъ они печёные, а тамъ печатанные. Попивая свой адскій кофе, царь чертей, преутояченный гастрономъ, страстно любитъ пожирать наши несчастныя книги въ стихахъ и прозѣ; толстыя и тонкія различнаго формата произведенія нашихъ земскихъ Словесностей; томы Логикъ, Психологій и Энциклопедій; собранія Разысканій, коими ничего не отыскано; Исторій, въ коихъ ничего не сказано; Риторикъ, которые ничему не выучили, и Разсужденій, которые ничего не доказали, — особенно, всякія большія поэмы, описательныя, повѣствовательныя, правоучительныя, философскія, эпическія, дидактическія, классическія, романтическія, прозаическія и проч. и проч. Съ нѣкотораго времени, однако жъ, онъ примѣтилъ, что этотъ родъ пирожнаго обременялъ его

желудокъ, и потому приказалъ подавать къ завтраку только новыя Повѣсти Историческія, писанныя по послѣдней модѣ; новыя Мелодрамы; новыя Трагедіи въ шести, семи и девяти картинахъ; новыя Романы въ стихахъ и Романы въ родѣ Валтеръ-Скотта; новыя стихотворныя Размышленія, Сказки, Мессеніяны и Баллады, — какъ несравненно легче первыхъ, обильно переложенные бѣлыми страницами, набранные очень рѣдко, растворенные точками и виньетками и почти столь же безвредные для желудка и головы, какъ и обыкновенная бѣлая бумага. Сухари эти прописалъ ему придворный его Лейбъ-Медикъ, извѣстный Докторъ Медицины и Хирургіи, Иппократъ, убившій на землѣ своими рецептами 120,000 человѣкъ и за то возведенный людьми въ санъ отцевъ врачебной науки, — впрочемъ, умный проклятый, которой доказываесть, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ мятежей и трюфлей весьма полезно имѣть нѣсколько свободный желудокъ.

Сатана вынулъ изъ бочки четыре небольшие тома, красиво переплетенные и казавшіеся очень вкусными; обмакнувъ ихъ въ своею кофе, положилъ въ ротъ, раскусилъ пополамъ, пожевалъ и — вдругъ сморщился ужасно.

— „Гдѣ чертъ фонъ-Аустаба?“ вскричалъ онъ съ сердитымъ видомъ.

Мгновенно выскочилъ изъ толпы духъ огромнаго роста, плотный, жирный, румяный, въ старой трехъ-угольной шляпѣ, и ударилъ челомъ повелителю. Это былъ его Библіотекаръ, бѣсъ чрезвычайно ученый, прежде бывшій Нѣмецкій Gelehrter, который зналъ наизусть полныя заглавія всѣхъ сочиненій, могъ высказать наперечетъ всѣ изданія, помнилъ сколько въ какой книгѣ страницъ и презиралъ то, что на страницахъ, какъ пустую Словесность, — исключая опечатки, кои почиталъ онъ, одинъ лишь изъ всѣхъ произведеній ума человѣческаго, достойными особеннаго вниманія.

— „Негодяй! какіе прислалъ ты мнѣ сухари?“ сказалъ гнѣвный Сатана. „Они черствы, какъ дрова.“

„Ваша Мрачность!“ отвѣчалъ испуганный бѣсъ: „другихъ не могъ достать. Правда, что сочиненія нѣсколько старыя; но за то какія изданія! — самыя новыя, толко-что изъ печати.“

— „Сколько разъ говорилъ я тебѣ, что не люблю вещей разогрѣтыхъ? Притомъ же, я приказалъ подавать себѣ только легкое и пріятное, а ты подсунулъ мнѣ что-то такое жесткое, сухое, безвкусное.“

— „Мрачнѣйшій повелитель, смѣю увѣрить васъ, что это лучшія творенія нашего времени.“

— „Это лучшія творенія вашего времени? Такъ, ваше время ужасно глупо!“

— „Не моя вина, Ваша Мрачность: я Библіотекаръ, глупостей не произвожу, а только привожу ихъ въ порядокъ и систематически располагаю. Вы изволите говорить, что сухари не довольно легки: легче этихъ и желать не воз-

можно: въ цѣлой этой бочкѣ, въ которой найдете вы всю прошлогоднюю Словесность, нѣтъ ни одной твердой мысли. Если же они не такъ свѣжи, то виноваты вашъ пьяный Харонъ, который, не далѣе вчерашняго дня, сорокъ корзинъ произведеній послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, во время перевозки, уронилъ въ Лету. “

Между тѣмъ, какъ Библіотекаръ всячески оправдывался, Сатана, изъ любопытства, откинулъ обертку оставшагося у него въ рукахъ куска книги, и увидѣлъ слѣдующій остатокъ заглавія: „ ещѣ оманъ торич . . . , сочин. . . а 830.“

— „Что это такое?“ сказалъ онъ, пяля на него грозные глаза. „Это даже не разогрѣтос? Э? сморти: 1830 года?“

— „Видно, оно не стоило того, чтобы разогрѣвать,“ примолвилъ толстый бѣсъ, съ глупою улыбкой.

— „Да это съ макомъ!“ воскликнулъ Сатана, разсмотрѣвъ внимательнѣе тотъ же кусокъ книги.

— „Ваша Мрачность! скорѣе уснете послѣ такого завтрака,“ отвѣчалъ бѣсъ, опять улыбаясь.

— „Ты меня обманываешь, да ты же еще и смѣешься!...“ заревѣлъ Сатана въ адскомъ гнѣвѣ. „Поди ко мнѣ поближе.“ —

Толстый бѣсъ подошелъ къ нему со страхомъ. Сатана поймалъ его за ухо, поднялъ на воздухъ какъ перышко, положилъ въ лежащій подлѣ него шести-аршинный фоліантъ Сочиненій Аристотеля на Греческомъ языкѣ, доставшійся ему въ наслѣдство изъ Библіотеки покойнаго Плутона, затворилъ книгу и самъ на ней усѣлся. Подъ тяжестью гигантскихъ членовъ подземнаго властелина, несчастный смотритель адава книгохранилища въ одно мгновеніе сплюснулся, между жесткими страницами классической прозы, наподобіе сухаго листа мяты. Сатана опредѣлилъ ему, въ наказаніе, служить закладкою для сей книги въ продолженіе 1111 лѣтъ: Сатана надѣется, въ это время, добиться смысла въ сочиненіяхъ Аристотеля, которыхъ читаетъ онъ почти непрерывно. Пустос!

— „Принци мнѣ изъ проклятыхъ, на мѣсто этого педанта, кого либо поумнѣе,“ сказалъ онъ, обращаясь къ Верховному Визирю и любимцу своему, Вельзевуу. „Я намѣренъ сдѣлать, со временемъ, моимъ книгохранителемъ того великаго Библіотекаря и Профессора, который недавно произвелъ на Сѣверѣ такую ужасную суматоху. Когда онъ къ намъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь приковать его крѣпкою цѣпью къ полу библіотеки; не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкинуть революцію и учредить конституціонные бюджеты.“

— „Слушаю!“ отвѣчалъ Визирь, кланяясь въ поясъ и съ благоговѣніемъ цѣлуя конецъ хвоста Сатаны.

Царь чертей сталъ копать въ бочкѣ, ища лучшихъ сухарей. Онъ взялъ Гернани, Исповѣдь, Петра Выжигина,

Notre-Dame de Paris, Рославлева, Шемякинъ Судъ, и кучу другихъ отличныхъ сочиненій; сложилъ ихъ ровно, помочилъ въ уриѣ, вбилъ себѣ въ ротъ, проглотилъ и запилъ дегтемъ. И надобно знать, что какъ скоро Сатана съѣстъ какую нибудь книгу, слава ея на землѣ вдругъ исчезаетъ, и люди забываютъ объ ея существованіи. Вотъ, почему столько плодовъ авторскаго генія, сначала пріобрѣтшихъ громкую извѣстность, впоследствии внезапно попадаютъ въ совершенное забвеніе: Сатана выкушалъ ихъ съ своимъ кофе!... О томъ нѣтъ ни слова ни въ одной Исторіи Словесности; однако жъ это вещь оффиціальная.

Повелитель ада съѣлъ такимъ образомъ въ одинъ завтракъ Словесность нашу за цѣлый годъ: у него тогда былъ чертовскій апетитъ. Кушая свой кофе, онъ бросалъ безпечный взоръ на залу и на присутствующихъ. Что-то такое беспокоило его зрѣніе: онъ чувствовалъ въ глазахъ неприятную рѣзь. Вдругъ, посмотрѣвъ вверхъ, онъ увидалъ въ потолкѣ расщелину, чрезъ которую пробивались послѣдніе лучи заходящаго на землѣ солнца. Онъ тотчасъ угадалъ причину боли глазъ своихъ, и вскричалъ: „Гдѣ Архитекторъ? .. Гдѣ Архитекторъ? Позовите ко мнѣ этого вора.“

Длинный, блѣдный, сухощавый проклятый пробился сквозь толпу, и предсталъ предъ Его Нечистой Силой. Онъ назывался Донъ-Діего-да-Буфало. При жизни своей строилъ онъ соборную церковь въ Саламанкѣ, изъ которой укралъ ровно три стѣны, увѣривъ казенную Юнту, имѣвшую надзоръ надъ этою постройкою, что заготовленный кирпичъ растаялъ отъ непрерывныхъ дождей и испарился отъ солнца. За сей славный зодческій подвигъ онъ былъ назначенъ, по смерти, придворнымъ Архитекторомъ Сатаны. Въ аду мѣста даются только истинно достойнымъ.

— „Мошенникъ!“ воскликнулъ Сатана гнѣвно (онъ всегда такъ восклицаетъ, разсуждая съ своими чиновниками): всякій день подаешь мнѣ длинные счета издержкамъ, будто употребленнымъ на починку моихъ чертоговъ, а между тѣмъ, куда ни взгляну, повсюду пропасть дыръ и расщелинъ? “

— „Старыя зданія, Ваша Мрачность!“ отвѣчалъ проклятый, кланяясь и безстыдно улыбаясь. „Старыя зданія...., ежедневно болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Эта расщелина произошла отъ послѣдняго землетрясенія. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь представлять Вашей Нечистой Силѣ, чтобъ было позволено мнѣ сломать весь этотъ адъ и выстроить вамъ новый, въ нынѣшнемъ вкусѣ.“

— „Не хочу!“ закричалъ Сатана: „не хочу! Ты имѣешь въ предметъ обокрасть меня при этомъ случаѣ, потому выстроить себѣ гдѣ-нибудь адишко изъ моего матеріалу подъ именемъ твоей племянницы, и жить маленькимъ сатанюю. Не хочу! По моему, этотъ адъ еще весьма хорошъ: очень жарокъ и темень, какъ нельзя лучше. Сдѣлай мнѣ только плащъ и смѣту для починки потолка.“

— „Планъ и смета уже сдѣланы. Вотъ они. Извольте видѣть: надобно будетъ поставить двѣ тысячи колоннъ въ Готическомъ вкусѣ: теперь Готическія колонны въ большой модѣ; сдѣлать Греческій фронтонъ въ видѣ трехъ-угольной шляпы: безъ этого не лзя жь!..; перемѣнить архитраву; большую дверь задѣлать въ этой стѣнѣ, а пробить другую въ противоположной; переложить полъ; стѣны украсить каріатидами; сломать старый дворецъ, для открытія проспекта со стороны Тартара; построить два новые флигеля, и лопнувшее въ потолкѣ мѣсто замазать алебастромъ, — тогда солнце отнюдь не будетъ беспокоить Вашей Мрачности.“

— „Какъ? что?..“ воскликнулъ Сатана въ изумленіи. „Всѣ эти постройки и перестройки по поводу одной дыры?“

— „Да, Ваша Мрачность! Точно, по поводу одной дыры. Архитектура предписываетъ намъ, задѣлывая одну дыру, немедленно пробивать другую, для симметріи.“

— „Послушай, плутъ! перестань обманывать меня! Въдь я тебѣ не членъ Испанской Строительной Юнты.“

Проклятый поклонился въ землю, плутовски улыбаясь.

— „Велю замять тебя съ глиною и передѣлать на кирпичъ, для починки печей въ гееннѣ.“ —

Онъ опять улыбнулся и поклонился.

— „Да и любопытно мнѣ знать, сколько все это стоило бъ по твоимъ предположеніямъ?“

— „Бездѣлицу, Ваша Мрачность. При должной бережливости, производя эти починки хозяйственнымъ образомъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса; онъ обойдутся только въ 9,987,408,558,777,900,009,675,999 червонцевъ, 99 штиверовъ и 49½ центовъ. Дешевле никто вамъ не починитъ этого потолка.“ —

Сатана сморщился, призадумался, почесалъ голову и сказалъ: — „Нѣтъ денегъ! Теперь время трудное, холерное.“ —

— Онъ протянулъ руку къ бочкѣ: всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ. Онъ вытащилъ изъ нея двѣ толстыя книги: *Умозрительную Физику В* и курсъ Умозрительной Философіи Шеллинга*; раскрылъ ихъ, рассмотрѣлъ, опять закрылъ, и вдругъ швырнулъ ими въ лобъ Архитектору, сказавъ: „На! возьми эти двѣ книги и заклеи ими расщелину въ потолкѣ: чрезъ эти умозрѣнія никакой свѣтъ не пробьется.“ —

Метко брошенныя книги пролетѣли сквозъ пустую голову тѣни бывшаго Архитектора, точно такъ же, какъ пролетаетъ полный курсъ Университетскаго ученія сквозъ порожня головы иныхъ *барикей*, — не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда, — и упали позади его на полъ. Архитекторъ улыбнулся, поклонился, поднялъ глубокомудрыя сочиненія, и пошелъ заклеивать ими потолокъ.

Нѣмецкій студентъ, приговоренный въ Майнцѣ къ аду за участіе въ Союзѣ Добродѣтели, шеинулъ *** ову, извѣстному любителю Канта, Окена, Шеллинга, магнетизма и пѣннику:

— „Этотъ скряга, Сатана, точно такъ судитъ о Философіи и умозрительности, какъ *** ой о древней Россійской Исторіи.“

— „Неудивительно!..“ отвѣчалъ *** овъ съ презрѣніемъ. „Онъ врагъ всякому движенію умственному...“

— „Что?“ вскричалъ сердито Сатана, который вездѣ имѣетъ своихъ лазутчиковъ, и все слышитъ и видитъ: „что такое вы сказали? Еще смѣете разсуждать! . Подите ко мнѣ шуты! Научу я васъ дѣлать свои замѣчанія въ моемъ аду!“

Черти, смотрящіе за порядкомъ въ залѣ, привели къ нему дерзкихъ питомцевъ Любомудрія. Сатана схватилъ одного изъ нихъ за волосы, поднялъ на воздухъ, подулъ ему въ носъ, и сказалъ: „Поди, шалунъ, въ геенну чихать два раза всякую секунду въ продолженіе 3333 лѣтъ; а ты, отчаянный Философъ,“ примолвилъ онъ, обращаясь къ *** ову: „сиди подлѣ него и приговаривай: Желая вамъ здравствовать! Подите прочь, дураки!“

Засимъ обратился онъ къ Визирю своему, Вельзевуу, и спросилъ о дневной очереди. Визирь отвѣчалъ, что въ тотъ вечеръ должны были докладывать ему Оберъ-Предсѣдатель мятежей и революцій, Первый Лордъ Діаволь Журналистики, Великій Чертъ Словесности и Главноуправляющій супружескими дѣлами.

Баронъ Брамбеусъ.

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

ГЛАВА I.

Была Джума*)

Близъ Буйнаковъ, обширнаго селенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, Татарская молодежь съѣхалась на скачку и джигестовку, т. е. на ристанье, со всѣми опытами удалства. Буйнаки лежатъ въ два уступа на крутомъ обрывѣ горы. Влѣво отъ дороги, ведущей изъ Дербента къ Таркамъ, возвышается надъ ними гребень Кавказа, оперенный лѣсомъ; вправо, берегъ, понижаясь непримѣтно, раскидывается лугомъ, на который плещетъ вѣчно ропотное, какъ само человѣчество,

*) Джума соотвѣтствуетъ нашей недѣлѣ, т. е. воскресенью.

Каспійское море. Вешній день клонился къ вечеру и всѣ жители, вызванные, свѣжестью воздуха, еще болѣе чѣмъ любопытствомъ, покидали сакли свои и толпами собирались по обѣимъ сторонамъ дороги. Женщины безъ покрываль, въ цвѣтныхъ платкахъ, свернутыхъ чалмою на головѣ, въ длинныхъ шелковыхъ сорочкахъ, стянутыхъ короткими архалухами (тюника) и въ широкихъ туманахъ*), садились рядами, между тѣмъ, какъ вереницы ребятъ рѣзвились передъ ними. Мужчины, собравшись въ кружки, стоя или сидя на колѣняхъ или по-двое и по-трое, прохаживались медленно кругомъ; старики курили табакъ изъ маленькихъ деревянныхъ трубокъ; веселый говоръ разносился кругомъ и порой возвышался надъ нимъ звонъ подковъ и крикъ: *кагъ, кагъ!* (посторонись) отъ всадниковъ, приготовляющихся къ скачку.

Дагестанская природа прелестна въ маѣ мѣсяцѣ. Миндальныя розы обливаютъ утесы румянцемъ своимъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодовъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями, какъ винтомъ, то возникая стройными столпами, кажутся Мусульманскими минаретами. Широкоплечіе дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ, индѣ, между тѣмъ какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ. Игривыя стада барановъ, испещренныхъ розовыми пятнами; буйволы, упрямо погружающіе въ болотѣ при фонтанахъ, или по цѣлымъ часамъ лѣнливо бодающіе другъ друга рогами; да тамъ и сямъ по горѣ статные кони, которые, разбросавъ на вѣтеръ гриву, гордой рысью бѣгаютъ по холмамъ — вотъ рамы каждаго Мусульманскаго селенія. Можно себѣ вообразить, что въ день этой джумы, окрестности Буйнаковъ еще болѣе оживлены были живописною пестротой народа. Солнце лило свое золото на мрачныя стѣны саклей съ плоскими кровлями, и облекая ихъ въ разнообразныя тѣни, придавало имъ пріятную наружность. Вдали, тянулись въ гору, скрипучія арбы, мелькая между могильными камнями кладбища. Предъ ними несли всадникъ, взвѣвая пыль по дорогѣ Горный хребетъ и безграничное море придавали всей картинѣ величіе, вся природа дышала теплою жизнію.

— Ыдетъ, Ыдетъ! раздалось изъ толпы — и всѣ зашевелились.

Всадники, которые доселѣ разговаривали съ знакомыми, ступивъ на землю, или нестройно разѣзжали въ полѣ. вскочили на коней и понеслись на встрѣчу поѣзда, спускающа-

*) Хотя въ существѣ нѣтъ никакой разницы между мужскими шаль-варамъ и женскими туманами (панталонами), но для мужчины будетъ обидно, если вы скажете, что онъ носитъ туманы и на оборотъ.

госа съ горы: то былъ Аммалать-Бекъ, племянникъ Тарковского шамхала*) со своею свитою. Онъ былъ одѣтъ въ черную Персидскую чуху, обложенную галунами; висячіе рукава закидывались за плеча. Турецкая шаль обвивала подъ исподомъ надѣтый архалухъ изъ букетовой термаламы. Красныя шальвары скрывались въ верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолеть его блистали серебромъ и золотою насѣчкою. Ручка сабли осыпана была дорогими камнями. Сей владѣтель Тарковъ былъ высокій, статный юноша, открытаго лица; черныя *зильфляры* (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки легкіе усы отъяли верхнюю губу. Очи сверкали гордою привѣтливостію. Онъ сидѣлъ на червонномъ конѣ, и тотъ крутился подъ нимъ, какъ вихорь. Противъ обыкновенія, не было на конѣ Персидскаго, круглаго, расшитаго шелками чепрака, но легкое Черкесское сѣдло съ серебромъ подъ чернедью, съ расписанными потѣбнями, и со стремянами чернаго Хорасанскаго булата подъ золотою насѣчкою. Двадцать нукеровъ**) на лихихъ скакунахъ, въ чухахъ, блестящихъ галунами, сдвинувъ шапки на бекрень, скакали, избочась, сзади. Народъ почтительно вставалъ передъ своимъ бекомъ и склонялся, прижимая правую руку къ правому кобѣну. Ропотъ и шопотъ одобренія разливался вслѣдъ ему между женщицъ.

Подѣхавъ къ южному концу ристалища, Аммалать остановился. Почетные люди, старики, опираясь на палки, и старшины Буйнаковъ обстали его кругомъ, стараясь вызвать на себя привѣтливое слово бека, но Аммалать ни на кого не обращалъ особеннаго вниманія и съ холодною учтивостію отвѣчалъ односложными словами на лести и поклоны своихъ подручниковъ. Онъ махнулъ рукой: это былъ знакъ начинать скачку.

Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись человекъ двадцать самыхъ чорячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, гарцуя, перегоняя другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу и вдругъ сдерживали коней, то вновь пускали ихъ во всю прыть съ мѣста. Послѣ этого всѣ взяли небольшія палки, называемыя джиридами, и начали на скаку метать въ слѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ на лету, то подхватывая съ земли. Пыле падали долой изъ сѣдла отъ сильныхъ ударовъ, и тогда раздавался громкій смѣхъ зрителей побѣжденному, громкіе клики привѣта побѣдителю;

*) Первые шамхалы были родственники и наѣстники халифовъ Дамаскихъ. Послѣдній шамхаль умеръ, возвращаясь изъ Россіи, и съ нимъ кончилось это бесполезное достоинство. Сынъ его, Сулейманъ-Паша, владѣть наслѣдствомъ просто, какъ частнымъ имѣніемъ.

**) Нукеръ, общее имя для прислужниковъ; по собственно это то же самое, что у древнихъ Шотландцевъ *Penchman* (прибодренникъ). Онъ всегда и вездѣ находится при господнѣ, служить ему за столомъ, рѣжетъ и рветъ руками жаркое, и такъ далѣе.

иногда кони спотыкались и всадники не рѣдко падали черезъ голову, выброшенные двойною силою короткихъ стремень. Затѣмъ началась стрѣльба.

Аммалатъ-Бекъ все это время стоялъ поодаль, любуясь. Нукеры его, одинъ по одному, вмѣшивались въ толпу джигитующихъ, такъ что подъ конецъ при немъ осталось только двое. Сначала онъ стоялъ неподвиженъ, и равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ подобіе Азіятской битвы, но мало по малу участіе стало разыгрываться въ немъ сильнѣе и сильнѣе. Онъ уже съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на удалцевъ — сталъ ободрять ихъ голосомъ и движеніемъ руки, вставать выше на стремянахъ и наконецъ набѣдническая кровь закипѣла въ немъ, когда любимый его нукеръ не попалъ на всемъ скаку, въ брошенную передъ нимъ шапку; онъ выхватилъ у своего оруженосца ружье и стрѣлой полетѣлъ впередъ, увиваясь между стрѣлками.

— Раздайся, раздайся! послышалось кругомъ, и всѣ какъ дождь разсыпались по сторонамъ, давъ мѣсто Аммалатъ-Беку.

На разстояніи одной версты стояло десять шестовъ съ повѣшанными на нихъ шапками. Аммалатъ проскакалъ въ одинъ конецъ, крутя ружье надъ головою; но едва миновалъ крайній столбъ смѣлымъ поворотомъ, онъ всталъ на стремянахъ, приложился назадъ — пафъ; — и шапка упала на земь; не умѣряя бѣга, онъ зарядилъ ружье, съ брошенными поводями — сбилъ шапку съ другаго, съ шретьяго — и такъ со всѣхъ десяти. Говоръ похвалъ раздался со всѣхъ сторонъ, но Аммалатъ, не останавливаясь, бросилъ ружье въ руку нукера, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, и выстрѣломъ изъ него отбилъ подкову съ задней ноги своего скакуна; подкова взвилась и, свистя, упала далеко назадъ; тогда онъ снова подхватилъ заряженное нукеромъ ружье, и велѣлъ ему скакать передъ собою.

Быстрѣ мысли понеслись оба.

На полдорогѣ нукеръ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и высоко взбросилъ его на воздухъ; Аммалатъ приложился вверхъ, не ожидая паденія, но въ то же самое мгновеніе конь его споткнулся со всѣхъ четырехъ ногъ, и, бороздя пылъ мордюю, покатился впередъ съ размаха. Всѣ ахнули — но ловкій всадникъ, стоявшій стоймя на стремянахъ, не тряхнувшись, не подался впередъ, какъ будто не слышалъ паденія — выстрѣлъ сверкнулъ, и вслѣдъ за выстрѣломъ серебряный рубль улетѣлъ далеко въ народъ. Толпа заревѣла отъ удовольствія. — Игидъ! игидъ (удалецъ) — Алла, Валлага! Но Аммалатъ-Бекъ скромно отбѣхалъ въ сторону, сошелъ съ коня, и бросивъ поводъ въ руки джигадара, т. е. конюшаго, велѣлъ сей же часъ подковать коня.

Скачка и стрѣльба продолжались.

Въ это время подѣхалъ къ Аммалату эмджекъ его*),

*) Эмджекъ — грудной, молочный братъ; отъ слова: эмджекъ — сосецъ.

Сафиръ - Али, сынъ одного изъ небогатыхъ бековъ Буйнакскихъ, молодой человекъ, пріятной наружности и простаго, веселаго нрава. Онъ выросъ вмѣстѣ съ Аммалатомъ, и потому очень коротко обходился съ нимъ. Онъ спрыгнулъ съ коня, и кивнувъ головою, сказалъ :

— Нукеръ Меметь - Расуль измучилъ твоего старика безгриваго жеребца*), заставляя его скакать черезъ ровъ, шириною шаговъ семи.

— И онъ не прыгаетъ? вскричалъ нетерпѣливый Аммалатъ. Сей часъ, сей же мигъ привести его ко мнѣ!

Онъ встрѣтилъ коня на подорогѣ; не вступая въ стремя, вспрыгнулъ въ сѣдло и полетѣлъ къ утесистой рывтинѣ — доскававъ, стиснулъ копыта: но усталый конь, не надѣясь на свои силы, вдругъ повернулъ на право, на самомъ краю, и Аммалатъ долженъ былъ сдѣлать еще кругъ.

Во второй разъ конь, подстрекаемый плетью, взвился на дыбы, чтобы перепрыгнуть черезъ ровъ — но замаялся, зартачился и уперся передними ногами.

Аммалатъ вспыхнулъ.

Напрасно упрасивалъ его Сафиръ Али, чтобы онъ не мучилъ бѣгуна, утратившаго въ бояхъ и разбѣдахъ упругость членовъ — Аммалатъ не внималъ ничему и понуждалъ его крикомъ, ударами обнаженной сабли, и въ третій разъ подскакавъ онъ къ рывтинѣ, и когда въ третій разъ сталъ съ размаха старый конь, не смѣя прыгать — онъ такъ сильно ударилъ его рукоятію сабли въ голову, что конь грянулся на земь бездыханемъ.

— Такъ вотъ награда за вѣрную службу! сказалъ Сафиръ-Али, съ сожалѣніемъ глядя на издохшаго бѣгуна.

— Вотъ награда за ослушанье! — возразилъ Аммалатъ, сверкая очами.

Видя гнѣвъ бека, всѣ умолкли и отстранились. Всадники джигитовали.

И вдругъ загремѣли Русскіе барабаны, и штыки Русскихъ солдатъ засверкали изъ-за холма. То была рота Куринскаго пѣхотнаго полка, отправленная изъ отряда, ходившаго тогда въ Акушу, возмущенную Шихъ-Али-Ханомъ, изгнаннымъ владѣтелемъ Дербента. Рота сія должна была конвоировать обозъ съ продовольствіемъ изъ Дербента, куда и шла горною дорогою. Ротный командиръ, капитанъ и съ нимъ одинъ офицеръ, ѣхали впереди. Не доходя до ристалища, ударили отбой, и рота стала, сбросила ранцы и составила въ козлы ружья, расположась на привалъ, но не разводя огней.

У Кавказскихъ народовъ это родство священіе природнаго; за своего эмджека каждый положить голову. Матери стараются заранѣ связать такимъ узломъ надежныя семьи. Мальчика приносятъ къ чужой матери, та кормитъ его грудью — и обрядъ конченъ — и неразрывное братство начато.

*) Славная въ Персіи порода Трухменскихъ лошадей, называемая «текек».

Прибытіе Русскаго отряда не могло быть новостью для Дагестанцевъ въ 1819 году; но оно и до сихъ поръ не дѣлаетъ имъ удовольствія. Изувѣрство заставляетъ ихъ смотрѣть на Русскихъ какъ на вѣчныхъ враговъ — но враговъ сильныхъ, умныхъ и потому вредить имъ рѣшаются они не иначе, какъ въ тайнѣ, скрывая неприязнь подъ личиною доброхотства.

Ропотъ разлился въ народѣ при появленіи Русскихъ; женщины окольными тропинками потянулись въ селеніе, не упуская однако жъ случая взглянуть украдкою на пришлецовъ. Мужчины, напротивъ, поглядывали на нихъ искоса, черезъ плечи, и стали сходитья кучками, разумѣется, потолковать, какимъ бы средствомъ отдѣлаться отъ постоя, отъ подводъ, и тому подобнаго. Множество зѣвакъ и мальчишекъ окружили однако Русскихъ, отдыхающихъ на травкѣ. Нѣсколько кекхудовъ (старостъ) и чаушей (десятниковъ), назначенныхъ Русскимъ правительствомъ, поспѣшили къ капитану, и снявъ шапки послѣ обычныхъ привѣтовъ: *хоиъ гялды* (милости просимъ), и *ахшимусень, тазамусень сенъ-немамусень* (какъ живешь, можешь), добрались и до неизбѣжнаго при встрѣчѣ съ Азіятцами вопроса: что новаго? *на хаберъ?*

Новаго у меня только то, что конь мой расковался, и отъ того бѣдняга захромалъ, отвѣчалъ имъ капитанъ довольно чисто по Татарски. Да вотъ кстати и кузнецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ широкоплечему Татарину, который опиливалъ уже коныто вновь подкованнаго Аммалатова бѣгуна. Кунакъ — подкуй мнѣ коня! . подковы есть готовыя — стоитъ брякнуть молоткомъ, и дѣло кончено въ минуту!

Кузнецъ, у котораго лицо загорѣло отъ горна и отъ солнца, угрюмо взглянулъ на капитана изъ подлобья, поправилъ широкій усъ, падающій на давно не бритую бороду, которая бы щетинами своими сдѣлала честь любому борову, подвинулъ на головѣ аракинъ (ермолку) и хладнокровно продолжалъ укладывать въ мѣшокъ свои орудія.

— Понимаешь ли ты меня, волчье племя? сказалъ капитанъ.

— Очень понимаю! отвѣчалъ кузнецъ — тебѣ надобно подковать свою лошадь.

— И ты самъ долженъ подковать ее, отвѣчалъ капитанъ, замѣтя въ Татаринѣ охоту шутить словами.

— Сегодня праздникъ: я не стану работать.

— Я заплачу тебѣ за труды, что хочешь; но знай, что волей и неволей ты у меня сдѣлаешь, что я хочу.

— Прежде всѣхъ нашихъ идетъ воля Аллаха: а онъ не желѣлъ работать въ джуму. Довольно грѣшимъ мы изъ выгоды и въ простые дни такъ въ праздникъ не хочу я себѣ покупать за серебро уголья.

— Да вѣдь ты работалъ же сей часъ, упрямая башка?

Развѣ не равны кони? Притомъ же мой настоящій мусульманинъ. Взгляни-ка на тавро: кровный Карабахскій.

— Кони всѣ равны, да не равны тѣ, кто на нихъ ѣздить: Аммалатъ — Бекъ мой ага (господинъ).

— То есть, если бы ты вздумалъ отнекиваться, онъ бы велѣлъ обрѣзать тебѣ уши; а для меня ты не хочешь работать, въ надеждѣ, что я не смѣю сдѣлать того же? Хорошо, пріятель: я точно не обрѣжу тебѣ ушей, но знай, и вѣрь, что я въ твою православную спину вѣшлю двѣсти самыхъ горячихъ нагаекъ, если ты не перестанешь дурачиться. Слышалъ?

— Слышалъ — и все-таки буду отвѣчать по прежнему: не кую — потому что я добрый мусульманинъ.

— А я заставляю тебя ковать, потому что я добрый солдатъ. Когда ты работалъ для прихоти своего бека, ты будешь работать для необходимости Русскаго офицера — безъ этого я не могу выступить. Ефрейторы, сюда!!

Между тѣмъ кружокъ любопытныхъ около упрямаго кузнеца расширялся, подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Въ толпѣ иные уже ссорились за переднія мѣста, не зная, что смотрѣть бѣгутъ они, и наконецъ раздалось: — этого не надо, этому не бывать, сегодня праздникъ, сегодня грѣхъ работать! Нѣкоторые смѣльчаки, надѣясь на число, подвинули шапки на глаза, и держась за рукояти кинжаловъ, подлѣ самаго капитана стали кричать: — не куй, Алекперъ, не дѣлай ему ничего. . Вотъ тебѣ новости! Что намъ за пророки эти немытые Русскіе!

Капитанъ былъ отваженъ и зналъ очень коротко Азіятцевъ.

— Прочь, бездѣльники! закричалъ онъ гнѣвно, положивъ руку на ручку пистолета — молчать, или я первому, кто осмѣлится выпустить брань изъ-за зубовъ, запечатаю ротъ свинцовою печатью!

Это увѣщаніе, подкрѣпленное штыками нѣсколькихъ солдатъ, подѣйствовало мгновенно: кто былъ поробче — давай Богъ ноги; кто посмѣлѣе — прикусилъ языкъ. Самъ набожный кузнецъ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, поглядѣлъ на всѣ стороны, проворчалъ: нежелсимъ (что жъ мнѣ дѣлать?), засучилъ рукава, вытащилъ изъ мѣшка клещи и молотъ, и началъ подковывать Русскую лошадь, приговаривая сквозъ зубы: *Валла билла битлы эддымъ* (а это значутъ на ровнѣ съ Польскимъ: дали бугъ, не позволяемъ).

Надобно знать, что все это происходило за глазами Аммалата: онъ едва завидѣлъ Русскихъ, какъ избѣгая непріятной для себя встрѣчи, сѣлъ на новоподкованнаго коня и поскакалъ въ домъ свой, надъ Буйнаками стоящій.

Между тѣмъ, какъ это происходило на одномъ концѣ ристалища, ко фронту отдыхающей роты подѣхалъ всадникъ средняго роста, но атлетическаго сложенія: онъ былъ въ кольчугѣ, въ шлемѣ, въ полномъ боевомъ вооруженіи; за нимъ слѣдомъ тянулось пять пукеровъ. По запыленной ихъ

одеждѣ, по конямъ въ поту и пѣнѣ, видѣлось, что они совершили скорый и дальній переездъ. Первый всадникъ, разсматривая солдатъ, тихимъ шагомъ проѣзжалъ вдоль поставленныхъ въ козлы ружей — задѣлъ и опрокинулъ двѣ пирамиды. Нукеры, слѣдуя за господиномъ, вмѣсто того, чтобъ своротить въ сторону, дерзко топтали упавшее оружіе. Часовой, который еще издали кричалъ, чтобъ они не приближались, схватилъ подъ устцы коня панцерника, между тѣмъ какъ множество солдатъ, раздраженныхъ такимъ презрѣніемъ отъ мусульманъ, окружили поѣздъ съ бранью. Стой! кто ты? было восклицаніе и вмѣстѣ вопросъ часоваго.

— Ты видно рекрутъ, когда не узналъ Султанъ-Ахметъ-Хана Аварскаго*), хладнокровно отвѣчалъ панцерникъ, отрывая руку часоваго отъ поводьевъ. Кажется, въ прошломъ году я задавъ Русскимъ въ Башлахъ**) по себѣ славную поминку. Переведи ему это, сказалъ онъ одному изъ своихъ нукеровъ. Аварецъ повторилъ его слова по-Русски довольноно понятно.

— Это Ахметъ-Ханъ! Ахметъ-Ханъ! раздалось между солдатами. Лови его, держите его! Тащите его на расплату за Башлинское дѣло. Бездѣльники въ куски изрубили нашихъ раненыхъ!

— Прочь, грубіяны! вскричалъ султанъ Ахметъ-Ханъ по-Русски радовому, который снова схватилъ коня за узду. Я Русскій генералъ!

— Русскій измѣнникъ! зашумѣли множество голосовъ. Ведите его къ капитану, потащимъ его въ Дербентъ, къ полковнику Верховскому!

— Только въ адъ пойду я съ такими проводниками! сказалъ Ахметъ-Ханъ съ презрительною улыбкою, и въ то же мгновеніе поднялъ коня на дыбы, бросилъ его въово, вправо и вдругъ повернувъ на воздухъ кругомъ, ударилъ нагайкою, и былъ такъвъ. Нукеры не сводили глазъ съ хана и съ гикомъ кинулись за нимъ слѣдомъ, опрокинули нѣкоторыхъ солдатъ и открыли себѣ дорогу. Отскакавъ не болѣе, какъ шаговъ на сто, ханъ снова поѣхалъ шагомъ, не оглядываясь назадъ, не измѣняясь въ лицѣ, и хладнокровно поигрывая уздечкою. Толпа Татаръ, собравшихся около кузнеца, привлекла его вниманіе.

— Что у васъ за споры, пріятель? спросилъ у ближнихъ Ахметъ-Ханъ, сдерживая коня.

Всѣ съ уваженіемъ приложили руки ко лбу при поклонѣ, завидѣвъ хана.

*) Онъ былъ родной братъ Гассанъ-Хана-Джемутайскаго, а сдѣлался ханомъ Аварскимъ, желая на вдовѣ хана, единственной его наследницѣ.

**) Тогда отрядъ нашъ, состоявшій изъ 3000 человекъ, окруженъ былъ 60,000 Горцевъ. Тамъ былъ уцѣй Каракайдахскій, Аварцы, Акушшцы, Койсу-Булишцы и другіе. Русскіе пробились ночью — и съ уропомъ.

Тѣ, которые были поробче или посмирише, очень смутились отъ этой встрѣчи: того и гляди, попадешь въ бѣду отъ Русскихъ, зачѣмъ не взяли врага ихъ, или подъ месть хана, если ему не уважишь. За то всѣ головорѣзы, всѣ бездѣльники, и всѣ, которые съ досадою смотрѣли на владычество Русское, окружили его веселою толпою. Ему въ одинъ мигъ рассказали, въ чемъ дѣло.

— И вы какъ буйволы смотрите, когда вашего брата запрягаютъ въ ярмо, громко сказалъ ханъ окружающимъ: когда вамъ въ глаза смѣются надъ вашими обычаями, топчутъ подъ ноги вашу вѣру! и вы плачете, какъ старыя бабы, вмѣсто того, чтобы мстить, какъ прилично мужамъ! Труссы, труссы!

— Что мы сдѣлаемъ! возразили ему многіе голоса. У Русскихъ есть пушки! есть штыки!..

— А у васъ развѣ нѣтъ ружей, нѣтъ кинжаловъ? Не Русскіе страшны — а вы робки! Позоръ мусульманамъ — Дагестанская сабля дрожитъ передъ Русскою нагайкою. Вы боитесь пушечнаго грома, а не боитесь укоровъ. Ферманъ Русскаго пристава для васъ святѣе главы изъ курана. Сибирь пугаетъ васъ пуще ада. такъ ли поступали дѣды ваши, такъ ли думали отцы? Они не считали враговъ и не рассчитывали, выгодно или не выгодно сопротивляться насилію, а храбро бились и славно умирали. Да и чего бояться? Развѣ чугуныя у Русскихъ бока? Развѣ у нихъ пушскіе нѣтъ заду? Вѣдь скорпіоновъ ловятъ за хвостъ!!

Рѣчь эта возмутила толпу. Татарское самолюбіе было тронутو живо.

— Что смотрѣть на нихъ! что позволять имъ хозяйничать у насъ, будто въ своемъ карманѣ! слышалось ото всюду. Освободимъ кузнеца отъ работы, освободимъ! закричали всѣ и стѣснили кружокъ около Русскихъ солдатъ, посреди коихъ Алекперъ ковалъ капитанскую лошадь.

Смятеніе росло.

Довольный возбужденіемъ мятежа, Султанъ - Ахметъ - Ханъ не желалъ однако жъ замѣшиваться въ ничтожную схватку, и выѣхалъ изъ толпы, оставивъ тамъ двухъ пукоровъ для поддержанія духа запыливости между Татаръ, а съ двумя остальными быстро поскакалъ въ утахъ *) Ам-малата.

— Будь побѣдитель: сказалъ Султанъ - Ахметъ - Ханъ Аммалатъ - Беку, который встрѣтилъ его на порогѣ. Это обыкновенное на Черкесскомъ языкѣ прѣвѣтствіе, было

*) Домъ но - Татарски называется *сезъ*; *утахъ* значить палаты, а *сарай* вообще зданіе, *Гираль - Хане* — жейское отдѣленіе (отъ этого происходитъ Русское слово: хоромы). Въ смыслъ дворца употребляютъ иногда слово *игарать*. Русскіе все это смѣшиваютъ въ одно названіе *сакли*, что по - Черкесски значить домъ.

произнесено имъ съ такимъ значительнымъ видомъ, что Ам-малатъ, поцѣловавшись съ нимъ, спросилъ :

— Насмѣшка это, или предсказаніе, дорогой гость мой!

— Зависитъ отъ тебя, отвѣчалъ пришелецъ. Настоящему наследнику шамхальства *) стоитъ только вынуть изъ ноженъ саблю, чтобы .

— Чтобы никогда ее не вкладывать, ханъ? Незавидная участь : все таки лучше владѣть Буйнаками, нежели съ пустымъ титуломъ, прятаться въ горахъ, какъ шакалу.

— Какъ льву придать съ горъ, Аммалатъ, и во дворцѣ твоихъ предковъ опочить отъ славныхъ подвиговъ.

— Не лучше ль не пробуждаться отъ сна вовсе!

— Чтобы и во снѣ не видать, чѣмъ долженъ ты владѣть на яву? Русскіе не даромъ подчуютъ тебя макомъ и убавляютъ сказками, между тѣмъ какъ другой рветъ золотые цвѣты **) изъ твоего сада.

— Что могу я предпринять съ моими силами?

— Силы — въ душѣ, Аммалатъ! Осмѣйся, и все преклонится передъ тобою. Слышишь ли? примолвилъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ, когда раздались въ городѣ выстрѣлы : — это голосъ побѣды!

Сафиръ-Али вбѣжалъ въ комнату со встревоженнымъ лицомъ.

— Буйнаки возмущились, произнесъ онъ торопливо : толпа буйновъ осыпала роту и завѣла перестрѣлку изъ за камней

— Бездѣльники! вскричалъ Аммалатъ, взбрасывая на плечо ружье свое. Какъ смѣли они шумѣть безъ меня? Бѣги впередъ, Сафиръ-Али, грози моимъ именемъ, убей перваго ослушника!

— Я уже унималъ ихъ, возразилъ Сафиръ-Али : да меня никто не слушаетъ, потому что нукеры Султанъ-Ахметъ-Хана поджигаютъ ихъ, говорятъ, что онъ совѣтовалъ и велѣлъ бить Русскихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ мои нукеры это говорили? спросилъ ханъ.

— Не только говорили, да и примѣромъ ободряли, сказалъ Сафиръ Али.

— Въ такомъ случаѣ я очень ими доволенъ, молвилъ Султанъ-Ахметъ Ханъ — это по молодцки.

— Что ты сдѣлалъ, ханъ! вскричалъ съ огорченіемъ Аммалатъ.

— То, что бы тебѣ давно слѣдовало дѣлать!

*) Отецъ Аммалата былъ старшій въ семействѣ, и потому настоящій наследникъ шамхальства; но Русскіе, завладѣвъ Дагестаномъ и не надѣясь на его доброхотство, отдали власть меньшому брату.

**) Игра словъ, до которой Азіатцы большіе охотники : *козыль* - *гул-ляръ* собственно значить *розы*, но ханъ намекаетъ на *козыль* — червонецъ.

— Какъ оправдаюсь я передъ Русскими!!

— Свинцомъ и желѣзомъ Пальба загорѣлась — судьба за тебя работаетъ — сабли на голо — и пойдѣмъ искать Русскихъ!!

— Они здѣсь! возгласилъ капитанъ, который съ десятию человѣками пробился сквозь нестройные ряды Татаръ въ домъ владѣтеля.

Смущенъ неожиданнымъ бунтомъ, въ которомъ его могли счесть участникомъ, Аммалатъ привѣтливо встрѣтилъ разгнѣваннаго гостя.

— Приди на радость, сказалъ онъ ему по-Татарски.

— Не забочусь, на радость ли пришелъ я къ тебѣ, отвѣчалъ капитанъ: но знаю и испытываю, что меня встрѣчаютъ въ Буйнакахъ не по-дружески. Твои Татары, Аммалатъ-Бекъ, осмѣлились стрѣлять въ солдатъ моего, твоего, общаго нашего Царя.

— Въ самомъ дѣлѣ, это очень дурно, что они стрѣляли въ Русскихъ, сказалъ ханъ, презрительно разлегаясь на подушкахъ — когда имъ бы должно было убивать ихъ.

— Вотъ причина всему злу, Аммалатъ, сказалъ съ гнѣвомъ капитанъ, указывая на хана. Безъ этого дерзкаго мятежника ни одинъ курокъ не брякнулъ бы въ Буйнакахъ! Но хорошъ и ты, Аммалатъ-Бекъ. Зовешься другомъ Русскихъ и принимаешь врага ихъ, какъ гостя, укрываешь, какъ товарища, честишь, какъ друга. Аммалатъ Бекъ! именемъ главнокомандующаго требую: выдай его.

— Капитанъ! отвѣчалъ Аммалатъ: у насъ гость — святыня. Выдача его навлекла бы на мою душу грѣхъ, на голову позоръ неокупимый; уважьте мою просьбу, уважьте наши обычаи!

— Я скажу тебѣ въ свою очередь: вспомни Русскіе законы, вспомни долгъ свой; ты присягалъ Русскому Государю, а присяга велитъ не жалѣть роднаго, если онъ преступникъ.

— Скорѣе брата выдамъ, чѣмъ гостя, капитанъ! Не ваше дѣло судить, что и какъ обѣщаль я выполнять: въ моей винѣ мнѣ диванъ (судъ), Аллахъ и Падшахъ! Пускай въ полѣ бережетъ хана судьба, но за моимъ порогомъ, подъ моею кровлею, я обязанъ быть его защитникомъ — и буду имъ!

— И будешь въ отвѣтъ за этого измѣнника!

Ханъ безмолвно лежалъ во время этого спора, гордо пуская дымъ изъ трубки, но при словѣ: измѣнникъ, кровь его вспыхнула; онъ вскочилъ и съ негодованіемъ подбѣжалъ къ капитану.

— Измѣнникъ я, говоришь ты? сказалъ онъ. Скажи лучше, что я не хотѣлъ быть измѣнникомъ тѣмъ, кому обязанъ вѣрностію. Русскій Падшахъ далъ мнѣ чинъ, сардаръ ласкалъ меня — и я былъ вѣренъ, покуда отъ меня не потребовали невозможнаго или унижительнаго. И вдругъ за-

хотѣли, чтобъ я впустилъ въ Аварію войска, чтобы позволилъ выстроить тамъ крѣпости — но какого имени достоинъ бы я сталъ, если бъ продалъ кровь и потъ Аварцевъ — братьевъ моихъ! Да если бъ я покусился на это, то неужели думаете вы, что могъ бы это исполнить? Тысячи вольныхъ кинжаловъ и неподкупныхъ пуль устремились бы въ сердце предателя — самыя скалы рухнули бы на голову сына отцепродавца. Я отказался отъ дружбы Русскихъ, но еще не былъ врагомъ ихъ — и что жъ было наградой за мое доброжелательство, за добрые совѣты? Я былъ лично, кровно обиженъ письмомъ одного вашего генерала, когда предостерегалъ его. Ему дорого стоила въ Башлахъ дерзость.. рѣку крови пролилъ я за нѣсколько капель брачныхъ чернилъ, и эта рѣка дѣлитъ меня навѣчно съ вами.

— Эта кровь зоветъ мечь, вскричалъ капитанъ сердито — и ты не уйдешь отъ нея, разбойникъ!

— А ты отъ меня, возразилъ вспыльчивый ханъ, вонзая кинжалъ въ животъ капитана, когда тотъ занесъ руку, чтобы схватить его за ворота.

Тяжело раненный капитанъ, простонавъ, упалъ на коверъ.

— Ты погубилъ меня! произнесъ Аммалать, всплеснувъ руками: онъ Русскій и гость мой

— Есть обиды, которыхъ не покрываетъ кровля! возразилъ мрачно ханъ. Кости судьбы выпали; колебаться не время: запирай ворота, склчи своихъ и ударимъ на неприятелей.

— За часъ еще я не имѣлъ ихъ теперь нечѣмъ ихъ отражать У меня нѣтъ въ запасѣ ни пуль, ни пороху; люди въ разбродѣ..

— Народъ разбѣжался! въ отчаяніи вскричалъ Сафиръ-Али. Русскіе идутъ въ гору скорымъ шагомъ. Они ужъ близко!!

— Если такъ, то поѣзжай со мною, Аммалать! молвилъ ханъ. Я ѣхалъ въ Чечню, чтобы поднять ее на линіи Что будетъ, Богъ вѣсть, но и въ горахъ хлѣбъ есть! Согласенъ ты?

— Ёдемъ!... рѣшительно сказала Аммалать Теперь мнѣ одно спасеніе въ бѣгствѣ не время теперь ни спорить, ни укорить.

— Гей, коня, и шесть нукеровъ за мною!

— И я съ тобой, произнесъ со слезой въ окѣ Сафиръ-Али: съ тобой въ волю и въ неволю.

— Нѣтъ, добрый мой Сафиръ-Али, нѣтъ! Ты останешься здѣсь похозяйничать, чтобы свои и чужіе не растащили всего дома. Снеси отъ меня привѣтъ женѣ и проводи ее къ тестю, шамхалу. Незабудь меня — и до свиданья!

Едва успѣли они выскакать въ одни ворота, какъ Русскіе вторглись въ другіе.

— — — — —
— — — — —

ГЛАВА XII.

По утру, предъ выступленіемъ, дежурный по отряду капитанъ пришелъ къ полковнику В., съ рапортомъ и за новыми приказаніями. Послѣ обычнаго размѣна словъ по службѣ, онъ со встревоженнымъ видомъ сказалъ:

— Полковникъ! я обязанъ сообщить вамъ важную вещь. Вчерашній вѣстовой вашъ, рядовой моей роты, Хамитовъ, подслушалъ разговоръ Аммалата Бека съ его кормилицею въ Буйнакахъ. Онъ Казанскій Татаринъ и порядочно понимаетъ здѣшнее нарѣчіе. Сколько могъ онъ разобрать и разуслышать, старуха увѣряла его, что вы съ шамхаломъ собираетесь отправить его на каторгу. Аммалатъ бѣсился, бранился, говорилъ, что все это знаетъ отъ хана Аварскаго, и клялся погубить васъ своею рукою. Не довѣряя однако жъ своему слуху, вѣстовой не рѣшился ничего объявить, а сталъ присматривать за всѣми его шагами. Вчера ввечеру, говоритъ онъ, Аммалатъ разговаривалъ съ какимъ-то изда- лека прѣѣхавшимъ всадникомъ; на прощаньи сказалъ онъ: скажи хану, что завтра чуть встанетъ солнце, все будетъ кончено. Пусть готовится онъ самъ, я съ нимъ скоро уви- жусь!

— И только, г-нъ капитанъ? спросилъ В.

— Болѣе ничего не имѣю я сказать, но очень многое могу думать. Я измыкалъ свой вѣкъ между Татарами, и удостовѣрился, полковникъ, что безразсудно довѣряться самому лучшему изъ нихъ. Родной братъ не безопасенъ, отдыхая на рукѣ брата.

— Тому вина зависть, капитанъ: Каинъ передалъ ее въ вѣчное и потомственное владѣніе всѣмъ людямъ, но преимущественно сосѣдамъ Аарата. Намъ же съ Аммалатомъ нечего дѣлать; притомъ же я ничего не сдѣлалъ ему, кромѣ добра, ничего не хочу дѣлать, кромѣ благодѣяній. Будьте покойны, капитанъ: я очень вѣрю усердію вѣстоваго, но мало его знанію Татарскаго языка. Нѣсколько сходныхъ звуковъ ввели его въ заблужденіе; а ужъ разъ создалъ онъ въ умѣ умыселъ, все прочее казалось ему доказательствами. Право я не такой важный человѣкъ, чтобы ханы и беки дѣлали заговоръ на жизнь мою. Я очень хорошо знаю Ам- малата: онъ всыпчивъ, но добраго сердца, и не могъ бы двухъ часовъ потантъ злодѣйскаго умысла.

— Не ошибитесь, полковникъ! Аммалатъ все таки Азіятецъ, а это слово аттестатъ. Здѣсь, не какъ у насъ, здѣсь слово скрываетъ мысль, а лице душу. На инаго взгля- нешь, ну, кажется сама невинность, а попытайте имѣть съ нимъ дѣло: это бездна подлости, коварства и лютости!

— Вы имѣете полное право такъ думать, любезный капитанъ по опыту. Султанъ-Ахметъ-Ханъ далъ вамъ па- мятную поминку въ Буйнакахъ, въ домѣ Аммалата. Но я, я не имѣю никакого повода подозрѣвать въ чемъ либо ужас-

номъ Аммалата. Да и какую выгоду найдеть онъ убить меня? Во мнѣ всѣ его блага, всѣ надежды. Онъ сумасбродъ, но не сумасшедшій; при томъ же, какъ видите, солнце высоко, а я живъ и здоровъ. Сердечно благодарю васъ, капитанъ, за участіе, но прошу васъ: не сомнѣвайтесь въ Аммалатѣ, и видя, какъ цѣню я старую дружбу, будьте увѣрены, что я буду высоко цѣнить и новую. Прикажите бить подъемъ!

Капитанъ вышелъ, сомнительно качая головою. Барабаны загремѣли, и выстроенный въ боевой порядокъ отрядъ двинулся съ ночлега далѣе. Утро было свѣжо и ясно; путь вился по зеленымъ валамъ предгорій Кавказскихъ, гдѣ-и-гдѣ увѣнчаннымъ лѣсомъ или кустарникомъ. Строй былъ подобенъ стальному потоку, то катящемуся съ горъ, то востекающему на холмы. Туманы еще лежали въ долинахъ, и В., вѣзжая на вершины, каждый разъ оглядывался, чтобы полюбоваться чудною игрою зрѣнія. Спускался съ крутизны, строй точно будто тонулъ въ дымной рѣкѣ, подобно войску Фараона, и наконецъ съ глухимъ шумомъ вновь сверкали штыки изъ волнъ тумана; потомъ являлись головы, плеча, люди росли, выростали, взбѣгали на высь и снова окунывались въ туманы другого ущелія.

Аммалатъ ѣхалъ блѣденъ и угрюмъ, подлѣ самаго взвода застрѣльщиковъ. Казалось, онъ желалъ, чтобы грохотъ барабановъ заглушилъ въ немъ голосъ совѣсти. Полковникъ подозвалъ его къ себѣ и очень ласково сказалъ:

— Тебя надобно пожурить, Аммалатъ: черезъ-чуръ ты началъ слѣдовать урокамъ Гафиза. Вспомни, что вино хорошій слуга, но злой баринъ. Впрочемъ, головная боль и желчь, разлитая по твоему лицу, вѣрно подѣйствуетъ на тебя гораздо лучше словъ. Ты провелъ буйную ночь, Аммалатъ!

— Бурную, мучительную ночь, полковникъ! Дай Богъ, чтобы такая ночь была послѣдней! Мнѣ снились страшные сны!

— Ага, дружокъ! Вотъ каково преступать завѣтъ Магомета: правотѣрная совѣсть тебя мучила, какъ стѣня!

— Хорошо, у кого совѣсть спорить съ однимъ виномъ.

— Какова совѣсть, любезный! По несчастію, она такъ же подвержена предразсудкамъ, какъ и самъ разсудокъ. У каждого вѣка, у каждого народа была своя совѣсть, и голосъ вѣчной, неизмѣнной истины умолкалъ передъ самозванкою. Такъ было, такъ есть. Что вчера почиталъ нпой грѣхомъ смертнымъ, тому завтра молится; что считаютъ правымъ и славнымъ на этомъ берегу, за рѣчкой доводитъ до висѣлицы.

— Однако жъ, я думаю, лицемѣріе и измѣна никогда и нигдѣ не считались добродѣтелями.

— Не скажу и этого. Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, гдѣ лишь удача рѣшить, хороши или нѣтъ были средства

ся достигнуть, гдѣ люди самые совѣстные изобрѣли для себя очень покойное правило: что цѣль освящаетъ средства.

— Аммалатъ - Бекъ въ раздумьи повторилъ эти слова, потому что ихъ оправдывалъ. Ядъ эгоизма снова начиналъ въ немъ разбрызгиваться, и слова В., которые считалъ онъ коварствомъ, лились, какъ масло на влама.

— Лицемѣръ! — говорилъ онъ про себя: часъ твой близокъ!

И между тѣмъ В., какъ жертва, ничего неподозрѣвающая, ѣхалъ рядомъ съ своимъ палачемъ. Не доѣзжая версты восьми до Каякента, съ горы открылось передъ ними Каспійское море, и думы В. понеслись надъ нимъ, какъ лебедь. Зеркало вѣчности! произнесъ онъ, впадая въ мечтанія. Отъ чего не радуешь сегодня меня лице твое? Какъ прежде, на тебѣ играетъ солнце, словно Божья улыбка, и лоно твое также величаво дышитъ вѣчною жизнью, но это жизнь не здѣшняго міра! Ты кажешься мнѣ сегодня печальною степью: ни лодки, ни корабельнаго паруса, никакого признака бытія человѣческаго. Все пусто!!

— Да, Аммалатъ! примолвилъ онъ: мнѣ наскучило ваше, почти всегда сердитое, пустое море, вашъ край, населенный болѣзнями и людьми, которые хуже всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ; мнѣ наскучила самая война съ незримыми врагами, самая служба съ недружными товарищами. Этого мало, что мнѣ мѣшали въ дѣлѣ, портили, что я приказывалъ дѣлать во порочили то, что я думалъ дѣлать, и клеветали на сдѣланное. Вѣрой и правдой служилъ я Государю, безкорыстно отечеству и здѣшнему краю; отказался я, добровольный изгнанникъ, отъ всѣхъ удобствъ жизни, отъ всѣхъ радостей общества, осудилъ свой умъ на неподвижность, безъ книгъ; похоронилъ сердце въ одиночествѣ, безъ милой и что было мнѣ наградою? О, скоро ль настанетъ минута, когда я брошусь въ объятія моей невѣсты, когда я, усталый отъ службы, отдохну подъ сѣнью родной хижины на злечномъ берегу Днѣпра тогда, мирный селянинъ и нѣжный отецъ семейства, въ кругу родныхъ и добрыхъ крестьянъ моихъ, буду бояться только града небеснаго за жатву, сражаться только съ дикими звѣрами за стадо! Сердце ноетъ по этому часу! Отпускъ у меня въ карманѣ, отставка обѣщана такъ бы летомъ летѣлъ къ невѣстѣ. И черезъ пять дней я непременно буду въ Георгіевскѣ, а все кажется, будто пески Ливіи, будто ледяное море, будто цѣлая вѣчность могилы разлучаютъ насъ!

В. умолкъ; по щекамъ его катились слезы; конь его, почуявъ брошенные поводья, ускорилъ ходъ, и такимъ образомъ, вдвоемъ съ Аммалатомъ, они далеко опередили отрядъ... Казалось, сама судьба предавала полковника въ руки злодѣя.

Но жалость проникла въ душу неистоваго, виномъ пьющаго, Аммалата, подобно лучу солнечному, упавшему въ разбойничью пещеру. Онъ увидѣлъ тоску и слезы челоуѣка,

котораго столь долго считалъ другомъ своимъ, и поколебался. Нѣтъ, думалъ онъ самъ съ собою: до такой степени невозможно притворяться!..

Въ эту минуту В. очнулся, поднялъ голову, и сказалъ Аммалату: Приготовься; ты ѣдешь со мною!

Несчастныя слова! Все доброе, все благородное, возникшее вновь въ груди Азіятца, въ одинъ мигъ было подавлено ими: мысль о предательствѣ, о ссылкѣ, огненнымъ потокомъ протекла по всему его существу.

— Съ вами? возразилъ онъ съ злобною усмѣшкою, съ вами, въ Россію? О, безъ сомнѣнія, если вы сами поѣдете!

И въ порывѣ гнѣва онъ пустилъ въ скакъ коня своего, чтобы имѣть время справиться съ оружіемъ, и вдругъ обратился на встрѣчу полковнику, пронесся мимо и сталъ давать быстрые круги около него. Съ каждымъ скокомъ сильнѣй разгаралось въ немъ пламя бѣшенства. Ему казалось, что свистящій мимо ушей воздухъ жужжалъ ему: убей, убей! это врагъ твой! вспомни Селтанету. Онъ схватилъ изъ-за плеча мѣткое ружье свое, взвелъ курокъ, и ободряя себя крикомъ, поскакалъ съ кровожадною рѣшительностію къ обреченной жертвѣ.

Между тѣмъ В., не питая ни малѣйшаго подозрѣнія, спокойно смотрѣлъ на скачку Аммалата, воображая, что онъ, по напутному обычаю Азіятцевъ, хочетъ поджигитовать.

— Стрѣлай въ цѣль, Аммалатъ - Бекъ! закричалъ онъ несущемуся на него убійцѣ.

— Какая цѣль лучше груди врага! отвѣчалъ Аммалатъ-Бекъ, наскакивая, и въ десяти шагахъ спустилъ курокъ!... выстрѣлъ грянулъ и молча, медленно свалился полковникъ съ сѣдла. Испуганный конь его, вздувъ ноздри, ошестинивъ гриву, обнюхивалъ всадника, въ рукѣ котораго замерли доселѣ повелительные поводья, а конь Аммалата сталъ вдругъ предъ тѣломъ; упершись передними ногами. Аммалатъ соскочилъ съ него, и опершись на дымящееся ружье, нѣсколько мгновений пристально смотрѣлъ на лице убитаго, какъ будто желая доказать самому себѣ, что онъ не страшитъ этого неподвижнаго взора потухающихъ очей, этой холодящей крови. Трудно было узнать, невозможно передать того, что крутилось вихремъ въ груди его. Сафиръ-Али прискакалъ стремглавъ, и кинулся на колѣни подлѣ полковника. Приложилъ ухо къ устамъ его: не дышитъ! оцупалъ сердце: не бьется! Онъ мертвъ! произнесъ Сафиръ-Али отчаяннымъ голосомъ.

— Мертвъ? совсѣмъ мертвъ! Тѣмъ лучше мое счастье свершено! произнесъ Аммалатъ, будто пробуждаясь отъ сна.

— Для тебя счастье! для тебя, братоубійцы! Если ты найдешь его, свѣтъ станетъ молиться шайтану, вмѣсто Аалы!

— Сафиръ-Али! вспомни, что ты не судья мнѣ! грозно сказалъ Аммалать, ступая въ стремя. Слѣдуй за мною!

Пускай одно раскаяніе преслѣдуетъ тебя, какъ тѣнь; отнынѣ я не товарищъ твой!

Пронзенный до глубины души неожиданнымъ укоромъ отъ человѣка, съ которымъ связанъ былъ дружествомъ отъ младенчества, Аммалать не вымолвилъ слова, указавъ своимъ изумленнымъ нукерамъ на ущеліе, и, видя погоню, какъ стрѣла ринулся въ горы.

Тревога распространилась по фронту; передовые офицеры и Донскіе казаки кинулись на выстрѣлъ, но они поздно прискакали туда: они не могли ни воспрепятствовать злодѣйству, ни достигъ убѣгающаго злодѣя. Черезъ пять минутъ, окровавленный трупъ измѣнически убитаго полковника окруженъ былъ толпами солдатъ и офицеровъ. Печальныя, негодованіе, жалость были написаны на всѣхъ лицахъ. Гренадеры, опершись на штыки, плакали навзрыдъ; и нелѣстивыя слезы текли у нихъ градомъ по храбромъ, любимомъ начальникѣ.

ГЛАВА XIII.

Трои сутки скитался Аммалать по горамъ Дагестана. Какъ мусульманинъ, онъ и въ деревняхъ, покоренныхъ Русскому владычеству, между людьми, для коихъ воровство, разбой и бѣгство — доблесть, безопасенъ былъ отъ всякаго преслѣдованія, но могъ ли уйти отъ сознанія въ собственномъ преступленіи? Ни умъ, ни сердце его не оправдывали кроваваго поступка, и образъ падающаго съ коня В. неотступно возникалъ даже передъ закрытыми очами. Это еще болѣе ожесточало, раздражало его. Азіятецъ, совратясь однажды съ пути, быстро пробѣгаетъ поприще злодѣйства. Завѣтъ хана, чтобы не являться передъ него безъ головы В., запылъ въ ушахъ его. Не смѣя открыть такого намѣренія нукерамъ своимъ, еще менѣе надѣясь на ихъ отвагу, онъ рѣшился ѣхать къ Дербенту, одинъ одиноконекъ, цѣликомъ, черезъ горы и доли.

Глухая, темная ночь раскинула уже креповыя крылья свои надъ приморскими хребтами Кавказа, когда Аммалать переѣхалъ ущеліе, лежащее сзади крѣпости Нарынъ Кале, служащее цитаделью Дербенту. Онъ поднялся къ развалинамъ башни, замыкавшей некогда Кавказскую стѣну, поперекъ горъ тянувшуюся, и привязавъ коня своего у подножія того кургана, съ котораго Ермоловъ громилъ Дербентъ, бывши еще артиллерійскимъ поручикомъ. Зная, гдѣ хоронятъ чиновниковъ, онъ прямо вышелъ на верхнее Русское кладбище. Но какъ найти ему свѣжую могилу В. во тьмѣ ночи? Въ небѣ ли звѣздочки; облака налегли на горы; горный вѣтеръ, какъ ночная птица, хлопалъ по лѣсу крыльями; невольный трепетъ проникъ Аммалата посреди края

мертвецовъ, коихъ покой дерзалъ онъ нарушить. Прислушивается: море бушуетъ, напирая и отшибаясь отъ подводныхъ палтъ. Протяжное: *слушай!* часовыхъ, обтекало стѣны города, и въ слѣдъ за нимъ раздавался вой шакаловъ, и наконецъ все стихло, сливаясь съ шумомъ вѣтра. Сколько разъ, вмѣстѣ съ В., бодрствовалъ онъ въ подобныя ночи — и гдѣ теперь онъ? И кто низвергнулъ его въ могилу? И его убійца пришелъ теперь обезглавить трупъ недавняго друга, наругаться надъ его останками; какъ воръ гробоконный, пришелъ похитить достойнѣе могилы, спорить съ шакалами о добычѣ.

— Чувства человѣческія! произнесъ Амматъ, отирая холодный потъ съ чела: зачѣмъ посягаете вы сердце, которое отверглось человѣчества? Прочь, прочь! Мнѣ ль бояться отнять голову у мертвеца, у котораго похитилъ я жизнь! Ему это не потеря, а мнѣ сокровище! Прахъ безчувственъ!

Амматъ дрожащей рукою выскѣкъ огня, раздулъ его на сухомъ бурьянѣ, и пошелъ съ нимъ искать новой могилы. Рыхлая земля и большой крестъ указали ему послѣднее жилище полковника. Онъ выдернулъ крестъ и началъ разгребать имъ холмикъ; разбилъ еще неокрѣпый кирпичный сводъ, и наконецъ сорвалъ крышку съ гроба. Бурьянъ, вспыхивая, проливалъ неровный кровоспѣный блескъ на предметы. Склонясь надъ покойникомъ, убійца, блѣднѣе самого покойника, глядѣлъ на трупъ неподвижно. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ туда; голова его кружилась отъ запаха глѣнія; сердце въ немъ обратилось при видѣ кровавыхъ червей, которые вились уже изъ-подъ платья. Прервавъ свою страшную работу, они, испуганные свѣтомъ, распозлались, сбирались, прятались другъ подъ друга! Наконецъ, ожесточась, онъ нѣсколько разъ взмахивалъ книжаломъ, и всякій разъ немѣтная рука его падала мимо. Ни мсть, ни честолюбіе, ни любовь, словомъ: ни одна страсть, подвигшая его на убійство, не ободряли теперь на безыменное неистовство. Отворотивъ голову, въ какомъ-то забытѣи, сталъ онъ рубить В. по шеѣ... на пятомъ ударѣ, голова отдѣлилась отъ туловища. Съ отвращеніемъ бросилъ онъ ее въ приготовленный мѣшокъ и спѣшилъ вылѣзть изъ могилы. До сихъ поръ онъ еще побѣждалъ себя; но когда съ страшнымъ кладомъ своимъ карабкался вверхъ, когда камни съ шумомъ обрушились подъ его ногами, и онъ, осыпанный пескомъ, снова упалъ на трупъ В., присутствіе духа оставило святотатца: ему казалось, что пламя охватило его, что адскіе духи, плеща и хохоча, взвились окрестъ его. Съ тяжелымъ стономъ вырвался, выползъ онъ безъ памяти изъ душной могилы и бросился бѣжать, страхась оглянуться. Вскочивъ на коня, онъ погналъ его, не разбирая утѣсовъ и овраговъ, и каждый, цѣпляющійся за платье

кусть, казался ему рукою мертвеца, и каждый шелест вѣтки и стонъ шакала голосомъ дважды зарѣзаннаго друга.

Вездѣ, гдѣ ни проѣзжалъ Аммалатъ, встрѣчалъ онъ вооруженныя толпы Акушлинцевъ и Аварлы пріѣзжихъ Чеченцевъ и тайныхъ хищниковъ изъ Татарскихъ деревень, подвластныхъ Россіи. Всѣ они спѣшили на сборныя мѣста, ближе къ границѣ, между тѣмъ какъ беки, уздени и князьки съѣзжались въ Хунзахъ, для совѣта съ Султанъ - Ахметъ-Ханомъ, подъ предводительствомъ и приглашенію котораго собирались они ударить на Тарки. Время къ тому было самое благопріятное: хлѣбъ въ амбарахъ, сѣно въ стогахъ, и Русскіе, взявъ аманатовъ, въ совершенной безопасности расположились на зимнія стоянки. Вѣсть объ убійствѣ В. разлетѣлась по всѣмъ горамъ и весьма ободрила Горцевъ. Весело сходились они отовсюду: вездѣ слышались ихъ пѣсни о будущихъ битвахъ и добычахъ, а тотъ, за кого шли сражаться они, проѣзжалъ между ними, какъ бѣглець и преступникъ, скрывая лице отъ солнца, не смѣя взглянуть никому прямо въ глаза. Все, что случилось съ нимъ, все, что видѣлъ онъ, теперь представлялось ему будто въ удушливомъ снѣ ... онъ не смѣлъ сомнѣваться въ томъ, и не могъ вѣрить. На третій день къ вечеру доѣхалъ онъ до Хунзаха.

Трепеща отъ пестерѣнія, спрыгнулъ онъ съ коня, измученнаго бѣгомъ, и взявъ изъ тороковъ роковой мѣшокъ. Переднія комнаты были полны воинами. Наѣзники въ кольчугахъ расхаживали, или вдоль стѣнъ лежали на коврахъ, шокотомъ разговаривая между собою.... но повисшія брови ихъ, но угрюмыя лица доказывали, что въ Хунзахѣ получены вѣрно худыя вѣсти. Нукеры бѣгали взадъ и впередъ торопливо, и никто не спросилъ, никто не проводилъ Аммалата, никто не обратилъ на него вниманія. У самыхъ дверей спальни ханской сидѣлъ Сурхай-Ханъ-Джинка, т. е. побочный сынъ Султанъ - Ахмета, и горько плакалъ.

— Что это значитъ? съ безпокойствомъ спросилъ его Аммалатъ. Ты, у котораго и въ младенчествѣ не добивались слезъ, ты плачешь?

— Сурхай безмолвно указалъ на двери, и Аммалатъ съ недоумѣніемъ переступилъ за рѣшительный порогъ.

Сердце раздирающее зрѣлище представилось глазамъ пришедша. Посреди комнаты, на тюфакѣ, лежалъ ханъ, обезображенный быстрою болѣзнію. Незримая но уже неотразимая кончина носилась надъ нимъ, и погасающій взоръ встрѣчалъ ее съ ужасомъ. Грудь вздымалась высоко и потомъ тяжело опадала; дыханіе шипѣло въ гортани; жилы рукъ напрягались и снова исчезали; въ немъ совершалось послѣднее бореніе жизни съ разрушеніемъ.... пружина бытія уже лопнула, но колеса еще двигались неровнымъ ходомъ, задѣвая другъ за друга. Едва искры памяти мелькали въ немъ, какъ падающія звѣзды сквозь ночь, густѣющую надъ

душею, и отражались на мертвѣющемъ лицѣ. Жена и дочь рыдали на колѣнахъ у его ложа; старшій его сынъ, Нуцаль, въ безмолвномъ отчаяніи стоялъ въ ногахъ, склонивъ чело на сжатую руку. Нѣсколько женщинъ и нукеровъ плакали тихо поодаль.

Все это однако же не поразило, не образумило Аммалата, преисполненнаго одною мыслию. Онъ твердою поступью приблизился къ хану и громко сказалъ ему: здравствуй, ханъ! Я привезъ тебѣ подарокъ, отъ котораго бы оживился мертвецъ. Готовъ свадьбу: вотъ мой выкупъ за Селтанету! Вотъ голова В.! — Съ этимъ словомъ, онъ бросилъ ее къ ногамъ хана.

Знакомый голосъ пробудилъ на мигъ Султанъ - Ахмета отъ послѣдняго сна: онъ поднялся съ усиліемъ, чтобы взглянуть на подарокъ и трепеть волной пробѣжалъ по его тѣлу, когда онъ увидѣлъ мертвую голову.

— Пускай съѣстъ свое сердце тотъ, кто подкуетъ умирающаго такой ужасною яствою! произнесъ онъ едва внятно. Мнѣ надо помириться съ врагами, а не Ахъ, горю! дайте воды, воды... Зачѣмъ вы напоили меня горячею нефтью? Аммалатъ! я проклинаю тебя!

Усиліе истратило послѣднія капли жизни въ ханъ: онъ упалъ бездушнымъ трупомъ на изголовье. Ханша съ негодованіемъ смотрѣла на кровавый, неумѣстный подарокъ Аммалата; но когда увидѣла она, что это ускорило смерть ея мужа, вся тоска ея всыхнула огнемъ гнѣва. — Посоль ада! вскричала она, сверкая взоромъ. Любуйся: вотъ твои подвиги! Если бъ не ты, мужъ мой не задумалъ бы подымать на Русскихъ Аварлу и теперь здоровъ и покоенъ сидѣлъ бы дома; но для тебя, посѣщая узденей, онъ упалъ съ крутизны и слегъ въ постель и ты, кровопийца, вмѣсто того, чтобъ утѣшить больного кроткими словами, чтобы молитвою и милостыней помирить его съ Аллахомъ, принесть, какъ людоеду, мертвую голову, и чью голову? твоего благодѣтеля, защитника и друга!

— На то была воля хана! угрюмо возразилъ Аммалатъ.

— Не клевети на мертваго, не марай его памяти лишнею кровью! воскликнула ханша. Недовольный тѣмъ, что измѣнительски зарѣзалъ человѣка, ты съ его головою пріѣхалъ сватать дочь мою у смертнаго одра отца, и ты надѣялся получить награду отъ людей, заслуживъ мести отъ Бога? Безбожникъ, бездушникъ! Нѣтъ, гробомъ предковъ и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятемъ моимъ, знакомцемъ, гостемъ моимъ. Удались изъ моего дома, измѣнникъ! У меня есть сыновья, которыхъ можешь ты зарѣзать обнимая, у меня есть дочь, которую можешь ты зачаровать, отравить змѣиными своими взорами. Ступай скитаться въ ущельяхъ горъ, учи тигровъ терзать друга друга, и отбивай падалъ у волковъ. Ступай, и вѣдай, что дверь моя не отворяется для братоубійцы!

Аммалать стоялъ, какъ опаленный молніею.

Все, что роптала невинтно его совѣсть, высказано было ему вдругъ, и такъ неожиданно, такъ жестоко! Онъ не зналъ, куда дѣвать очи свои. Тамъ лежала голова В. съ обвинительною кровью; тамъ видѣлось укорительное чело хана съ печатью мучительной кончины; тамъ встрѣчалъ онъ грозныя очи ханши — лишь плачущія очи Селтанеты казались ему привѣтными звѣздочками сквозь дождевую тучу. Къ ней-то рѣшился приблизиться онъ, робко произнеся:

— Селтанета! для тебя совершилъ я то, за что тебя теряю... судьба хочетъ этого: да будетъ! Однако скажи мнѣ: не уже ли и ты разлюбила меня; уже ли и ты ненавидишь?

Знакомый, милый голосъ проникъ ея сердце. Селтанета подняла свои ресницы, блистающія слезами, свои глаза полные тоскою: но увидѣвъ страшное, кровью забрызганное лице Аммалата, закрыла опять ихъ рукою. Она указала перстомъ на трупъ отца, на голову В., и твердо сказала: прощай, Аммалать; я жалю тебя, но не могу быть твоею. — Сказавъ слова сии, она пала безъ чувствъ на тѣло отца.

Вся природная гордость, вмѣстѣ съ кровью прилила къ сердцу Аммалата. Духъ его вспыхнулъ негодованіемъ.

— Такъ то принимаютъ меня здѣсь; — молвилъ онъ, бросая презрительный взглядъ на обѣихъ женщинъ: Такъ-то исполняютъ здѣсь обѣты; я радъ, что глаза мои прояснѣли. Я былъ слишкомъ простъ, когда цѣнилъ переходчивую любовь вѣтренной дѣвушки, слишкомъ терпѣливъ, слушая бредни старой женщины. Вижу, что съ Султаномъ-Ахметъ-Ханомъ умерли здѣсь честь и гостепріимство. — Онъ вышелъ гордо.

Онъ дерзко заглядывалъ въ глаза узденей, сжавъ рукоять кинжала, какъ будто вызывая ихъ на бой. Всѣ однако жъ уступили ему дорогу, но, кажется, болѣе избѣгая его, чѣмъ уважая; никто не привѣтствовалъ его ни словомъ ни знакомъ. Онъ вышелъ во дворъ, кликнувъ нукеровъ своихъ, безмолвенъ сѣлъ въ сѣдло, и тихими шагами поѣхалъ по пустымъ улицамъ Хунзаха.

Съ дороги, въ послѣдній разъ оглянулся онъ на ханскій домъ, чернѣющій въ высотѣ и мракѣ, между тѣмъ какъ рѣшетчатая дверь блистала огнями. Сердце его обилилось кровью, оскорбленное самолюбіе вонзило въ него желѣзные когти свои, а напрасное злодѣяніе, и любовь, отнынѣ презрѣнная, безнадежная, пролили отраву на раны. Съ тоскою, съ гнѣвомъ, съ сожалѣніемъ бросилъ онъ прощальный взоръ на гаремъ, въ которомъ узналъ и потерялъ всѣ радости земныя. — И ты, и ты, Селтанета! — болѣе не могъ произнести онъ. Свинцовая гора лежала на груди; совѣсть его уже чувствовала страшную руку, на ней тяготящую; минувшее его ужасало, будущее приводило въ трепетъ. Куда приклонить онъ свою оцѣненную голову? Какая земля

упоконить кости измѣнника? Не о любви, не о дружбѣ, не о счастьи отнынѣ будетъ его забота, но о скудной жизни, о скитальческомъ хлѣбѣ. Аммалатъ хотѣлъ плакать: глаза его горѣли, и какъ богачъ, кипящій въ огнѣ, сердце его молило объ одной каплѣ, объ одной слезинкѣ: залить нестерпимую жажду: онъ силится плакать, и не могъ. Провидѣніе отказало въ этой отрадѣ злодѣямъ.

И куда скрылся убійца В.? Гдѣ влчилъ онъ свое жалкое бытіе? Никто навѣрно не зналъ этого. По Дагестану ходили слухи, что онъ скитался между Чеченцами и Койсубулинцами, утративъ красоту и здоровье, и даже самую отвагу; но кто жъ могъ сказать про то утвердительно? Мало по малу запала и молва объ Аммалатѣ, хотя злодѣйская измѣна его до сихъ поръ свѣжа на памяти Русскихъ и мусульманъ, обитателей Дагестана; до сихъ поръ имя его никакъ не произносится безъ укора.

А. Марлинскій.

ІОАННЪ АНТОНЪ ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Драматическая Фантазія.

(С м е р т ь Л е й з е в и ц а.)

ЭПИЛОГЪ.

Дѣйствіе происходитъ 10 Сентября 1806 года.

Явленіе первое.

Улица въ Брауншвейгѣ. Домъ Лейзевица. Балконъ съ навѣсомъ и лѣстницей на улицу. Вдали соборъ; улица усыпана соломой; множество пѣшеходцевъ.

Выходъ 1.

Прохожіе.

Первый.

Оцѣнили улицу; каретъ не пускаютъ

Второй.

Скоро, скоро по этой соломѣ пройдетъ печальная цѣпь разнородныхъ экипажей и весь Брауншвейгъ унесетъ эту солому на кладбище.

Первый.

А что? развѣ онъ такъ плохъ?

Второй.

„О какъ тяжело — вѣрить своему несчастію“ пишетъ Лейзевицъ; но въ наше печальное время повѣришь даже сказочнымъ бѣдствіямъ. У насъ отняли политическое существованіе; говорятъ, что герцогъ, нашъ добрый герцогъ будетъ удаленъ отъ престола; насъ включать въ число

подданных Вестфальскаго королевства, а король будетъ братъ завоевателя. — Я увѣренъ, что печаль о нашихъ бѣдствіяхъ сократила жизнь добраго Лейзевица; 54 года; что за старость!!

Первый.

А нѣтъ никакой надежды.

Второй.

Первые доктора, первые, лучшіе доктора. Призывали для счету Французовъ. Никакой надежды! Но въ домѣ еще никто не знаетъ, какъ близко онъ къ могилѣ!

Первый.

Это жаль! Президентъ всегда говорилъ о смерти съ такимъ спокойнымъ видомъ, съ такою теплою вѣрою; ему ли бояться смерти; я думаю, онъ искупилъ своею жизнію грѣхи отца, дѣда и прадѣда. А между тѣмъ онъ умереть безъ завѣщанія.

Второй.

Душеприкащики — близко; въ двѣ недѣли по мановенію не прошенныхъ опекуновъ мы можемъ всѣ умереть безъ завѣщаній; наше наслѣдство — надо готовить для контрибуцій; медвѣжья шапка Наполеоновскаго гренадера скоро будетъ торчать, какъ побѣдительное знамя надъ всею Германскою землею. Грѣшная мысль — но я желаю президенту скорѣйшей смерти; безбожная армія посмѣется надъ сыновнимъ вниманіемъ Брауншвейгцевъ къ благодѣтелю. — Но этой соломѣ повезутъ пушки противу его отчины; барабанный бой разбойничьихъ полковъ удержитъ душу отходящаго; тамъ, гдѣ трудами неимовѣрными, жертвуя состояніемъ и здоровьемъ, ему удалось воздвигнуть дворецъ для несчастныхъ и облегчить тысячу несправедливыхъ жребіевъ..... Видите ли вы это зданіе, знаете ли, что оно столица множества подобныхъ областей, дарованныхъ президентомъ нищѣ и несчастію! — Это гордость Брауншвейга — это наша слава, мы всѣ участвовали въ безпримѣрномъ подвигѣ..... И что жъ? Тамъ Французскіе солдаты будутъ торжествовать нашъ стыдъ — буйными отвратительными иѣсиями.... Опрости мнѣ, Господи, да не увидитъ онъ этихъ ужасовъ; пусть лучше несчастные, изгнанные изъ послѣдняго убѣжища, соберутся на могилу президента проклинать нечестивыхъ пришельцевъ; онъ не услышитъ ихъ жалобъ, а сердца страждущія облегчатся проклятіемъ.

Первый.

Г. Совѣтникъ! вы неосторожны! Вы знаете, Германія усыяна Французскими шпионами; Жиды, которыхъ теперь не отличишь ни по одеждѣ, ни по языку, продаютъ насъ тысячами; это новое ремесло; подобно раку, кромѣ верхушки, не видно ничего.

Второй.

Вы говорите о Лангѣ; но этотъ человѣкъ, кромѣ презрѣнія и наколсандровъ, не заслужилъ ничего. Кто послу-

шастъ подкупленнаго журналиста; онъ безвреденъ своимъ ничтожествомъ, но я знаю другаго писателя.

Третій.

Посмотрите нашъ добрый герцогъ выходитъ изъ кареты, идетъ сюда.

Выходъ 2.

Докторъ и Луиза, на балконѣ.

Луиза.

Можно, можно; солнышко на нашемъ балконѣ; воздухъ довольно теплый; господинъ докторъ на завѣситъ ли съ этой стороны; хотя вѣтръ очень слабъ.

Врачъ.

Не за чѣмъ! Это можетъ освѣжить больного, а простуды не лзя опасаться.

Выходъ 3.

Тѣ же и Лейзевицъ, его выносятъ на креслахъ.

Лейзевицъ.

Мои подножки.

Луиза.

Сейчасъ.

(На улицѣ глубокая тишина; всѣ снимаютъ шляпы; Лейзевицъ нѣсколько разъ кланяется; народъ окружаетъ балконъ.)

Лейзевицъ.

Любезный докторъ. Мои подножки.

(Двое слугъ тащатъ довольно большой сундукъ съ четырьмя мѣдными колесками вмѣсто ножекъ.)

Луиза.

Сейчасъ, мой другъ! Какъ ты нетерпѣливъ! Ихъ не легко перетаскивать съ мѣста на мѣсто. Ужасная тяжесть!...

Лейзевицъ.

Ты шутишь, Луиза, ты колко шутишь... Ты вѣрно знаешь! Любезный докторъ! Попросите дорожныхъ моихъ согражданъ покрыть головы. День осенній.

Луиза.

Это, мой другъ, для герцога?

Лейзевицъ, снимая колпакъ и стараясь встать.

А развѣ онъ здѣсь?...

Луиза.

Что ты дѣлаешь? Ты больной, у тебя есть приваллегии....

Лейзевицъ.

Но гдѣ же герцогъ?

Луиза.

Онъ идетъ сюда.

Лейзевицъ.

Какъ? Сюда?

Выходъ 4.

Тѣ же и Герцогъ.

Народъ.

Да здравствуетъ!

Герцогъ, показываетъ на балконъ и все умолкаетъ; тихо.

Я долженъ съ нимъ проститься; можетъ быть, мы не увидимся съ нимъ никогда.

Въ народѣ.

А съ нами, отецъ нашъ! Вы насъ хотите оставить... ..

Герцогъ.

Для вашей пользы! Дѣти мои, для вашей пользы! Если бы каждый изъ васъ могъ обратитъ въ бѣгство цѣлый полкъ Бонапарте, то и тогда мы бы не могли еще побѣдить его.

Богъ милостивъ! Власть незаконная не можетъ быть долговременна; и я твердо вѣрю, что мы увидимся и будемъ вмѣстѣ молиться о погибшихъ врагахъ Брауншвейга и Европы.... Слѣдуйте моимъ наставленіямъ; вамъ раздадутъ мое письмо, когда (показывая на Лейзевица) его не станетъ. Удержите ваши слезы. Наше положеніе не должно быть извѣстно Лейзевицу.

(Герцогъ входитъ на балконъ... .. Въ народѣ слышны стоны.)

Лейзевицъ, довольно бодро встаетъ, и снявъ копахи.

Ваша Свѣтлость! ...

Герцогъ, усаживая его въ кресла.

Поберегите себя ради Бога; — всѣ больные имѣютъ права высшія, а вы... .. (къ Луизѣ) позвольте, добрая Луиза, попросить какого нибудь стула. А вы (къ Лейзевицу) поправились! Цвѣтъ лица гораздо лучше. Глаза веселѣе.

Лейзевицъ.

Герцогъ! Не обманывайте и не обманывайтесь! Смерть уже здѣсь; если я доживу до вечера, то не усну, не совершивъ послѣдней обязанности; но что я, что моя жизнь? Дайте мнѣ вашу руку, дайте мнѣ поцѣловать вашу руку! Несчастный государь! У меня есть просьба, молитва. Возьмите съ собой моего Карла; вамъ нуженъ будетъ вѣрный слуга!

Герцогъ.

Какъ, развѣ онъ здѣсь?

Лейзевицъ.

Онъ придетъ сегодня ночью; легкая рана, пишетъ мой добрый Себастьянъ, позволяетъ ему оставить полкъ не безчестно и служить своему государю въ изгнаніи. О до чего мы дожили! (заливается слезами).

Герцогъ.

Кто вамъ сказалъ? Наши дѣла идутъ какъ не лъзя лучше. Бонапарте перемѣнилъ намѣреніе.

Лейзевицъ.

Герцогъ, герцогъ! Къ чему это? Не уже ли я могу вамъ повѣрить, я могу только благодарить васъ, государь, за намѣреніе скрыть отъ меня общее бѣдствіе. Я знаю все; если мнѣ не говорятъ о нашихъ несчастіяхъ, мнѣ рассказываетъ ихъ во снѣ ангелъ хранитель Германіи. Передъ смертію человѣкъ видитъ внутренними очами гораздо дальше

обыкновеннаго своего горизонта. Правда, это залогъ безсмертія души, но вмѣстѣ и явственная вѣсть о близкой разлукѣ съ землею.

Герцогъ.

Скажите лучше — обыкновенная мнительность больныхъ.

Лейзевицъ.

О государь! Какъ мнѣ благодарить васъ за это вниманіе; какъ будто вы мой семьянинъ; вы стараетесь скрывать отъ меня государственныхъ печали, какъ Луиза шалости дѣтей и хозяйственныхъ непріятности. Но это ваша воля и да святится воля моего государя. Не забудьте, герцогъ, вашего Лейзевица; онъ точно служилъ вамъ искренно, вѣрно — и даже не умѣлъ роптать на ваши несправедливости.

(Жена и докторъ поблѣднѣли.)

Герцогъ, грустно.

Да ихъ было не мало.

Лейзевицъ.

Напротивъ, герцогъ! Исторія не найдетъ ихъ: такъ они малочисленны и маловажны. Любовь и благословеніе народа пріобрѣтаются иногда обманомъ и хитростью; но я былъ близкимъ свидѣтелемъ вашей жизни и благословляю моего государя. Эти чувства иногда добываются изъ народа принужденіемъ; но въ минуты дѣйствительной опасности народъ откровененъ. (Бодро встаетъ съ мѣста). Посмотрите! Слезы вашихъ подданныхъ теперь не обо мнѣ.

Народъ.

Да здравствуетъ нашъ великій герцогъ! Да сохранить его Господь, да благословитъ его потомство.

Докторъ и Луиза, стараясь посадить Лейзевица на мѣсто.
Ради Бога!

Лейзевицъ.

Оставьте меня! Такъ герцогъ! Исторія и народъ вамъ благодарны. Но ваше собственное сердце хранить, можетъ быть, раскаяніе о случайныхъ событіяхъ, гдѣ вы увлеклись гордостью сана, соблазномъ власти, самонадѣянностію, излишнею довѣрчивостію къ людямъ, можетъ быть и достойнымъ, но страстнымъ! Когда минуетъ гроза; а она минуетъ скоро, небо не сдержитъ беззаконныхъ громовъ; — когда съ оливою вѣтвію войдете въ предѣлы вашихъ владѣній, не забудьте въ спальнѣ поставить статую справедливости, такъ чтобы она была первымъ предметомъ взоровъ вашихъ, когда сонъ отлетаетъ; она вамъ напомнитъ ежедневный долгъ государя и каждый день болѣе и болѣе будетъ уничтожать въ сердцѣ вашемъ прочія страсти, а эти страсти — вамъ не нужны. — О, простите меня, государь!

(Падаетъ на колѣна.)

Только справедливый можетъ сдѣлаться справедливымъ! Только великимъ правителямъ можно и должно гово-

рить правду. О простите меня, государь! Я достоинъ прощенія! Я умираю!

Врачъ.

Обморокъ! съ нимъ сдѣлся обморокъ!

(Сажаетъ его въ кресла.)

Лейзевицъ (приходя въ себя).

Холодно. Ужасно холодно.

Герцогъ.

Унесите его! Затопите каминъ? Вѣдь это не повредитъ, Г. докторъ.

Врачъ.

Ни мало!

Герцогъ, цѣлуя его въ чело со слезами.

Прости, мой вѣрный слуга и добрый другъ! Я исполню твой прекрасный совѣтъ (Лейзевица уноситъ). Простите, Луиза!

Луиза, упавъ на колѣни и обнимая ноги герцога.

Герцогъ! возьмите съ собой Карла! Моего Карла; послѣ отца, онъ не найдетъ лучшаго наставника.

Герцогъ.

Я жду его во второмъ часу ночи; проститесь съ нимъ; мы уѣдемъ въ Швецію.

(Слышится голосъ Лейзевица.)

Луиза мои подножки мои подножки.

(Луиза хочетъ поднять подножки, но не можетъ; герцогъ помогаетъ ей и они вдвоемъ уносятъ ихъ въ комнату.)

Явленіе второе.

Выходъ 1.

Гостиная. Въ каминѣ огонь. Кресла весьма близко подвинуты къ камину. Ноги Лейзевица на подножкахъ. Врачъ держитъ его за руку. Луиза, облокотясь на карнизъ камина, съ глубокою горестью смотритъ на мужа.

Докторъ.

Второй обморокъ сегодня. . . Это можетъ ускорить его кончину. Онъ заснулъ. Дыханіе тяжело. Дай Богъ до вечера.

Луиза.

И никакой надежды?

Врачъ.

Ни какой! Но меня удивляетъ *ваше* спокойствіе!...

Луиза.

Докторъ! я пріучила себя повиноваться необходимости. Мои слезы, мои вопли, все это во мнѣ. Но неужели безвременнымъ отчаяньемъ отнять у него лучшаго слугу, въ то время, когда онъ наиболѣе въ немъ нуждается.. Объ одномъ спрошу: — болѣзнь его угрожаетъ ли мучительною смертію?

Врачъ.

Не полагаю. Онъ слишкомъ слабъ. Дыханіе его лучше, пульсъ также, есть испарина. Онъ проснитъ съ пол-

часа... Вы простите, если я забѣгу на одно мгновеніе къ другой умирающей. Она живетъ черезъ улицу.

Луиза.

Кто это?

Врачъ.

Одна прѣзжая, графиня Мальвицъ.

Луиза.

Графиня Мальвицъ?!

Лейзевицъ, просыпаясь.

Графиня Мальвицъ? Такъ она за мужемъ?

(Луиза дѣлаетъ рукой знакъ молчанія).

Это вѣсть о моей смерти. Одна мысль какъ то тревожила предсмертную исповѣдь. Теперь я спокоенъ. Онъ не обманулъ ея, онъ женился. Господинъ докторъ! Вы произнесли ея имя? Или ты, Луиза?

Луиза.

Господинъ докторъ.

Лейзевицъ, приподнимаясь.

Такъ она здѣсь? Давно ли? Что же не навѣститъ насъ? Вы знакомы съ ней? Скажите, что и я и жена моя весьма бы желали съ нею повидаться. Не правда ли, Луиза?

Луиза.

Именно я о томъ же просила нашего добраго друга; онъ собирался итти къ ней; она также не совсѣмъ здорова и господинъ докторъ.

Лейзевицъ.

Ахъ, поспѣшите, мой почтенный другъ; мнѣ слава Богу легче; я обожду васъ; не говорите ей, что я умираю; мнѣ теперь такъ хорошо; я имѣю нужду прожить нѣсколько лишнихъ дней. И отъ чего она не хотѣла зайти къ намъ!

Врачъ.

Она прѣехала — больная.

Луиза, перебивая его рѣчь.

И хотя больнъ ея совершенно пустая, но выходить изъ дому господинъ докторъ запретилъ. Идите же, идите! Вы знаете, какъ горько больному цѣлый день не видѣть своего доктора.

Лейзевицъ.

О! Это мучительно.. Спѣшите. Спѣшите и не возвращайтесь, пока ей не будетъ легче.

Луиза.

Вотъ ваша шляпа.. (тихо врачу). Но приходите поскорѣе и помните, что во всякомъ случаѣ она себя чувствуетъ лучше.

Выходъ 2.

Лейзевицъ и Луиза.

Лейзевицъ.

Ущель?

Луиза.

Ушелъ, слава Богу! Ну, что мой другъ, каково тебѣ... Не жарко ли?

Лейзевицъ.

Нѣтъ. Мнѣ очень хорошо, особенно послѣ ея свадьбы... Признаюсь, меня безпокоили нынѣшніе нравы... Богъ все устроилъ къ лучшему.

Но, Луиза! Пора проститься. — Садись поближе... Ну, другъ мой, славно мы прожили! Мы не разлучались ни разу, даже на гулянья ѣздили вмѣстѣ; мирно, тихо, безъ шуму, безъ роскоши, безъ недостатка; — не правда ли, свадьба наша какъ будто была вчера? Зачѣмъ мы умираемъ въ очередь? Ты теперь останешься одна, поскучаешь годъ, два; выйдешь за-мужъ, такъ, безъ любви, отъ скуки.

Луиза.

Другъ мой! Если Богу угодно отнять тебя у насъ, то и я попрошусь у него за тобой и онъ меня услышитъ. Карлъ выросъ, уѣдетъ съ герцогомъ, что мнѣ въ этомъ свѣтъ? Жена и дѣти замѣнятъ ему родителей; я пережила все и смерть для меня столь же прекрасна, какъ и протекшая жизнь. Но разговоръ нашъ страшенъ. Мы разсуждаемъ, когда можетъ быть Господь назначалъ намъ дряхлую старость.

Лейзевицъ.

Нѣтъ! Я умираю сегодня. Желалъ бы умереть скорѣе, чтобы Французы не помѣшали моимъ похоронамъ. Ахъ, да! я написалъ письмо къ Наполеону.

(Вынимаетъ письмо и ключи.)

Онъ отнимаетъ царства, но умѣетъ уважать людей, которые приносятъ пользу отечеству и не препятствуютъ его замысламъ. — Отдай ему это письмо. Онъ доступенъ. Я написалъ къ нему такъ, что ему стыдно будетъ отказать въ покровительствѣ вдовѣ Лейзевица.

Луиза, бросая письмо въ огонь.

Я, дочь оскорбленной Германіи?! Я жена твоя Лейзевицъ и напоминать объ этомъ никому не стану. Всякая несправедливость мнѣ въ честь — а это письмо не достойно Германца.

Лейзевицъ.

Тамъ не было ни похвалы ни лести.

Луиза.

Все равно. Писать къ Наполеону о покровительствѣ бѣдной женщинѣ — значитъ поклоняться его беззаконному могуществу.. Но письмо сгорѣло. Разговоръ нашъ конченъ. — Скажи мнѣ лучше, какіе это ключи?

Лейзевицъ.

Вотъ этотъ, побольше, отъ моихъ подножекъ, Отвори! (Луиза отворяетъ.) На каждомъ ключѣ виситъ ярлычекъ съ номеромъ! такіе же номера на футралахъ. Оттирай!

Луиза, отпирая футраль.

Отперла!

Лейзевицъ.

Тамъ есть бумага, бросай въ огонь! (Луиза медлитъ) Луиза!
Повинуйся!

Луиза.

Но можетъ быть.

Лейзевицъ.

Луиза! Письмо къ Наполеону было невиннѣе этихъ созданий страсти и большого воображенія... Они были нужны, необходимы, пока я жилъ. . . Теперь я безъ упрека предъ потомствомъ, съ прекрасной и заслуженной славой и наше ния не умретъ въ Германской землѣ. Жги эти памятники моихъ сомнѣній, страстей, пороковъ; это клеветники! Я былъ лучше моихъ сочиненій, и талантъ мой никогда не могъ меня выразить вполнѣ и въ правдѣ. Бросай ихъ въ огонь скорѣе, мы догоримъ вмѣстѣ. Луиза, именень матери твоей, заклиная моимъ благословеніемъ. (Луиза бросаетъ все въ огонь.) Вотъ такъ!... Безъ сожалѣнія! Изъ всѣхъ, изъ всѣхъ! Простите! Я любилъ ихъ, Луиза, какъ тебя, но мы соединимся; ты придешь въ мою обитель, а ихъ растерзали бы зависть и невѣжество! Чистѣйшія думы уединенія обратились бы въ обвинительные акты уголовного процесса. Кто бы сталъ защищать меня? Тѣ, которые умѣютъ чувствовать, а не писать, и говорить. И добрую память Лейзевица. Сгорѣли!

(Начинаетъ забываться.)

Какъ пусто въ этомъ мірѣ? Луиза, гдѣ мы?

(Встаетъ и роется въ футралахъ.)

Ихъ унесли? Они улетѣли?

(протягивая руки къ небу.)

Вотъ они, прекрасныя тѣни, клубятся легкими облаками...

(упадаетъ въ кресла.)

Луиза, Луиза.

(прижимаясь къ сея устамъ)

Благодарю за счастье. Скажи графинѣ Мальвицъ..

(Уста его опѣхали; голова поникла на грудь Луизы; Луиза, стараясь привести его въ чувство.)

Луиза.

Что же сказать графинѣ Мальвицъ.

Лейзевицъ.

Прости, моя Луиза (умираетъ).

Выходъ 3.

Тѣ же и Врачъ.

Луиза, припавъ къ мужу.

Онъ совершенно охладѣлъ, будто ледъ, будто умеръ.
Другъ мой, что же сказать графинѣ Мальвицъ?

Врачъ, подходя къ Луизѣ, шопотомъ.

Она умерла!

Н. Кукольникъ.

ПИСЬМО КЪ ДОКТОРУ ЕРМАНУ *).

Не говорилъ ли я вамъ, докторъ любезности, не только философін, что первое письмо мое получите вы, можетъ быть, съ другаго полушарія! Бьюсь объ закладъ: не угадаете, не заглянувъ на подпись, откуда приспѣло это посланіе, истыканное какъ Русская сайка и за тридцать шаговъ пахнущее адомъ! Признаюсь, самъ не подозрѣвалъ я, чтобы изъ Якутска, гдѣ съ вами видѣлся, такъ быстро перелетѣлъ на берега Каспія. Но то ли бываетъ съ человѣкомъ? Едва поздняя весна на гусиныхъ крыльяхъ потянулась къ полюсу, я понесся на встрѣчу лѣта къ югу... но вы, господа ученые, любите хронологическій порядокъ, и я возвращаюсь на слѣды минувшаго, еще горячіе на моей памяти.

Красавицы Богоспасаемаго города Якутска очень на васъ сердились, что вы уѣхали оттуда передъ самымъ Свѣтымъ Воскресеньемъ, въ которое могли бы ихъ облобызать на обѣ щеки, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Если бы вы знали, сколько лицъ, раскрашенныхъ самыми яркими шелками, остались неподаренными, вы сами покраснѣли бы, какъ Христовское личко, отъ раскаянія. И вправду, это было жестоко! Пускай бы не склониться на просьбы пріятелей: а то бѣжать предпочтенныхъ старушекъ, которыя собрались уже высовывать передъ вами языки, чтобы посовѣтоваться о разныхъ своихъ недугахъ (добрыя души никакъ не могли понять, что не всякой докторъ — лекаръ), и молоденькихъ дамъ, которыя надѣялись повертѣться съ вами въ вальсъ. Хороши вы, г-да путешественники! Всѣ ваши связи сотканы изъ паутины. Между тѣмъ какъ новые друзья обоого пола, съ слезами на глазахъ провожаютъ васъ въ дорогу, вы молодецки прыгаете на коня, посылаете имъ поцѣлуй рукою, закуриваете трубку, можетъ быть, розовою бумажкою, и кричите: пошелъ! Поминки о встрѣчахъ бываютъ только тогда, какъ придется переписывать на бѣло напутный журналъ.

Но вы уѣхали: вамъ же хуже. Въмѣсто того, чтобы влачиться по дурному зимнику, на быкахъ, на оленяхъ, на собакахъ, Богъ знаетъ на чемъ, весной вы бы въ десять дней перемчались до Охотска на коняхъ, и все еще поспѣли бы туда ранѣ прихода Камчатскихъ судовъ. Въ слѣдъ за нами уѣхалъ лейтенантъ Дуэ въ Оленскъ, для психологиче-

*) Докторъ Ерманъ, Прусскій подданный, извѣстный своею ученостію въ мѣрѣ точныхъ наукъ, путешествовалъ по Сибири для наблюденія надъ силою (intensité) магнетизма земли, что входило въ общій планъ путешествій знаменитаго Гумбольдта, Норвежскаго профессора Гавстена и лейтенанта Дуэ. — Оригиналъ сего письма писанъ по-Французски. Для прочихъ читателей, сочинитель счелъ нужнымъ прибавить поясненія, безъ чего многія вещи могли бы показаться загадками.

скаго изслѣдованія о прихотяхъ магнитной стрѣлки, и я остался одинъ одинехонекъ: скучать по утрамъ, созерцая на стеклахъ Якутскую морозную флору, звѣять по вечерамъ, переципывая Гете, да набожно поглядывать на барометръ, по вашему завѣту, три раза въ день. Получили ли вы мою метеорологическую таблицу, для сравненія высоты мѣстъ? Я по крайней мѣрѣ послалъ ее своевременно. Къ чему, думалъ я тогда, не подвелъ человекъ итоговъ? Ко всему, кромѣ самаго себя. Вы, ученые, умѣете взвѣсить каждую планету, каждый невидимый газъ, измѣрить дыханіе океана, вычислить миганіе и мерцаніе (nutation et aberration) звѣздъ... Все это хорошо и прекрасно: но умѣете ль вы опредѣлить съ вѣроятностію измѣненіе вкусовъ, наклонностей страстей людскихъ? Рѣзвая, летучая ртуть, представитель непостоянства воздушнаго; желаю знать: какое вещество могло бы усилить за измѣнами воли и прихотей? Если бъ возможно было найти этого указателя, передъ нимъ ртуть была бы неподвижность, неколебимость. Впрочемъ, любезный докторъ, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и смѣю увѣрить, что сердечный барометръ мой неуклонимо стоитъ на точкѣ яснаго къ вамъ уваженія.

Между тѣмъ, какъ вы, водрузивъ свой секстанъ на гольцахъ Алданскаго хребта, какъ орелъ глядѣли въ очи солнцу, или, по словамъ Якутовъ, слѣдили по блѣдному свѣрному небу звѣзду, бѣглянку съ Европейскаго горизонта, я думалъ: гдѣ то нашъ милый докторъ? живъ ли? здоровъ ли? Перебиралъ, что должно, что могло, даже что не могло съ вами случиться. Потягиваясь на пуховикѣ, я мечталъ: онъ, бѣдняга, теперь лежитъ свернувшись на медвѣжьей шкурѣ, напудренный инеемъ; садясь за добрыя щи, которыя вы такъ полюбили, невольно вспоминалъ о вяленой говядинѣ, этомъ миломъ Якутянамъ плодѣ, прозябающемъ у нихъ на кровляхъ *), плодѣ, который необходимо долженъ былъ составлять напутную вашу масляницу **), и наконецъ, печально поглядывая на рюмку, которой не съ кѣмъ было чокнуть, я, пожимаясь, воображалъ о винѣ въ видѣ пряника ***). Потомъ я представлялъ васъ сидящимъ на прозанческомъ, песчаномъ берегу Охотскаго моря, за повѣркою своей знаменитой теоріи о замерзаніи воды, или въ романтическомъ раздумьѣ, любуясь играющими вдали китами, единственными

*) Мясо, расплащенное, вывѣшиваютъ на шестахъ по крышкамъ домовъ, чтобы оно вывѣтривалось и вымерзало. Якутскіе жители такіе страстные до него охотники, что въ лучшихъ домахъ подаютъ гостямъ кусочки онаго на тарелкѣ, между прочимъ десертомъ, и я не разъ былъ наказанъ за лакомство, принявъ сухое мясо за пастулу.

**) *Carne - vale* (т. е. прощай мясо), игра словъ, отъ чего произошло карнавалъ.

***). Въ Колымѣ даже водку продаютъ обыкновенно на вѣсѣ, замороженною въ ледъ; при поѣздкѣ моей зимою по Ленѣ, самый ромъ густѣлъ, исполненный морозными иглами.

позвоночными животными, которые сохранили свою допотопную простоту. И наконец, сдвинувъ байдару *) своего воображенія на воду, слѣдилъ ваше бурное плаваніе по Тихому океану, котораго титулъ, какъ всѣ титулы въ свѣтѣ, вовсе не по шерсти дѣйствительнымъ качествамъ; слѣдилъ ваши прогулки по островамъ полипамъ, по островамъ коралламъ, по островамъ, обитаемымъ невинностію и крысами, и потомъ по матеріку Нового свѣта, такъ далеко опередившаго нашего старика въ просвѣщеніи.

Скажите, удалось ли вамъ совершить объѣздъ кругомъ Карскаго моря, по прибрежнымъ скаламъ черезъ Гижигу, или въ байдарахъ черезъ заливы, какъ вы предполагали? Если да, это обогатитъ ваше занимательное путешествіе еще занимательнѣйшими страницами. Путешественникъ — философъ въ каждомъ цвѣткѣ срываетъ воспоминаніе, въ каждомъ огромномъ деревѣ узнаетъ свидѣтеля древности подножія, на которомъ оно произросло, и въ каждомъ валунѣ читаетъ букву этой divina comedia, которую зовемъ мы свѣтъ, этой романтической поэмы, у которой нѣтъ ни начала, ни конца. Путешественникъ — просто — бабочка, уносимая вѣтромъ; путешественникъ-физиологъ — шелковый червячекъ, влекущій за собой нить Аріадны: изъ этихъ-то нитей точется великолѣпная ткань премудрости человѣческой.

Но, такъ или этакъ прибыли вы въ Камчатку — тѣмъ не менѣе наблюдали вы, конечно, полуоттаявшее человѣчество въ Якутахъ, въ Корякахъ, Чукчахъ, Камчадалахъ, Алеутахъ, этихъ болѣе по роду жизни, чѣмъ по собственнымъ ихъ преданіямъ, потомкахъ рыбьихъ **), конечно созерцали дѣвственные красоты природы, незабрызганныя чернилами, пласты утесовъ, коимъ не касался еще молотокъ Геолога, и горящіе вулканы, въ которыхъ не утонулъ еще ни одинъ естествоиспытатель — все предметы достойные вашего изученія и общаго любопытства. Безъ сомнѣнія, допрашивали вы жерло Камчатской сопки о сердечныхъ тайнахъ исполинскаго орѣха, на которомъ живемъ, едва зная скорлупу его. Не присутствовали ли вы, какъ новый Фаустъ, на шабашѣ (Walpurgis-Nacht) вѣдѣмъ, оборотней и Шамановъ Камчатскихъ, столь знаменитыхъ въ демонологіи Сибирской? Говорятъ, они слезаются надъ вулканомъ, варить на адскомъ его огнѣ чародѣйственные зелья и коптить змѣй въ сѣрномъ дыму. Да то ли рассказывали мнѣ жители Якутска о чудесахъ и удалствѣ, о приворотяхъ и порчахъ Колымскихъ

*) Ладья, у которой остовъ сдѣланъ изъ прутьевъ, а обшивка изъ кожи.

**) У Камчадаловъ и Алеутовъ есть мнѣ, что, они происходятъ по прямой линіи отъ кита; со всѣмъ тѣмъ, удачная поимка его у нихъ праздникъ. Они вѣрятъ, что праотецъ ихъ нарочно дается своимъ потомкамъ, и кушаютъ его, прихваливая за доброту. Мудрено ли, впрочемъ, что Алеуты ѣдятъ предковъ, когда набожные Египтяне ѣли своихъ боговъ?

и Камчатскихъ волшебницъ! Отъ одного воспоминанія у меня становятся дыбомъ усы. Можно ли не вѣрить словамъ людей состоятельныхъ и классныхъ — свидѣтелей, неотвергаемыхъ ни въ какомъ судѣ. Сначала (что таить грѣхъ) я было дерзнулъ кое въ чемъ усомниться; но когда меня чуть-чуть не разжаловали въ безбожники за то, что не вѣрилъ въ чорта, я отступился отъ своего, какъ они говорили, непроученаго бѣсами разума.

Впрочемъ, любезнѣйшій докторъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ объявить, что не на одного меня пала эта участь. Когда Якутскіе мудрецы дознались, что вы невѣжда въ хиромантіи, и роетесь въ небѣ, не могли предсказать объ урожаѣ брусники, о конскомъ падежѣ, ни даже о преставленіи свѣта; когда вы признались, что не умѣете лечить отъ старости и отъ слезу, а что хуже всего, когда они убѣдились, что вы едва ли читали Брюсовъ календарь, который замѣняетъ имъ всѣ кораны, романы и исторіи — почти всѣ головы закахались отъ сомнѣній, и ученость ваша была опрокинута. Вотъ ломкость славы! ..

Черезъ мѣсяцъ возвратился Дуэ, и съ нимъ я, уже не скучая, провелъ остальное время въ Якутскѣ, въ прогулкахъ, за книгой, за листами вмѣстѣ. Между нами не было размолвокъ, если не включать туда небольшихъ вспышекъ, за то, что по обыкновенной своей разсѣянности, я иногда заставлялъ магнитную стрѣлку танцевать съ собой матлотъ — вспышекъ, которыя называлъ я магнитными бурями*). Кстати о магнитныхъ буряхъ, почтенный докторъ! Дуэ, водворившись на вашей квартирѣ, нечаянно открылъ вину частыхъ рѣзвостей, замѣченныхъ вами въ компасѣ и приписываемыхъ причинамъ отдаленнымъ, или таинственнымъ движеніямъ внутри земли. Это былъ желѣзный запоръ ставня, который, качаясь при сильномъ вѣтрѣ, двигалъ стрѣлку, чувствительную, какъ модная дама. Не мое дѣло рѣшать: вѣрно ли это замѣчаніе, но едва ли не должно будетъ вамъ вычеркнуть изъ списка бурь половину испытанныхъ въ Якутскѣ. Устранивъ все металлическое отъ стрѣлки, потерпѣвшей вліянія желѣза, какъ Англійскій Парламентъ, Дуэ, бывало, съ утра до вечера корпѣлъ надъ нею, замѣчая ежечасное (*horaire*) ея склоненіе — и точно, однимъ Сѣвернымъ жителямъ предлежало пояснить магнитную силу. Пускай вѣтренные Французы изобрѣли воздухоплаваніе, а увѣсистые Англичане законъ тяготѣнія; стальное сердце сыновъ Сѣвера невольно влечется къ нему любовью — и вотъ явилась наука о страстяхъ компаса. Только на бѣду магнетизма,

*) Знаменитый Гумбольдтъ приписываетъ сильное и неправильное колебаніе (*affolemens*) магнитной стрѣлки, замѣчаемое безъ видимыхъ причинъ — наиболѣе сѣверному сіянію, дѣйствующему на ужасное разстояніе. Это-то колебаніе называлъ онъ *orages magnétiques*. Это еще проблема.

молодому наблюдателю прислали тогда портретъ его невѣсты, на который онъ чуть не заставилъ меня молиться. Бывало онъ самъ, какъ магнитная стрѣлка, колеблется между двумя полюсами, то есть магнитическимъ приборомъ и очеркомъ любезной. Вы общими силами открыли два магнитныхъ меридіана *); онъ одинъ нашелъ третій, и этотъ третій проходитъ черезъ Христіанію, черезъ кровлю дома, въ которомъ живетъ его невѣста. Прекрасная душа! Сколько разъ я былъ согрѣтъ его восторженными мечтами о туманной, утесистой родинѣ, о свиданіи съ родными, о счастьи въ супружествѣ. Блаженъ, кто такъ горячо вѣруеть надеждѣ! Когда-то и я гонялся за этой бабочкой, не видя камня преткновенія, брошеннаго подъ ноги рукою судьбы — но не о томъ дѣло. Я не успѣлъ дослушать млага путешественника въ его разказахъ объ огнедышащихъ горахъ, находящихся на одномъ изъ отроговъ Саянскихъ горъ, между Оленскомъ и Туруханскомъ **); долгъ звалъ меня за тридевять земель, и ждать его въ попутье было некогда. Лена разлилась необыкновенно глубоко. Она затопила всѣ бичевники, а хватъ верхомъ съ цѣлою кунстъ-камерою не было ему возможности; притомъ же нныя шкурки черныхъ зайцевъ, бѣлыхъ лисицъ и бѣлокъ, и прочихъ выроdkовъ приполюсныхъ, собранныхъ имъ для кабинета е. в. короля Шведскаго, не были еще выдѣланы; пришлось разстаться не-хотя. Я выпилъ съ нимъ стремянную чару, и поскакалъ къ Иркутску.

Путешествіе мое было не очень сантиментально, за то очень живописно. Вы ничего не видали, не видѣвъ Лены весною; это прелесть! За каждой излучиной новая картина, новое очарованіе! Вообразите разливъ водъ, которому въ пору Гомеровское выраженіе: потокъ океанъ, высоко унершійся въ утесы и отражающій лѣсистыя вершины ихъ въ своемъ зеркалѣ. И все дико, и все тихо. Не голосъ чело-вѣка, одинъ рокотъ грома смущалъ тамъ порой сокъ полу-пробудившагося творенія. И какъ величава гроза надъ этимъ краемъ! Молнія, то расшибалась о черепъ скалъ, то жарь-птицей купалась въ кипящихъ, мутныхъ валахъ. Кедръ падали, какъ тростникъ подъ тяжкимъ полетомъ тучъ, и возмущенный боръ плескался и вылъ, какъ море. Но за то какъ мирно, какъ радостно выходило утро на крыльцо горъ, сылая рубины съ крыльевъ своихъ. Облака еще дремали,

*) Весьма важное для мореплаванія открытіе сіе состоитъ въ томъ, что магнитныхъ полюсовъ не два, а четыре, отчего и существуютъ двѣ линіи, на коихъ стрѣлка не уклоняется ни въ какую сторону. Направленіе сихъ линій, такъ сказать, только что подозрѣваемо. Первая изъ нихъ (съ качаніемъ отъ востока къ западу) проходитъ между Муромомъ и Нижнимъ-Новгородомъ; другая на востокъ за Иркутскомъ, между Паршинскою и Ярбинскою станціями. Продолженіе ихъ къ сѣверу еще неизвѣстно въ точности.

**) Если это извѣстіе подтвердится, то сопки сіи будутъ единственными горящими вдали отъ моря.

опершись объ утесы, и съ вольнодышащаго потока летѣлъ серебристый туманъ, между тѣмъ какъ по узкой тропинкѣ небольшой караванъ мой вздымался на крутъ, оглашая пугливо кликами *баръ, баръ* (пошелъ), и ударами бичей. Въ тишинѣ сливались рѣки, заграждавшія мнѣ путь широкотекучимъ путемъ Лены, и скалы ея береговъ воздвигались, какъ башни мечтательнаго замка духовъ, надъ мшистыми зубцами котораго вѣяли вѣковыя сосны, подобно знаменамъ. Когда за невозможностію переѣхать черезъ хребты, я принужденъ бывалъ въ лодкѣ подниматься противъ быстрины, виды открывались еще величественнѣе. Это было въ іюнѣ, но ледъ, нагроможденный въ колѣнахъ рѣки, лежалъ еще, тая, прозрачно голубыми скалами, подъ багровыми или сѣдыми утесами берега, и плакучія березы, вѣясь по разсѣлинамъ, оттѣняли ихъ своими зелеными кудрями. Индѣ отпрянувшая скала возникала сторожевою твердынею изъ лона воды, и я врывалъ въ эти торжественныя ворота Лены.

Я скакалъ неумоимо день и ночь, бродясь черезъ топкія болота, переплывая черезъ широкія рѣки, то въ берегостяной лодкѣ, то на упавшей соснѣ, перебираясь не рѣдко по скользкимъ жердямъ, брошеннымъ на вершинѣ затопленныхъ деревьевъ, и пламя коня въ поводу; порой отыскивая подъ волнами невидную стезю на утесъ, или объѣзжая скалу, ступившую въ рѣку выше сѣдла въ воду; порой леща по крутизнѣ, высоко висящей надъ бездною *). Безпрестанная опасность пріучила сердце и глаза къ безпечности, и въ послѣдствіи я уже, хладнокровно рыскалъ по карнизу, индѣ оторванному дождевыми потоками, съ шумомъ низвергающимися изъ-подъ ногъ, и вездѣ такъ узкому, что однажды я проѣхалъ 15 верстъ съ порванными подпругами, не находя мѣста, гдѣ бы слѣзть съ коня. Переѣзды черезъ гребни водопадовъ, которые съ оглушающимъ ревомъ, съ крутящимъ зрѣніе блескомъ, мечутся внизъ мимо, орошая даже лицо брызгами и пѣною, и проѣздъ къ верховьямъ полноводныхъ рѣчекъ, съ топоромъ сквозь плетень чащи, стоили не малыхъ трудовъ: это было совершенное путешествіе по пустырямъ Канады. Но не смотря на все это, я въ 23 дня проѣхалъ верхомъ 2600 верстъ и еще 200 на повозкѣ. Въ день Св. Петра я былъ уже въ Иркутскѣ, и путь мой, за исключеніемъ нѣсколькихъ неожиданныхъ купаньевъ, неласковыхъ встрѣчъ съ мохнатыми князьями дебрей, да двухъ или трехъ кувыркѣвъ съ крутизны, былъ очень пріятенъ и успешенъ. Быстрый мой перелетъ за хребетъ Уральскій не имѣлъ въ себѣ ничего особеннаго, и я на мигъ вѣхалъ въ Европу,

*) Карнизы эти туземцы называютъ залавками. На послѣдней станціи къ Верхоленску, встрѣтивъ обвалъ, я принужденъ былъ взлѣзть въ утесъ, и конь мой оборвался задними ногами.... нѣсколько секундъ висѣлъ я на ужасной высотѣ. И до сихъ поръ не постигаю, какъ выкарабкался онъ опять на залавокъ.

чтобы снова покинуть ее. Ровно черезъ мѣсяцъ, отъ холмовъ Саянскихъ я уже былъ подѣ тѣнью Эльбруса и Бештау. Оттуда обновилась боевая жизнь моя.

Со Владикавказа вѣхалъ я въ ущеліе, пробитое Тереконъ, сквозь желѣзные ворота, которыми, встарь, Азія изрыгала на Русь волны дикарей. Тамъ надъ головою путника вѣется разбойникъ воздуха — орелъ, тамъ рыщетъ разбойникъ лѣсовъ — волкъ, и разбойникъ горъ — Черкесь: принавъ за камнемъ, готовить имъ и себѣ добычу. По Ермоловскому Семплону взбирался я въ область громовъ, и скажу прямо, что кто видѣлъ Кавказъ въ грозу и ведро, тотъ можетъ умереть, не завидуя Швейцаріи. Вдали, какъ исполинскія волны застывшаго океана, вставали горы надъ горами, увѣчанныя алмазною пѣною снѣговъ; угрюмо, какъ минувшія столѣтія, висѣли надо мной громады, и надъ ними сверкала снѣжный перунъ лавинъ, готовый низринуться отъ жаркаго луча солнца, отъ крыла вѣтра. Далеко подѣ стопами моими бродили облака, подобясь стадамъ златорунныхъ оводовъ. Въ сторонѣ горныя потоки, надменные дождями, ниспадали млечной струей и едва внятно роптали въ глубинѣ. Роскошное, многообразное прозябаніе опоясывало ребра Кавказа земною перевязью. Дикій виноградъ, перевитый вязями плѣща, рдѣлъ по разстлинамъ. Какой переходъ отъ края, гдѣ нѣтъ ни розъ, ни соловья! Я упивался зрѣніемъ... я любовался Касбекомъ, на лѣдяныхъ раменахъ котораго отдыхали облака и ненаглядною цѣпью опаловидныхъ горъ, и голыми утесами ущелія — и все было такъ мирно кругомъ, все, кромѣ кроваваго человѣка. Страхъ, какъ ангелъ съ пламеннымъ мечемъ, стереущій границы райа, сторожить этотъ край поэзіи и любви. Вдали, на каждой вершинѣ обрывистыхъ горъ, какъ ястребиныя гнѣзда чернѣли разрушенныя замки съ подозрными башнями, въ Русскихъ редутахъ курились фитили, и ребенокъ настухъ, неподвижный на краю пропасти, вооруженъ кинжаломъ. Скоро ли настанетъ время, когда елей просвѣщенія смоетъ кровь съ крутинъ Кавказа и обратитъ сыновъ его — героев-разбойниковъ, въ миролюбивыхъ оратаевъ *)? Ждемъ этой поры во имя

*) Въ 1829 году особенно, Горцы, ободренные отсутствіемъ войскъ, стали разбойничать на Военно-Грузинской дорогѣ. Передъ проѣздомъ моимъ они увели въ плѣнъ одного доктора; за недѣлю отбили купеческій табунъ изъ-подъ пушекъ конвоя, и при проѣздѣ Хозревъ-Мирзы, ранили его нукера. Четырнадцать человѣкъ, провожавшіе насъ, возвращаясь на постъ, близъ Ардона, на рѣчкѣ Бѣлой, были атакованы тремя стами наѣздниковъ. Безстрашно отстрѣливались они цѣлый часъ, но на бѣду ихъ нашла туча и проливной дождь замочилъ ружья. Черкесы, ожесточенные потерей лучшихъ узденей, ударили въ шашки, и Русскіе были изрублены въ куски. Одного только раненаго казака умчали они въ плѣнъ. Недалеко отъ дороги показывали мнѣ дуплистый пенъ, поверженный грозой, въ которомъ, незадолго предъ тѣмъ, Донской казакъ, преслѣдуемый 30 всадниками, убившими его товарища, и коня, скрылся и спасся, грозя ружьемъ нападающимъ. Пули не пробивали дерева, и онъ отсиживался до выручки.

человѣчества; но до сихъ поръ еще желѣзное племя Кавказское, которое убавкивается ревомъ водопадовъ и грохотомъ грома, которому лютость звѣрей и всѣ ужасы природы даютъ въ жестокости уроки съ младенчества, которое необходимо и забавы покупаютъ опасностями — плохо слушать идилліи о прелестяхъ пастушеской жизни: оно аичетъ буйной свободы, разбоя, добычи. До сихъ поръ оно коснѣетъ въ первобытной дикости, подобно снѣгамъ своихъ горъ, на которыхъ вѣки не оставили слѣдовъ. Какъ островитяне древняго міра, они еще борются съ волнами новаго, ихъ заливающаго — но это издыхающій левъ.

Въ отношеніи геогностическомъ, меня всего болѣе изумило отвѣсное слоесложеніе многихъ громадъ Кавказа между волнистыми, покатыми и горизонтальными пластами первозданныхъ породъ. Очевидно, что онѣ опрокинуты и переломаны были ужаснымъ взрывомъ. Въ отношеніи къ экономіи природы, необходимость горъ здѣсь осязаема: это великанскіе насосы, пьющіе влагу изъ атмосферы для того, чтобы съ крутизны дать ходъ потокамъ; это проводники возстапавлиющіе потерянное равновѣсіе въ сокровенныхъ силахъ. Только мнѣ кажется, не одно охлажденіе привлекаетъ къ горамъ облака: тутъ работаетъ и магнетизмъ и электричество. Глядя на вѣчные снѣга Кавказа, я припоминалъ слова одного извѣстнаго нашего путешественника, который про снѣга Альпійскіе сказалъ: „Если бъ возможно было счесть ихъ слои, то можно бы опредѣлить древность міра!“ Какое пышное пустословіе! Снѣга не слои дерева. Изъ чего же берутъ воду рѣки, если не изъ тающихъ нижнихъ слоевъ льда? Изъ чего образуются лавины, если не изъ нарастающихъ вновь? Это колесо, какъ и все въ мірѣ. Извѣстно, что всѣ снѣговыя горы періодически сбрасываютъ съ себя излишнюю тяготу. Напротивъ, снѣга есть шлемъ, надѣтый на великановъ твореній для того, чтобы сохранить ихъ отъ разрушенія. Со всѣмъ тѣмъ, любезный докторъ, я думаю, что землѣ нашей, суждено кончиться не отъ огня или потопа, не отъ кометы или холода — а просто отъ плоскости (*périr de la platitude*). Развѣ не подъ глазами у насъ холмы таютъ и горы понижаются отъ дождей и вѣтровъ; самые льды не вовсе защищаютъ ихъ отъ воровства потоковъ; а когда исчезнуть возвышенности, механизмъ рѣкъ станетъ, воды сніютъ и люди погибнуть отъ болотной лихорадки (*febris paludosa*). Какъ вамъ нравится моя теорія, докторъ? Я такъ глядя кругомъ, особенно на Литературу, болѣе и болѣе увѣряюсь въ ней.

Что сказать вамъ о племенахъ Кавказа? О нихъ такъ много вздоровъ говорили путешественники, и такъ мало знаютъ ихъ сосѣди — Русскіе, что мнѣ не хочется умножать шайку хвастуновъ. Наружность ихъ величава; особенно Черкесы отличаются гордою осанкою. Сступить ли, станеть ли онъ — это модель Аякса или Ахиллеса. Пронзающій

взоръ, стройный станъ, театральная походка: все обнаруживаетъ силу и свободу. Женщины не даромъ славилась на востокѣ, и если гражданинъ содрогается, слыша, что еще незадолго предъ нимъ отцы продавали дочерей и братья сестеръ въ Турцію, то философъ утѣшается мыслию, что это улучшило кровь Арабскихъ и Турецкихъ поколѣній. На всемъ Кавказѣ женщины не закрываютъ лица. Участь ихъ самая жалкая. Онѣ исправляютъ всѣ домашнія и полевыя работы; мужа ѣздятъ на грабежъ, или, куря трубку, цѣлый день стругаютъ кинжаломъ палочку; самая созерцательная жизнь! Впрочемъ, они челоуѣколюбивѣе Персіянъ и Турковъ; не рѣжутъ головъ плѣннымъ, и если они согласятся быть мусульманами, то снимаютъ цѣпь; женятъ и даютъ хозяйство. Местъ за кровь и гостепріимство дома (добродѣтель, которую не часто приводятъ въ искушеніе гости), отчаянная храбрость и цѣльный выстрѣлъ на грабежъ: вотъ итогъ горскихъ достоинствъ. Прибавьте къ этому бѣдность съ неопратностью — и вы знакомы съ Горцами, ожидающими своего Валтера Скотта.

Искушавшись въ теплыхъ ключахъ Тифлиса, я скоро оставилъ за собою цвѣтущую природу Грузіи, и за рѣчку Арапачай ступилъ на завоеванную землю Турціи. Печальные виды: поля безъ зелени, горы безъ лѣса. Одинъ только хребетъ Саганъ Лугъ своими сосновыми борами напоминалъ мнѣ Русскую природу; все прочее понаежено солнцемъ, наго, бѣдно. Полуопустошенныя деревни, похожія на кучу развалинъ, ибо врыты въ землю и сверху завалены землею: это вертепы, а не жилища. Жители въ рубищахъ, или настоящихъ, или ложныхъ — ибо въ Азіи одна умышленная нищета спасаетъ отъ жадности властей. Города, какъ напримѣръ, Карсъ и Гассанъ-Кале (говорятъ, нѣкогда Θεοδοсіополь), которыхъ не спасли тройныя стѣны отъ Русскихъ штыковъ — пусты, и живописны только потому, что расположены амфитеатромъ по горѣ. За то поля желтели богатою жатвою, и если въ чемъ Азіяты опередили насъ, такъ это въ поливаніи полей: нерѣдко на одномъ и томъ же скатѣ горы вы видите четыре струи, бѣгущія по водопроводамъ на встрѣчу другъ другу, и за нѣсколько верстъ. Ни одна нить, ни одна капля воды не упадетъ даромъ: все расплано, все поймано.

И вотъ я въ столицѣ Анатолиі, въ шумномъ Арзерумѣ. Я люблю Османовъ за то, что они не любятъ насъ и не скрываютъ этого. Персіянинъ разсыпается въ привѣтахъ, въ лестіи, въ увѣреніяхъ, и готовъ продать васъ за грошъ. Кавказскій Татаринъ отдастъ вамъ въ распоряженіе домъ и дѣтей — но не просите у него стакана молока: вамъ скажутъ *сей часъ*, и не принесутъ *никогда*. Я не говорю ни слова о Кавказскихъ и Закавказскихъ христіанахъ. Но Турокъ не подвинется для васъ съ мѣста: требуетъ, а не проситъ должнаго; не удерживаетъ брани, когда его при-

нуждають; грозить местию безсильный, и мститъ жестоко при случаѣ. Впрочемъ, они честнѣй всѣхъ другихъ Азіятцевъ, не любятъ торговаться, и воровство между ними рѣдкость. Здѣсь, однако жъ кончится похвала. Магометанство, эта душевная проказа челоуѣчества, убиваетъ въ немъ всѣ стремленія къ лучшему. Посмѣйтесь тому въ глаза, кто вамъ станеть рассказывать сказки о гостепріимствѣ мусульманина. Не одинъ изъ нихъ не пуститъ къ себѣ на дворъ лучшаго пріятели; а такъ какъ ни въ одномъ Турецкомъ городѣ нѣтъ трактировъ, слѣдовательно свиданія ограничиваются трубкою, и много, много, что чашечкой кофе въ караванъ-сараѣ. Для Турка сидѣть, значитъ думать, а курить — дѣйствовать. Но взгляните, когда онъ на конѣ — это другой челоуѣкъ: ловокъ, быстръ, неутомимъ. Я ничего не знаю прелестнѣе Турецкаго наряда, ничего воинственнѣе Турецкаго всадника. Онъ вмѣстѣ вихорь и молнія. Женщины не столь красивы, какъ мужчины, и не такъ невольны, какъ думаютъ въ Европѣ. Разсказъ объ ихъ пылкости басня. Мадамъ Сталь замѣтила, что въ Русскомъ языкѣ есть что-то металлическое. Азіятки могли бы сказать то же самое, ибо лишь на этомъ языкѣ Русскіе объяснялись съ ними, и лишь этотъ языкъ трогалъ ихъ сердце.

Въ половинѣ сентября мы двинулись къ городу Байбурту вторично. Тамъ новый сераскиръ собиралъ свои полчища. Съ нами былъ графъ Паскевичъ - Эриванскій, то есть побѣда. Турки были разбиты, разсѣяны. Мнѣ удалось промѣнять нѣсколько пуль съ делибашами*) Турецкими и пѣхотными лазами, народомъ, неизмѣнившимся со временъ Александра Македонскаго; они по прежнему умѣютъ сражаться и умирать какъ Спартанцы. Докторъ Галль не даромъ замѣтилъ на черепѣ челоуѣческомъ органъ разрушенія: со всей походною моею философіею не могъ я запретить себѣ какой-то звѣриной радости, когда непріятель былъ опрокинутъ, гранаты, свистя надъ нашими головами, съ трескомъ лопались въ толпахъ бѣглецовъ, уходящихъ въ гору. Послѣ сраженія за городомъ, въ заключеніе спектакля, мятежный городъ, взятый приступомъ, былъ зажженъ, и съ этимъ соединились всѣ дивертиссементы, безыменные, но неразлучные съ войною — это было великолѣпно!! Въ ночь особенно, пожаръ, отражаясь въ волнахъ Чароха, обтекающаго Байбуртъ, игралъ на багровыхъ скалахъ окрестныхъ. Зарево обливало воздушною кровью густыя облака дыма, висяція надъ городомъ, въ которомъ слышался только трескъ и гулъ падающихъ домовъ; въ лагерьъ все праздновало и шумѣло. Черезъ два дня само все разрушающее время могло бы написать на развалинахъ Байбурта: *fuit* (былъ), ни точкой болѣе.

*) Дели-башъ, безумная голова, отчаянный. Такъ называются всадники, удалцы Турецкіе. На головѣ они носятъ высокій колпакъ.

На возвратномъ пути мнѣ стало досужнѣе разсматривать скалы, ущелія и штыкомъ отбивать куски минераловъ. Я хоть не болѣе, какъ путешествующій Скиѣ въ Аѳинахъ Наукъ, гдѣ вы въ числѣ архонтовъ; однако жъ если я для нихъ чужой, то онѣ для меня не совсѣмъ чужія. Чуть было я не заплатилъ за свое металлургическое любопытство головой въ Мисѣ Майданѣ, мѣдномъ заводѣ, не вдали Байбурта, оставленномъ Греками - рудокопами. Вечерѣло, и отрядъ былъ далеко впереди, когда мы съ однимъ офицеромъ хотѣли спуститься въ шахту крикъ казака, державшаго коней, вызвалъ насъ на поверхность. Турки со всѣхъ сторонъ спускались съ стремнинъ. Признаться сказать, мнѣ вовсе не хотѣлось пожертвовать своихъ костей на будущую бирюзу*) для украшенія Турецкихъ чубуковъ, и я вспрыгнулъ въ сѣдло очень проворно. Нѣсколько пуль просвистѣли въ слѣдъ намъ *добрый путь*, когда мы, по животрепещему мосточку, огибали рывтину, надъ которой онѣ висѣли. Но тѣмъ и кончилось. Горы Лазистана изобилуютъ металлами, мѣдью и оловомъ въ особенности: это видно по голубымъ и зеленымъ скаламъ. Далѣе къ Трапезонту есть богатые серебряныя жилы. Вся сторона мною видѣнныхъ горъ, хребетъ Куфланку, Араратъ, Алагезъ и лежащія между ними долины принадлежать вулканическому происхожденію. Повсюду ноздреватые, остеклѣвшіе камни, пириты, трахиты, обожженные скалы, гребни и столбы базальтическаго образованія. На нихъ видите вы всѣ степени разрушенія: выщипываніе, размывка, розсыпь не покрытая еще зеленой волной прозябанія. Сюда должно ѣздить учиться анатоміи земной, потому что костякъ земли здѣсь наружъ. Вы видите здѣсь обѣ системы Нептунистовъ и Вулканистовъ: вы убѣждаетесь, что онѣ обѣ дѣйствовали, то по очереди, то вдругъ и наконецъ уступили свое мѣсто великому разрушителю — воздуху и его газамъ. Мнѣ пришло въ голову сравнить воду и огонь съ классицизмомъ и романтизмомъ, за кои теперь во всѣхъ концахъ ломаютъ копыя и тупятъ перья. Тихо, мѣрно творилъ океанъ въ своемъ тогда жаркомъ лонѣ: произведенія его крѣпки, кристаллизованы, съ правильными, формами, съ неизмѣнными углами: иной подумаетъ, что все это сдѣлалось съ транспортомъ и линейкою. Но вотъ ворвался новый посолъ природы — и все оборотилъ вверхъ дномъ. Своими порывами вздулъ, взволновалъ еще мягкую кору земли, гдѣ не могъ прорвать ее — разорвалъ гдѣ могъ, и стрѣляя изъ нѣдръ земныхъ гранитными потоками, опрокинулъ осадочныя горы въ бездны, сплавилъ въ стекло цѣлые хребты, сжегъ въ лаву и пепелъ другіе, и выдвинулъ сердца морей подѣ облака. Онѣ смѣшались въ себѣ обломки всего прежняго, какъ завоеватель, увлекающій побѣжденных

*) Минералоги почитаютъ бирюзу животною костью пропавшею мѣдью окислою.

племена, и наконецъ застылъ въ огромныхъ формахъ. Посмотрите: это волны океана, это облака неба — это мечта ангела! Причудливыя башни его не походятъ ни на Греческую, ни на Мавританскую архитектуру: это зодчество Божества. Столбы эти не Коринфскаго и не Пестумскаго ордена: они ордена природы. Въ вулканическихъ произведеніяхъ вкруплены (*incrustés*) мелкіе, блестящіе кристаллы, яркіе слои порфира — это классицизмъ; но толща, которою они проникнуты, облиты, превращены — романтизмъ: останки щепетильные минувшаго періода, воплощенные въ неизгнанный, мрачный, но величественный періодъ настоящаго — и надъ ними готовится новое развитіе жизни. Умъ ограниченный, узкая душа, хватаются за бесплодный алмазъ; политикъ съ усмѣшкою беретъ себѣ глыбу земли: онъ произраститъ на ней миллионы алмазовъ, которые цѣлые вѣки будутъ насыщать и украшать многихъ. Что было, то должно было быть, и что дѣлается, дѣлается вѣрно необходимо. Близорукіе жалуются на частые перевороты, на землетрясенія: у Петра провалился домъ, у Пизана жена — пускай себѣ проваливаются! Отъ этого тысячамъ гдѣнибудь и когданибудь будетъ лучше. Ржавчина разрушенія и пепелъ вулкановъ нужны для сѣмянъ новаго бытія, безъ чего они не принялись бы на граненомъ камнѣ.

Я надѣюсь, вы не прострете моего сравненія за границы шутки — люблю ихъ, но всегда помню, что *contra-raison n'est pas raison*.

Гдѣ взять довольно черныхъ чернилъ, чтобъ залить радужныя краски, коими поэты и путешественники расцвѣтили Персію? Голыя горы, пыльные стѣны, въ которыхъ обитаютъ только шакалы и вѣтры — вотъ Персія. Только близъ селеній, какъ острова, возникаютъ купы раинъ; только гниющія болота, напущенныя для хлопчатой бумаги и сарацинскаго шпена, даютъ мертвый цвѣтъ своей землѣ, а воздуху свое зловоніе. Порой встрѣчаешь кочующія орды Эздовъ или Курдовъ: первыхъ со вьючными быками, другихъ на маленькихъ лошадакахъ, съ зыбкою цикою; но все: природа и люди — непріязненно, мрачно. Я бродилъ по развалинамъ царства Армянскаго; видѣлъ горы, въ которыя упиралась радуга Завѣта Божія съ народомъ своимъ — высокій урокъ, котораго не постигаютъ силы земныя — а кровавою стезею минувшей войны съ Персами, которые только именемъ похожи на своихъ прадѣдовъ, черезъ хребетъ Безобдалъ, возвратился въ Грузію. Въ немногіе дни, искупавшись въ волнахъ Лены, я пилъ струи благодатной Волги, перебрелъ на конѣ классическій Араксъ и поплъ его Евфратомъ. Это было *édition compacte* происшествій, замѣчаній лицъ, вѣка протекли сквозь разумъ мой — но надобно бы годы, что бы ихъ описывать.

Въ исходѣ года, по Куринской долинѣ, я поѣхалъ къ востоку, засыпая напутный журналъ златоносными песками

ея розсыпей, и черезъ Ганджу, черезъ Шамаху, извѣстную древле шелками, а нынѣ баядерками, прибылъ въ Дагестанъ, проѣхавъ въ полгода около 12 ти тысячъ верстъ и видѣвъ въ это время чернаго соболя въ тундрахъ Сибири, волка на поляхъ Приволжскихъ, оленя на вышинахъ Кавказа, тура, скачущаго по стремниннамъ Лазистана, и кабановъ въ дебряхъ Дагестанскихъ — и все въ пустыняхъ! Боже мой! какъ богата земля пустынями! — и звѣрьми тоже? — И звѣрьми!

Теперь я живу, то есть дышу въ Дербентъ, городъ съ историческимъ именемъ и съ грязными улицами. Здѣсь Кавказъ, разсыпавшійся холмами, исчезаетъ въ волнахъ Каспія — вѣчнаго воркуна, и потому нѣтъ вдохновительныхъ видовъ. Ни одинъ минаретъ, ни одна высокая мечеть, ни какое величавое зданіе, не красить города: онъ погребенъ между двухъ дряхлыхъ стѣнъ, и лишь крѣпость нагорная разнообразитъ немного видъ его. Кровли плоски, дома набросаны другъ на друга, обмазаны землею и вовсе безъ оконъ. Улицы такъ узки, что въ иной буйволъ чертитъ рогами узоры по обѣимъ стѣнамъ, и такъ тонки, что лопля чоботовъ здѣсь отрасль промышленности. Опѣ, кажется, сдѣланы вовсе не для сообщенія жителей, а только для раздѣленія ревнивыхъ сосѣдовъ. Городъ довольно многолюденъ, но если что здѣсь заслуживаетъ вниманіе, такъ это неисчислимое народонаселеніе кладбищъ, на нѣсколько верстъ окружающихъ Дербентъ: каждый холмъ этихъ предмѣстій, какъ ежъ, (*hérissé*) отъ надгробныхъ камней. Мужчины довольно красивы, но вялы отъ лѣни; особенно лѣтомъ, въ жары, они движутся какъ выходцы съ того свѣта, и нѣтъ мудренаго, что лишь электро-магнитическая сила огромнаго Вольтова столба (то есть земнаго шара) подымаетъ этихъ миноваго вѣка людей, когда маленькій столбецъ заставляетъ мертвыхъ лягушекъ прыгать казачка. За то женщины, докторъ, чудо прелести: что за живость цвѣта, что за глаза! Полдюжины такихъ глазокъ довольно бы было, чтобы взорвать на воздухъ цѣлый философскій факультетъ Геттингенскаго университета. Жаль только, что нескѣжество и дикость ихъ разрушаютъ очарованный кругъ воображенія. Совсѣмъ бы эти красавицы переродились, если бъ привели сюда проповѣдниковъ въ усахъ и шпорахъ: ни что такъ усиленно не распространяетъ образованія, какъ добрый полкъ гусаръ. Ручаюсь за это.

Берегъ Каспія, этого соленого озера, не подверженнаго лунатизму*), берегъ, на которомъ живу я, принадлежитъ къ земной впадинѣ *dépression*, замѣченной новыми физиками, такъ, что если какому нибудь морю вздумается прогуляться сюда, мы превратимся въ раковъ, не только *по праву*, но и по дѣлу (*de droit et de fait*). Май здѣсь пльнителенъ, но

*) То есть въ немъ нѣтъ ни приливовъ, ни отливовъ.

только май. Тогда все зеленеетъ, все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Яхонтовое небо проливаетъ свою синеву и на волны моря, сладкозвучно плещущаго въ берега. Соловьи поютъ подъ серебристыми вѣтвями миндальныхъ деревьевъ; скалы осыпаны розами! Что бы это было за край, если бѣ здѣсь не было чумы, холеры и Магометанства! Земля, вспаханная лучами солнца, произращаетъ все, что задумаешь, изъ одного поклона: здѣсь житель не хочетъ сдѣлать и этого. Марену садятъ и собираютъ для нихъ Лезгинны; сами же они по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ поджавъ ноги, или зимой вокругъ жаровни, покрытой одѣяломъ (кюры). Здѣсь винограду не окниешь глазомъ, и нѣтъ капли сноснаго вина. Померанецъ горитъ въ глуши лѣса, а нѣтъ близъ города огородовъ; земледѣіе торговля, гражданственность, все въ одной степени. А Русскіе. о! Русскіе другое дѣло. Скажите, который у насъ вѣкъ по Р. Х., любезный докторъ? Почта не привезла еще новыхъ календарей.

Но климатъ здѣшній губителенъ для сыновъ Сѣвера. Мое желѣзное Русское здоровье, какъ вы называли его, растаяло въ жарехъ Грузіи. Я вывезъ лихорадку изъ Тифлиса въ здоровый поясъ Анатоліи, и съ тѣхъ поръ, хотя на время подавленная хининомъ, она преслѣдовала меня и сюда, въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ, какъ безотвязная любовница. Я былъ такъ худъ, что вы бы могли сквозь меня наблюдать колебаніе звѣздъ. Госпожа холера, однако жъ, и пробовала по жиламъ моимъ, какъ по струнамъ, аккорды, но не сыграла своего адскаго погребальнаго марша. Видъ города въ это время былъ ужасенъ: люди падали мертвые по улицамъ, и живые бродили, какъ мертвецы; стоны и плачъ раздавались во всѣхъ домахъ; самое солнце, какъ погребальный свѣточъ, видѣлось сквозь саванъ дыма и испареній. Болѣзнь сія унесла 1500 жертвъ изъ 10,000 жителей — пропорція ужасная! Берегитесь и вы ея визитовъ; она, кажется, какъ мадамъ Каталани, хочетъ совершить классическій объѣздъ по Европѣ.

Если бѣ изъ учтивости вы спросили меня: что я дѣлаю? По совѣсти я отвѣчалъ бы: ничего. Да какъ и дѣлать? Ни книгъ, ни досуга. По чоткамъ памяти перебираю, что зналъ, что любилъ; на крыльяхъ воображенія порываюсь порой въ то, что хотѣлъ бы узнать; да во время душныхъ лѣтнихъ ночей, терзаясь бессонницей отъ мошекъ, люблюсь бѣгомъ скорпіоновъ по стѣнѣ моей, или какъ Англійскій лордъ, спускаю въ тазъ на единоборство фаланку и скорпіона — утѣшно видѣть, когда ядовитыя животныя терзаютъ другъ друга! Однажды на кровати своей я поймала такую огромную фаланку*), что она привела бы въ восхищеніе любого естествоиспытателя: премилое шестипауное!

*) Угрызеніе оной почти всегда смертоносно.

Я нахожу только, что оно гораздо красивѣе съ двухъ-вершковую булавою по срединѣ.

Но я пишу, пишу, не замѣчая, что вмѣсто писъма, вышла цѣлая тетрадь, и вы пожалѣете не о томъ, что вамъ нѣтъ времени прочесть ее, но что мнѣ былъ досугъ ее написать. Какъ быть! Мыслящему существу отрадно бесѣдовать съ человѣкомъ, понимающимъ его; это жъ для меня такой рѣдкой праздникъ! Я увѣренъ, вы простите и болтливость мою и легкость предметовъ: я, щебеча, касаюсь ихъ, какъ ласточка; какъ ласточка увиваюсь около васъ, какъ около шпига учености, потому что уважаю ученыхъ и люблю науки. Благодаря Провидѣнію, мы живемъ не въ тѣ времена, когда изученіе тайнъ природы — хоронилось какъ кладъ, когда крылось оно во мракъ пирамидъ Египетскихъ, въ пещерахъ Друидовъ, въ мрачныхъ залахъ Тамиліеровъ. Теперь не употребляется оно для обмана рода человѣческаго, теперь оно не пугалище суевѣрныхъ, не игрушка любопытства, не шаманство и не фиглярство: нѣтъ оно средство къ улучшенію вещественной жизни человѣковъ; оно охрана ихъ безопасности, источникъ новыхъ силъ промышленности, новыхъ наслажденій ума и тѣла; оно усовершенствуетъ не только людей, но животныхъ, но самую природу. Съ благоговѣніемъ произношу я имя громоотводца Франклина, градотводца Ляпостола, изобрѣтателя коровьей оспы Дженнера, усовершенителя паровой машины Перкинса; спасителя рудокоповъ Деви, Ганстеена и Гумбольдта, Коломбовъ магнетизма, свѣтлѣльниковъ химіи Тенара и Лавуазье; имена физиковъ: Румфорда, Гаюи, Біота, Бетана, знаменитаго Араго, мистрисъ Сомервилъ, Эрнстеда, Ампера, Моритини, Остроградскаго и тысячи другихъ ученыхъ, давно умершихъ и вѣчно живущихъ благодѣяніями своими человѣчеству. Въ то время, какъ новые философы раскрываютъ книгу судебъ, какъ Нибуръ и Барантъ обнажаютъ исторію, какъ великій Кювье заставляетъ говорить кости животныхъ, неодаренныхъ словомъ, и въ жизни — отрадно видѣть что врачи жертвуютъ жизнію пользѣ, изучая въ Барцелонѣ желтую лихорадку, на Дельтѣ происхожденіе чумы, что Парри плыветъ по льдинѣ къ полюсу, и Ленгъ проникаетъ въ пески подъ-экваторные, для распространенія границъ наукъ! Отрадно сердцу, что и отчизна моя стала предметомъ изслѣдованій! Я считаю себя счастливымъ, встрѣтивъ ученаго минералога Гессе въ Иркутскѣ, встрѣтивъ васъ и Дуэ въ Якутскѣ. Ганстеена едва не засталъ я въ Красноярскѣ. Съ Гумбольдтомъ, котораго въ Сибири называли странствующимъ принцемъ, вмѣсто того, чтобы называть княземъ путешественниковъ, разъѣхался ночью близъ Ишима. Видѣлъ Клапротовъ стаю въ телескопъ, на срединѣ Арагата, и наконецъ ловилъ букашекъ на берегу Каспійскаго моря, съ равно любезнымъ и ученымъ Менетріе, и любовался цвѣточною добычею извѣстнаго ботаника Мейера. Всѣ они, то есть, всѣ вы собрали, въ одно и то же лѣто, на

землѣ, покрытой одною и тою же порфиною, вѣрно богатую жатву, плодотворную для наукъ и благотворную для человѣчества.

Но гдѣ вы, почтеннѣйшій докторъ, вы сами! Какія звѣзды улыбаются вамъ? Какой океанъ рассыпаетъ фосфорную пѣну о грудь корабля вашего? Или вы уже попираете плиты Берлинскихъ тротуаровъ? Жажду новостей о васъ и отъ васъ, не сомнѣваясь, что онѣ будутъ пріятны сердцу и любопытны для ума. Я думаю, навезли рѣдкостей, чудесь, а истолковали оныхъ втрое. Скажите, благоденствуетъ ли вашъ Артуръ*)? Бѣднѣе вѣроятно не по климату пришлось полярная шуба подъ тропиками; за то какое право пріобрѣлъ онъ рассказывать своей четвероногой братѣ (если онъ удостоиваетъ ихъ такой чести) о своихъ пятисвѣтныхъ похожденияхъ! Я увѣренъ, что весь собачій міръ слушаетъ хвостатаго героя, съ открытымъ ртомъ отъ удивленія.

Прощайте, почтенный, любезный докторъ, если вы не раскланялись со мной ранѣе! Будьте здоровы, какъ баобабъ или *eucalyptus globolus**)*; будьте веселы, какъ соловей: я не говорю — будьте счастливы: ибо кто любимъ всѣми, тотъ не можетъ быть иначе. Вспомните, хоть перебирая засохшіе цвѣты свои, душой уважающаго васъ знакома. — Вашъ и проч.

P. S. Если бѣ вы были молодой поэтъ, я бы адресовалъ это посланіе на вѣтеръ (*dans l'espace*), какъ самый надежный способъ встрѣтить васъ; но на бѣду, вы человѣкъ, для котораго необходима точка опоры, и потому я падни-сываю въ Берлинскую академію, къ почтенному родителю вашему, котораго ученые труды извѣстны всему ученому міру.

А. Марлинскій.

*) Сонная собака, которую докторъ вывезъ изъ Березова.

**) Огромнѣйшія деревья, которыя могутъ жить до 4000 лѣтъ, до сихъ поръ видимы въ Новой Голландіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

І. Б А С Н И.

ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „послушай - ко, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣтъ великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнь.“
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной въ далекъ свирелью отдавался;
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры,
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада;
Чуть - чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ
„Изрядно, говоритъ; сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ!
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился.“
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридцать полей.
— Избави Богъ и насъ отъ такихъ судей.

Крыловъ

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

Когда то Стрѣлка часовая
На башнѣ городской
Свои достоинства счисляя
Разсхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженіе,
Не должно ль, говорить, ко мнѣ имѣть почтеніе?
Всему я городу служу какъ бы въ законъ:
Все, что ни дѣлають, по мнѣ располагають;
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ будто прикажу.
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видна и всѣхъ я вижу подъ собой.
А вы что значите? Кто видитъ васъ? — Постоѣй!
Не лѣзя ли какъ нибудь потнише;
И слово дать
И намъ сказать?
Другія части отвѣчали:
„Знай, что когда бъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами, не собой.“
И я скажу (но будь то сказано межъ нами),
Что этакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

Хемницеръ.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ вида?
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говорить,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„Не князюте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернушку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните,
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй!

Кукушка! посмотри, вѣдь ты и такъ лниаешь;
Не лучше ль дать себя немножко опипать,
И перемѣ бы твоимъ постельку ихъ устлатъ:

Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувыркатся, кружиться,

Ты бѣ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чтобъ съ сиротами подѣлиться.

Ты, горlinka, твои птенцы ужъ подросли;

Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,

Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла,

А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ

Бережъ.

Ты бѣ, ласточка, ловила мошекъ,

Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты, мой милый соловей,

Когда птеняточекъ ко сну потянетъ,

Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станеть

Ты бѣ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью; я твердо вѣрю,

Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.

Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ

Есть добрыя сердца, и что. “ При сихъ словахъ

Малютки бѣдныя всѣ трое,

Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,

Попадали къ Лисѣ нанизъ.

Что жъ Кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла!

И поученья не дождала.

Читатель! не дивись!

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,

Въ молчаньи тотъ добро творить;

А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить,

Тотъ часто только добръ на счетъ другаго,

Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакова.

На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ, —

Сродни моей Лисѣ.

Крыловъ.

ДѢВУШКА И ЧИЖЪ.

„Что за житье? терпѣнья право нѣтъ!“

(Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,

Сама съ собою говорила).

„Все хочется маминька, чтобъ я училась, шла;

Не дастъ почти и погулять.

Едва три раза въ годъ бываю я на балѣ;

А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ!

Куда какъ весело одной вальсировать!“

Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Печально на верхъ окна;
И что жъ увидѣла она?
Любимый Чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жордочкѣ, повѣсивши носокъ.
„Ахъ! вольность дорога и птицѣ!
Сказала Лизенька; я по себѣ сужу.
О бѣдной Пипненька! ужъ боль
Тебя не удержу.
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ!
Съ симъ словомъ отперла она у клетки дверь.
Встряхнулся Пипненька, летить въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ. „Какъ счастливъ онъ теперь!“
Мечтаетъ Лизенька; и видитъ изъ окошка,
Что къ Пипненькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку разтерзала.
Въ раскаяньи, въ слезахъ
Вотъ Лиза что сказала:
„Какъ смѣла я на маминьку роптать?
Теперь я вижу очень ясно,
Что волку тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять.“
А. Измайловъ.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

Прощай, сосѣдка! Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди и собаки, —
Одинъ другаго злѣй; и хоть ты Ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.
„А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думашь ты жить въ ладу?“
О, я примехонько иду
Въ лѣсѣ Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то - то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ что война;
Какъ агнцы кротки человѣки,
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена.
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ
Не мило ль даже и во снѣ,

Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?

Прости! не поминай насъ лихомъ!

Ужъ то - то тамъ мы заживемъ —

Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!

Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ,

И не засни спокойно на ночлегъ.

„Счастливыи путь сосѣдъ мой дорогой!

Кукушка говорить: а свой ты правъ и зубы

Здѣсь кинешь, иль возмешь съ собой?“

Ужъ кинуть, вздоръ какой!

„Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.“

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,

Тѣмъ болѣе кричить и ропщеть на людей:

Не видитъ добрыхъ онъ куда ни обернется;

А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

Крыловъ.

ФІАЛКА И ШАПКА.

Фіалка скромная цвѣла въ травѣ густой,

Отъ всѣхъ и прелести и запахъ свой скрывая;

А рядомъ съ ней, гордяся красотой,

Стояла Шапка золотая.

И какъ - то, разъ, онѣ вступили въ разговоръ.

„Скажи, сестрица, мнѣ: или я хуже стала“ --

Вздыхнувши Шапочка сказала --

„Что съ нѣкоторыхъ поръ,

Ни мотыльки ко мнѣ, ни пчелы не садятся?

Ну ты вотъ, напримѣръ, невидима пугдѣ,

А между тѣмъ къ тебѣ --

Толпами цѣлыми они всегда галятъ.

Напротивъ, знаешь вѣдь, что я

Отъ нихъ скрываться не стараюсь,

А еще выше поднимаюсь,

Чтобъ лучше видѣли меня;

Когда же близко пролетаютъ,

Тогда я къ стебельку головку преклоню

И видомъ томнымъ ихъ маню

Но нѣтъ, всѣ хитрости никакъ не помогаютъ:

Все одиноконька, -- и все успѣха нѣтъ!“

— Сестрица, говоритъ ей скромница въ отвѣтъ,

Не отъ того ли ты теперь одна осталась,

Что слишкомъ многихъ ужъ приманивать старалась! --

И. Сумароковъ.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

Жила у барина Собака на дворѣ

Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,

Пасловск. Хрест.

Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ;
Всего же болѣ;
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой - то въ домъ ходилъ;
Собаку полюбилъ;
Да какъ достать ее, не знаетъ.
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ,
Украсть ее бездѣльствомъ счелъ.
Нѣтъ! надобно (онъ рассуждаетъ)
Честнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ Собаку ту сманить.
(Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ.)
И всякой разъ, когда бывало ни придетъ,
Рѣчь о Собакѣ заведетъ;
При ней самой ее какъ можно хвалитъ;
А барину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое:
„Нѣтъ, у меня житье ей было бъ не такое!
Инаго я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,
Да этой бы Собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ,
И какъ случится спать!“
Все, что сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ,
И думаетъ: а что! вѣдь можетъ быть и впрямь
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ
Хоть хорошо и здѣсь отвѣдать бы пуститься;
А худо, и назадъ вѣдь можно воротиться.
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ, и другой;
Не только что куска того не получала,
Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ:
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться!
Спать? хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.
И по дѣломъ! Зачѣмъ сбѣжала.
Впередъ, Собака, знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.

Хемницеръ.

Д Е Р Е В О.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ:
Голубчикъ! Деревцо сказало молодое,
Пожалуй выруби вокругъ меня ты лѣсъ;

Я не могу расти въ покоѣ.
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной изволилъ сплестъ онъ своды!
Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросло до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же я какъ хворостина.
Взялся крестьянникъ за топоръ
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его не долго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сбьетъ,
И вѣтромъ наконецъ то Деревцо сломило.
„Безумное! ему сказала тутъ змѣя,
Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ укрытое въ лѣсу ты возрастало:
Тебѣ бъ вредить ни зной ни вѣтры не могли;
Тебя бы старыя деревни берегли.
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло;
То до того ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣдѣ съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло.“
Крыловъ,

СМЕРТЬ И УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ жить, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожить и вопить,
Зачѣмъ она его торопитъ
Въ распахъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предвара его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ. —
Увы! онъ говорить: а я лишь въ подмосковной
Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть.
Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить,
И правнуковъ женить! а тамъ. твоя ужъ власть!
Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить.
„Неблагодарный! Смерть отвѣтствуетъ ему:
Пуškai другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
Тебѣ бы одному
Не умирать на свѣтѣ!
Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, — десятка даже нѣтъ
Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить

Заранѣ тебя къ свиданію со мной:
Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой,
И правнуковъ женить; а развѣ мало было
Навѣтокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
Увянулъ цвѣтъ ума и память притупилась,
Годъ отъ году хладѣла кровь;
Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась,
И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
Съ которыхъ лѣтъ уже отсюду поражаетъ
Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
Тотъ умеръ, этотъ занемогъ,

И на одрѣ мученья!
Какого жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?
Короче: я уже ступила на порогъ,
Забудь и горе и веселье;

Исполни мой уставъ!“
Сказала, и Старикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!
Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ бы въ старости страшиться умирать!
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ гость отходить съ шира,
Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чему жъ послужить стонъ?
Ты сѣтуешь, Старикъ! Взгляни на ратно поле,
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
На смерть похвальную, вездѣ возносимую,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжнѣе...
Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

Дмитріевъ.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежатъ грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бѣ стережъ имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.

Что можетъ, говорить Полканъ, пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть;
Стоять горой за дружнѹ шерсть;
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
Не лѣзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастье все свое блаженство ставить.
Вотъ если бѣ, напримѣръ, съ тобой у насъ

Такая дружба завелась :

Скажу я смѣло,

Мы бѣ и не видѣли, какъ время бы летѣло.

„А что же? это дѣло,

Барбосъ отвѣтствуетъ ему :

Давно Полканушка мнѣ больно самому,

Что бывши одного двора съ тобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки ;

И изъ чего? спасибо господамъ :

Ни голодно, ни тѣсно намъ !

Притомъ же, право, стыдно :

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней,

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно.“

Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,

Вскричалъ Полканъ — дай лапу! „Вотъ она!“

И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться ;

Не знаютъ съ радости къ кому и прировняться :

Орестъ мой! мой Пиладъ! прочь свары, зависть, злость !

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

Вотъ новые друзья къ ней въ запуски несутся ;

Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,

Лишь только клочья вверхъ летятъ ;

Насилу наконецъ ихъ разлили водою.

Свѣтъ помонъ дружбою такою :

Про нынѣшнихъ друзей лѣзя молвить не грѣша,

Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки :

Послушать, кажется, одна у нихъ душа ;

А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.

Крыловъ.

ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалуны какой-то Тѣнь свою хотѣлъ поймать :

Онъ къ ней, она впередъ ; онъ шагу прибавляетъ,

Она туда жъ ; онъ наконецъ бѣжать ;

Но чѣмъ онъ притче, тѣмъ и Тѣнь скорѣй бѣжала,

Все не даваясь, будто кладъ.

Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется, а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала. —

Красавицы! видалъ я много разъ —

Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про вась,
А что бываетъ то жъ съ фортуною у насъ:

Иной лишь трудъ и время губить,

Стараяся настичь ее изъ силы всей;

Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:

Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

Крыловъ.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,

Тотъ каждому и другъ и братъ.

Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,

Хоть родомъ будь изъ конюховъ;

Дѣтина будетъ какъ дѣтина.

А бѣдный, будь хоть изъ Князей,

Хоть разумъ Ангельскій имѣй,

И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей;

Того почтенья не дождется.

Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.

Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;

Но Бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,

Никто и не примѣтилъ,

Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.

Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,

Со всеми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;

Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ

Короткое иль да, иль нѣтъ.

Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ.

Потомъ,

За Бѣднякомъ,

Богачъ прѣхалъ въ тотъ же домъ.

Хотя заслугой, ни умомъ,

Ни чиномъ онъ не отличался;

Но только въ двери показался,

Сказать не лѣзя, какой пріемъ!

Всѣ встали передъ Богачемъ.

Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,

Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,

И подъ руки его берутъ,

То тутъ,

То тамъ его сажаютъ;

Поклоны чуть ему земные не кладутъ;

И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лѣсть,

Къ Богатому неправу честь,

Къ себѣ неправоe презрѣнiе,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденiе.
За чѣмъ, онъ говоритъ ему :
Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ ?
„Легко, мой другъ ! понять :
Достоинства не лѣзя занять,
А деньги всякой занимаетъ.“

Хежницерь.

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о Царской долѣ.
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслить, ремесла !,
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое ;
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля, чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги ;
Хочу знать правду, — всѣ мнѣ лгутъ.
Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю ;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ни чѣмъ !“
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ ;
И что же видитъ онъ ? Разсыпанныхъ въ долину
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей ;
Всѣ въ страхъ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ, они подъ тѣнь ложатся ;
Лишь бѣдный мечется Пастухъ :
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ ;
То бросится къ овцѣ, которая отстала ;
То за любимымъ онъ ягненокъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащить ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчьи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой ! сказала Самовластитель :
И такъ и смиренныхъ животныхъ охранитель
Такими жъ, какъ и мы, напастями окруженъ ;
И онъ, какъ Царь, порабоченъ !
Я чувствую теперь какую то отраду.“
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ.
Куда ? и самъ не зналъ ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.

Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ?
Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ, и тяжестью ихъ клонить;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонить,
Ко маткинымъ бѣгутъ питательнымъ сосцамъ;
А Пастушекъ въ свирель подь линою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.

„Не одобровать, овечки, вамъ!

Царь мыслить: волкъ любви не чувствуетъ закона,
И Пастуху свирель худая оборона.“
А волкъ и подлинно откуда ни возмись,

Во всю несется рысь:

Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненокъ догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ.
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.

Тогда уже въ Царь терѣнія не стадо;

„Возможно ль, онъ вскричалъ: здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ умѣлъ сберечь большое стадо!“

Царь! отвѣчалъ Пастухъ: тутъ хитрости не надо;
Я выбралъ добрыхъ псовъ.

Дмитріевъ.

ЛѢНИВЫЕ И РЕТИВЫЕ КОНИ.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые Коня,
Въ другихъ лѣнныые. Пришедъ къ горѣ, они,
Лѣнныые, ни съ мѣста — стали!

А вѣдь въ дорогѣ не стоять!

„Ну! ну!“ и цогонять.

Ни съ мѣста! — Способа другаго не сыскали,
Какъ изъ возовъ Коней лѣнныыхъ выпрягать,
А лѣнныыхъ впрячь. Впрягли Коней ретивыхъ;
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнныыхъ:

Лишь только что одну взвезуть,

Въ другую ихъ перепрягутъ.

Когда жъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.

Случившися я тутъ,

Подумалъ: вотъ житье какое!

Ретивому коню всегда работы вдвое,

А тотъ же кормъ даютъ!

Хелницеръ.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.

За то уже другой,
 Какъ хочешь сладко пой,
 Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
 Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
 Хоть, можетъ быть, я тѣмъ не много досажу.
 Но вмѣсто басни, былъ на это имъ скажу.

Во храмъ проповѣдникъ
 (Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
 Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.

Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
 Въ ней правда чистая, казалось безъ искуства,

Какъ цѣпью золотой,
 Возьмая къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
 Сей обличала міръ, исполненный тщетой.

Душъ пастырь кончилъ поученье:
 Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
 Восхищенный, въ сердечномъ умиленіи
 Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.

Когда жъ изъ божьяго міряне вышли дому,
 „Какой пріятный даръ!“
 Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому.
 „Какая сладость, жаръ!“

Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!

А у тебя, сосѣдъ, знатъ черствая природа,
 Что на тебѣ слезинки не видать?

Иль ты не понималъ?“ — Ну, какъ не понимать!
 Да плакать мнѣ какая стать:
 Вѣдь я не дѣшьяго прихода.

Крыловъ.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
 Отъ разоренья,
 Что рѣчки имъ и ручейки
 При водополи причиняли,
 Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
 Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
 И было что на нихъ донести!

Гдѣ озими разрыты;
 Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
 Потоплено скота, что и не счесть!
 А та Рѣка течетъ такъ смиренно, хоть и пышно:

На ней стоятъ большіе города,
 И никогда
 За ней такихъ проказъ не слышно;
 Такъ вѣрно ихъ она уймётъ,
 Между собой Крестьяне разсуждали.
 Но что жъ? Какъ подходить къ Рѣкѣ поближе стали,
 И посмотрѣли, такъ узнали,

Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крѣстьяне лишь его глазами проводили.
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
„На что и время тратить намъ!“
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

Крыловъ.

П Р И В И Л Е Г І Я.

Когда-то Левъ велѣлъ указъ публиковать,
Что звѣри могутъ всѣ впередъ безъ опасенья,
Кто только смогъ кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Указа этого нигдѣ не толковали:
Всю силу тотчасъ понимали.
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливаютъ знай указъ, да обдираютъ.
Душъ, душъ погибло тутъ!
Что и считаютъ,
Не сочтутъ!
Лисицъ мудрено однако показалось,
Что дозволеніе такое состоялось,
Звѣрямъ свободу дать
Другъ съ друга кожу драть!
Весьма сомнительнымъ лисица находила,
И для себѣ самой, и для другихъ скотовъ.
„Повывѣдать бы льва!“ Лисица говорила,
И львиное его величество спросила,
Не такъ чтобъ прямо, нѣтъ! какъ спрашиваютъ львовъ,
По-лиси, на вѣсы кладя значенье словъ,
Все хитростію, обвиняками,
Придворно-гладкими словами:
„Не будетъ ли его величеству во вредъ,
Что хищны звѣри власть такую получили?“
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Ей левъ на то въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ.
Когда жъ по львову расчисленью,
Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью,
Левъ всемъ звѣрямъ къ себѣ явиться приказалъ.
Тутъ тѣ, которые дородствомъ отличались,
Домой не воротились.
„Вотъ я чего хотѣлъ, Лисицъ Левъ сказалъ:

Когда указъ вамъ далъ.
Чѣмъ по клочкамъ мнѣ, жиръ собирая, суетиться,
Я лучше далъ ему скопиться,
Чтобъ облегчить мой трудъ.“

Хотѣла было тутъ

Лисица въ возраженье

Сказать свое объ этомъ мнѣнъе,
И изъясниться Льву о дѣйствіи худомъ;
Да вобразила то, что говорить со Львомъ
И я бы за нашей отнюдь не заступилась,
Зажалъ бы, какъ Лисица, ротъ,

Когда бы въ Турціи родился,
Гдѣ иногда султанъ со льва примѣръ беретъ.

Хелницеръ.

СОБАКА НА СѢНѢ.

Собака на сѣнѣ лежитъ
И къ сѣну не пускаетъ,
Отъ злости вся дрожитъ

И лаетъ :

Не дамъ, не дамъ,

Не дамъ я вамъ, ворамъ.

Не дамъ, не дамъ!

Къ Собакѣ злой, проклятой,

Ни добрый Конь, ни Волъ рогатой,

Не только что смиренная Овца,

Не смѣютъ подойти рвануть клочокъ сѣнца,
А между тѣмъ Козель смердящій, бородатый,

Съ надмѣнной важною стоить,

Съ двумя Козами

Передъ ея глазами,

Блеютъ, крахтятъ

И сѣно взапуски ѣдятъ.

Да что жъ Собака то? Ужъ ли она не видитъ!

Нѣтъ, видитъ, но Козла съ Козами не обидитъ;

Они хоть сѣно и ѣдятъ,

Да говорятъ :

„Вотъ песъ, какого небывало!

Какъ много лаетъ! какъ спитъ мало!

Собакамъ всѣмъ честь и краса!

Ахъ! надобно ему дать золотой ошейникъ!“

Нѣтъ, это песъ мошенникъ!

Дубиной бы такого пса

Или каменьемъ для примѣра,

Какъ шелъму лицемѣра,

А объ Козла, объ Козъ

Не худо бы изломать пука три добрыхъ лозъ.

Измайловъ.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылають,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣ воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ врялямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все съ высока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ. —
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
„Сыскать начало всѣхъ началъ,“ —
Когда за облака онъ душой возносился,
Дорогой шедши — оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣ бросился веревку принести —
Премудрость изъ рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, рассуждалъ:
„Какая быть тому могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье “
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
„Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка! ухватися.
Я потащу тебя, держися!“ —
„Нѣтъ, погоди тащить: скажи мнѣ напередъ,
Понесъ студентъ обычный бредъ:
Веревка вещь какая?“ —
Отецъ его былъ не ученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
„Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.“ —
„На это бѣ выдумать орудіе другое!

Ученый все свое несеть :
А это что такое .
Веревка ! — вервѣ простое !“ —
„Да время надобно ! отецъ ему на то :
А это хотъ не пово,
Да благо ужъ готово.“ —
„Да время что ?“
„А время вещь такая,
Которое съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди, сказалъ отецъ : пока прійду опять !“
Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать ? .
Да яма надобна большая !

Хежницеръ.

М Ы Ш О К Ъ .

Въ прихожей на полу,
Въ углу
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ не рѣдко помыкался ;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набить ;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежить .
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха съѣсть не смѣетъ ;
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ .
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласково заводитъ ;
А ежели Мѣшокъ открыть,
То всякой на него умильно такъ глядитъ ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ .
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести .
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ :
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того - то худо будетъ .
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ ;
Хотъ онъ такую дичь несеть,
Что уши вянутъ :
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,

Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться стануть.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали,
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.
Мы басней никого обидѣть не хотѣли,
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль выдали,
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали;
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло — миллионъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь.
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступать какъ мѣшкомъ.

Крыловъ.

II. С К А З К И.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю,
Сижу повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ:
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ;
А я . признаться вамъ, игрушкою играю,
Котарая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгая въ садъ, уставши отъ забавъ,
И бросаю на постель, займусь Шехеразадой.
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ прощай учитель!
Симбирскъ и Волга! . все забывъ!
Уже я всей вселенны зритель,

И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видъ Кадіевъ волковъ.

Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!

Не лучше ль вамъ я ужоу,
Когда теперь одну изъ Сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ не важны, бесполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?

Для Сказки и того довольно;
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайте жъ. Во дни пль самаго Могола,

Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній отдалъ долгъ, какъ говорятъ, природѣ

Оставя сыну домъ,
Да денегъ въ сотню драхмъ не болѣ.
Сынъ проводя отца на общее всѣмъ поле,

Поплакалъ, покрустилъ; потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной

На всю мою казну,
И ею торговать начну,
Сначала въ малый торгъ, а тамъ — авось и въ дальней!
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ!

Все все изъ хрусталя; склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ!

А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!

И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, счастье и будуща судьбина!

Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробъ погребена.
Вотъ вздоръ какой мелю! погребена? — пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ по крайнѣй мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни, хоть куда изрядненькой доходъ!

На нихъ еще куплю посуды; лучше тише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,

Могу я наконецъ ужъ быть и въ дѣсяти,
И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду ювелиръ! Боярынямъ, боярамъ
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и — всего не вспомню;

Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ.

Тогда то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупить лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,

Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:

Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;
Нѣтъ! только кланяться, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива.

А у меня тогда

Всѣ тропки порастутъ Персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызгнутъ лимонадомъ,

И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей, —
А о столѣ уже ни слова;

Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такого,
Какого у меня не будетъ за столомъ.

И мой великолѣпный домъ

Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своею полезенъ;

Всѣхъ буду угощать: Нашей, наложницъ ихъ,
Пясавецъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ,
Визирскихъ подданныхъ — и такъ, умомъ, трудами,

А болѣе съ знатными водаясь господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ

Прекрасно! точно такъ!

Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Землиры, дочери, по Азии гремитъ;

Скажу ему: „Визирь! вступи въ родство со мною;
Будь тесть мой!“ Если онъ хоть чуть зашведитъ

Противное губами,

Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но, нѣтъ: Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна!

И я, по свадебномъ обрядѣ,

На утро, въ праздничномъ нарядѣ,

Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ въ огнѣ,

Поѣду избочась и гордо на конѣ,

Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою

Унизанъ бирюзой,

Въ домъ къ тестю Визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядѣ.

Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ,
Среди куреній благовонныхъ.
Я, сѣвши важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: „Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
Объщанные мной тебѣ;
И сверхъ того еще вотъ пять во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь;
А съ ними и мое прими благодаренье.“
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирь полечу;
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра. о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу весь народъ,
Отъ мала до велика,
Толпами привала на дворъ
Кричитъ, составя хоръ!
„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“
А въ залѣ знатность: Сераскиры,
Паша и прочіе стоятъ
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
И тутъ - то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему;
А на тебя, Абдуль, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
Что разлучилъ меня съ Фатимой моей,
Съ которой около трехъ дней
Я жилъ душою въ душу!
О! я уже тебя не трушу, —
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь:
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжанишь
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь волнуешь,
И я, уже владѣть не въ страхъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
Пинками! „И въ жару восторга пашъ мечтатель,
Визирской гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ; а хрусталь
Запрыгаль, зазвенѣлъ и — въ дребезги разбился!
И такъ, мои друзья! хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — разженился.

Дмитріевъ.

П Р И Ч У Д Н И Ц А.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна,
Не знаю подлинно при коемъ Государѣ, —
А только слышалъ я, что Русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,

Но слѣдуя Шьмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ,
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрапа процвѣтала;
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала.

Имѣла мать, отца,
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой тесовой домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дурь содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однако меньше знали.

Вѣтрапа куколкой всегда разряжена,
И каждой день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
Затѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ — то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,

И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.

Одна Вѣтрапа лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны,
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь, — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы —

Не трогали мою надмѣнну красоту.
Ей царствующій градь казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ :

„Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ ужасъ неразлученъ;
Сердечкинъ поетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой - то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ ;

Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.“
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ;

Родня и другъ ее забывалъ;
Пріѣздъ къ пригожиньской цѣлѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью одной;
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,

Надутой, но пустой?
Она лишь пучить въ насъ, а не питаетъ душу!

Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ Вѣтра на съ ней сначала ну звать;
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью, — а та, извольте знать,

Чудесной силою невѣдомой науки

Творила на Руси неслыханныя штуки!

О если бы возсталъ изъ гроба ты сей часъ
Драгунской витязь мой, о Ротмистръ Брамербасть!
Ты, бывший столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! я помню, какъ во снѣ,
Что ты рассказывалъ еще ребенку мнѣ,

Какъ вѣдьма пѣкая въ сараѣ,

Оборота тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоёмъ до полуночи,
Докопѣ ты уже не выбился изъ мочи;
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты рассказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохрипомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Какъ волосы твои сѣдые съ желтизною
Въ природной простотѣ взвивали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ-подобномъ твоему я страхъ быть и самъ,
Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрялъ,
И что ужъ ты не конь еще тому не вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бѣ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!

Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску:
Но ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и былъ идетъ за Сказку!
Простите, виноватъ, немного отступилъ,
Но истинно не я, восторгъ причиной былъ.
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ,

И такъ дослушайте жъ: однажды вечеромъ
Сидитъ облокотясь Вѣтра на подъ окномъ,
И возведя свои уныло ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Грустить и думать: „прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,

Гдѣ матушка моя ликуеть?

Увы! не уже ль ей, которой небеса
Вручили власть творить различныя чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуеть;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ! если бы она хоть глазки показала!“
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
Здорово, дитятко! Вѣтра нѣ говоритъ:

Какъ поживаешь ты? но что твой кажется видъ?

Ты такъ стара, такъ похудѣла!

И бывши розою, какъ лилія блѣдна!

Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?

Откройся „Матушка, отвѣтствуетъ она:

Я жизнь мою во скукъ трачу;

Настанетъ день, тоскую, плачу;

Покроетъ ночь, опять грущу,

И все чего-то я ищу.“

Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездорова?

О! нѣтъ, грѣшно сказать.“ Плъ домъ вашъ небогатъ?

„Повѣрьте, не хочу и мраморныхъ палатъ.“

Иль мужъ обычая лихова?

„Напротивъ, врядъ найти другога,

Который бы жену столь горячо любилъ.“

Иль онъ не нравится? „Нѣтъ, онъ довольно милъ.“

Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна?

„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна.“

Чего же, глушенька, тебѣ недостаетъ?

„Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,

И такъ я все въ немъ ненавижу,

Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ нибудь понасть отсель

Хотя за тридевять земель;

Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,

Все новостію поражало

И рѣдкостью мой умъ и взоръ;

Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ

Представилъ былъ, какъ небылицу.

Короче, дай свою увидѣть мнѣ столицу!“

Старуха хитрая, кивая головой,

Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?

Желанье дерзко . безразсудно,

То правда, но его исполнить мнѣ не трудно;

Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить?

Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и проучить.

Изрядно, наконецъ, сказала:

Исполнится, какъ ты желала —

И вдругъ, о чудеса!

И крестница и мать взвились подъ небеса

На лучезарной колесницѣ,

Подобной въ быстротѣ синицъ;

И меньше, нежели въ три мига,

Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,

Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнуть неизмѣнный!

Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,

Деревья яблонны, кусточки ананасны;

А горы всѣ или янтарны, плъ топазны.

Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ,

То врядъ изобразить и Богдановичъ самъ.

И только то скажу, что всѣ матеріалы —
А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ —
Изъ конихъ Фенихъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгрозоздиль, — лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, широкъ, кристалль,

Жемчугъ и лалъ,
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты Русски оды.
А садъ — повѣрите ль? — не только описать

Иль въ Сказкѣ рассказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй выдумать не трудно;
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много что во тѣмъ кудрявыхъ словъ
Удастся Царское село тебѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше трудъ оставить

И далѣ продолжать: Вѣтра на николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
И мыслить, что мечта во снѣ надъ ней играть.
Войдя же въ храминны чудесницы своей,
И пуще шурится: то блескъ отъ хрусталеи,
Сребристыя луны сражаясь съ лучами,
Которые бѣ почлись за солнечныя нами,
Какъ яркой молніей слѣпить Вѣтранинъ взоръ;
То перламуть хруститъ подъ ней или фарфоръ —
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!

Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка! поживай и веселись здѣсь,
Всебѣда говорить: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,

Велѣніямъ моимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,

Отправляюсь на мало время,
(Вѣдь у меня заботъ берема)
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда — въ Колѣ;

Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману.

Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану.
Тутъ коврикъ самолетъ она подослала,
Ступила, свиснула, и въ мигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была

А удивленная Вѣтра на,

Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразы.
Онѣ тотчасъ ее подѣ руки подхватили,
Помчали, и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у паса.

Вѣтра на кушаетъ, а дѣвушки: прекрасны,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ся и сердце улаждать.
Потомъ она едва задумала вставать,
Вдругъ дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало;
Ужъ спальной сдѣлалась она!

Вѣтра на чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ нѣшѣ,
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый зашѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ свѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу шѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтра ною уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ.

И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ; и голосъ соловья,
Слѣянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзвато фонтана

Воспѣлъ: „Проснись, проснись, счастливая Вѣтра на!“
Она проснулась — и спальная ужъ садъ!

Жилище райское веселій и прохлады!

Повсюду чудеса Вѣтра на обрѣтала:

Гдѣ только ступить лишь, тутъ роза разцвѣтала!
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонныя дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей, какъ бархатъ, отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;

Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ

Мелькаютъ рыбки золотыя;

Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,

И понутан голубые

Со эхомъ въ запуски твердятъ:

„Вѣтра на! насыщай свой взглядъ!“

А съ полднемъ новая картина:

Садъ превратился въ храмъ,

Украшенный по сторонамъ

Столпами изъ рубина,

И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ

Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.

И вдругъ отъ свода опустился

На розовыхъ цѣняхъ столъ круглый изъ серебра

Съ такою жъ пищей, какъ вчера,

И въ воздухѣ остановился;

А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордился бѣ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести! это рай! ну, если бы теперь,
Вѣтрона думаетъ, подкрался въ эту дверь.“
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула,
Сошла со трона и вздохнула.
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатъ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній,
А на другой день то жъ. — „Но что это за мѣръ?
Вѣтрона говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:
Все этакъ, то тоска возьметъ и среди рай!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядѣшь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы, я пуще жизнь свою возненавижу!
Веселѣе веселить, когда его дѣлать.“
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тѣма, всталъ вихоръ, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ;
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная Вѣтрона
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ —
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрона возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попала она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелѣтаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка запеваетъ.
Сиротка думаетъ, птти ли ей, иль нѣтъ.
И ждать, когда луны забрезжитъ блѣдная свѣтъ?
Но это чашъ веровъ! И такъ она рѣшилась

Не мѣшкая идти; и такъ перекрестилась,
Вдохнула и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою.

Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступить шагъ ногою:
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ — куку!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится *ау*, то вспыхнулъ огонёкъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенёкъ;

То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы посылалъ.

Не даромъ и Вѣтрона плачетъ!

Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, кто то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми,
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаячи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!

Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ;
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку

И понерегъ кладетъ сѣдла,

А самъ, надвинувъ шапку,

Принавъ къ лукъ, летитъ какъ изъ лука стрѣла!

Летитъ, исполненный отваги

Черезъ холмы, горы и овраги,

И Клязьмы доскакавъ высокихъ береговъ,

Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ!

Вѣтрона жъ: ахъ! и пробудилась.

Представьте, какъ она взглянувши удивилась!

Вся горница полна людей:

Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;

Сестры и тетушки вокругъ ея постели

Въ безмолвіи сидѣли;

Въ углу приходской попъ молился и читалъ;

Въ другомъ углу колдунъ досужій бормоталъ;

У шкафа жъ за столомъ, вощанкою накрытымъ,

Прописывалъ рецептъ Хирургусъ изъ Нѣмчинъ,

Который по Москвѣ считался знаменитымъ

Затѣмъ, что былъ одинъ.

И все собраніе Вѣтраны съ первымъ взоромъ;

Очнулась! возгласило хоромъ;

Очнулась! повторяетъ хоръ:

Очнулась! — и весь дворъ

Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнувъ: слава Богу

Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!

А въ эту самую тревогу

Вошла Всегда въ дверь

И бросилась къ Вѣтранѣ.

„Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты не ранѣ?

Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?

И что я видѣла? — страхъ ужасъ!“ Ты спала,

А видѣла лишь бредъ, Всеѣда отвѣчаетъ;

Прости мнѣ, старуха продолжаетъ:

Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты,

По молодости лѣтъ, ударила въ мечты,

И для того, когда ты съ прозбой приступила,

Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила,

И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,

Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ

И новыхъ благъ желая,

Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рай.

Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?

И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!

Будь добрая жена и мать чадолюбива,

И будешь всѣми ты почтенна и счастлива.

Съ симъ словомъ бросилась Вѣтрана обнимать

Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую Всеѣду.

Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;

Наѣхали, нашли, и сѣли пировать.

Ужъ лицецъ зашилѣлъ, все стало веселѣе,

Всякъ пьетъ и говорить, любуясь на бокалъ:

„Что Матушки Москвы и краше и милѣ?“

— Насилу досказалъ.

Дмитріевъ.

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

(Русская сказка.)

Часть I.

За горами за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣли пшеницу,
Да возили подъ столицу:
Знать столица та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали,
И, съ телѣгою нустой,

Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить,
И пшеницу ихъ косить.
Мужички такой печали.
Отъ рожденья не видали.
Стали думать да гадать —
Какъ бы вора имъ поймать,
И рѣшили всенародно:
Съ ночи той поочерѣдно
Полосу свою беречь,
Злаго вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться, —
Началъ старшій братъ собираться,
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страху нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходить; день приходитъ,
Съ сѣнника дозорный сходитъ,
И обшедь избу кругомъ,
У дверей стучить кольцомъ.
„Эй! вы, сонныя тетери!
„Отпирайте брату двери;
„Подъ дождемъ я весь промокъ
„Съ головы до самыхъ ногъ.“
Братя двери отворили,
Караульнаго впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помоллся,
Вправо, влѣво поклонился,
И прокашлявшись, сказалъ:
„Цѣлу ноченьку не спалъ;
„На мое жъ притомъ несчастье,
„Было страшное ненастье,
„Дождь вотъ такъ ливня и лилъ;
„Подъ дождемъ я все ходилъ;
„Правда, было мнѣ и скучно,
„Впрочемъ все благополучно.“
Похвалилъ его отецъ.
„Ты, Данило, молодецъ!
„Ты, вотъ такъ сказать прифранъ,
„Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
„То есть будучи притомъ,
„Не ударилъ въ грязь лицомъ.
Снова начало смеркаться,

Средній сынъ пошелъ собирать,
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала,
На него тоска напала,
Зубы начали плясать,
Онъ — ударился бѣжать,
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки предъ заборомъ.
Только начало свѣтать,
У дверей онъ сталъ стучать,
„Эй! вы сони! что вы спите?
„Брату двери отоприте;
„Ночью страшный былъ морозъ,
„До костей я весь промерзъ.“
Братъ двери отворилъ,
Караульного впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помоллся,
„Вправо, влѣво поклонился,
И сквозь зубы отвѣчалъ:
„Всю я поченъку не спалъ.
„Да къ моей судьбѣ несчастной,
„Ночью холодъ былъ ужасной,
„До костей меня пробралъ;
„Цѣлу ночь я проскакалъ,
„Слишкомъ было несподручно,
„Впрочемъ все благополучно.“
И ему сказалъ отецъ:
„Ты, Гаврило, молодецъ!“
Стало въ третій разъ смеркаться,
Надо младшему собирать;
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поетъ
И зо всей дурацкой мочи:
„Расприкрасныя вы очи.“
Братъ ну его ругать,
Стали въ поле посылать;
Но сколь долго ни кричали,
Только время потеряли:
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,
Подошелъ къ нему отецъ,
Говорить ему: „Послушай,
„Ты поди въ дозоръ, Ванюша,
„Я нашью тебѣ обновъ,
„Дамъ гороху и бобовъ.“
Вотъ дуракъ съ печи слѣзаетъ,
Шапку на-бокъ надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,

И шатаясь идетъ.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все дуракъ обходить,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива точно золотая,
Въ мелки кольца завитая.
„Эхе — хе! такъ вотъ какой
„Нашъ воришко, но постой,
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„Разомъ сяду те на шею.
„Вишь, какая саранча!“
И минуту улуча,
Къ колыбицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ,
И садится на хребетъ —
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачетъ, то забьется,
То вдругъ круто повернется;
Но дуракъ и самъ не простъ,
Крѣпко держится за хвостъ.

Наконецъ она устала.

„Ну, дуракъ (ему сказала)
„Коль умѣлъ ты усидѣть,
„Такъ тебѣ мной и владѣть.
„Ты возьми меня съ собою,
„Да ухаживай за мною,
„Сколько можешь. Да смотри,
„По три утренни зари
„Отпускай меня на волю,
„Погулять по чисту полю.
„Не простымъ корми овсомъ, —
„Бѣлодровымъ ишеномъ;
„Не озерной пой водою,
„Но медовою сытою.
„Но исходъ же трехъ дней,
„Двухъ рожу тебѣ коней,
„Да такихъ, какихъ на свѣтѣ

„Не бывало и въ примѣтъ;
„Еще третьяго конька,
„Ростомъ только въ три вершка,
„На спинѣ съ двумя горбами,
„Да съ аршинными ушами.
„Первыхъ ты коней продай,
„Но конька не отдавай,
„Ни за яхонтъ, ни за злато,
„Ни за царскую палату
„Да смотри же забудь:
„Только кони подростутъ,
„Не держи меня въ неволѣ
„А пусти на чисто поле.“

Ладно, думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
„Ходилъ молодецъ на Прѣсню.“

Вотъ онъ сходитъ на крыльцо,
Вотъ берется за кольцо;
Что есть силы въ дверь стучится,
Такъ что кровля шевелится,
И кричитъ на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Братья съ лавокъ поскакали,
Занкаяся, вскричали:

„Кто стучится сильно такъ?“
— „Это я! Иванъ дуракъ!“ —
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
И давай его ругать, —
Какъ онъ смѣетъ такъ стучать.

А дуракъ нашъ, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь,
И ведетъ оттуда рѣчь
Про ночное похождение,
Старику на удивленье.
„Цѣлу ноченьку не спалъ,
„Звѣзды на - небѣ считалъ;
„Мѣсяцъ ровно также свѣтилъ,
„Я порядкомъ не примѣтилъ.
„Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
„Съ бородою и съ усамъ;
„Рожа словно какъ у кошки,
„А глаза — такъ что те ложки.
„Онъ пшеницей сталъ ходить,

„И давай хвостомъ косить.
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„И вскочи ему на шею;
„Ужъ носилъ же онъ, носилъ,
„Такъ что выбился изъ силъ;
„Въ воровствѣ своемъ признался,
„И пшеницу ѣсть заклался.“
Тутъ раскащикъ замолчалъ,
Позѣвнуль и задремалъ.
Братья, сколько ни сердчали,
Не смогли, захохотали,
Подпершися подъ бока,
Надъ рассказомъ дурака.
Самъ отецъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться;
Хоть смѣяться, такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

Вотъ однажды братъ Данило,
(Въ праздникъ, помнится, то было)
Возвратившись съ свадьбы пьянъ,
Затащился въ балаганъ.
Тамъ увидѣлъ онъ красивыхъ
Двухъ коней золотогривыхъ.
Еще третьяго конька,
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами
Да съ аршинными ушами.
„Хе! теперь то я узналъ,
„Для чего здѣсь дурень спалъ,
(Говоритъ себѣ Данило)
„Дай скажу о томъ Гаврилъ.“
Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
И Гаврилъ говоритъ.
„Посмотри какихъ красивыхъ,
„Двухъ коней золотогривыхъ
„Нашъ дуракъ себѣ досталъ;
„Ты такихъ и не видалъ.“
И Данило да Гаврило,
Что въ ногахъ ихъ мочи было,
Черезъ кочки, чрезъ бурьянъ,
Побѣжали въ балаганъ.

Кони ржали и храпѣли;
Очи яхонтомъ горѣли;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ раскинуть золотой,
И алмазныя конькы
Крупнымъ жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь Царю бѣ на нихъ сидѣть!
Братья такъ на нихъ смотрѣли,

Что чуть глазъ не проглядѣли,
„Гдѣ онъ это ихъ досталъ?
(Старшій младшему сказалъ)
„Но издавна рѣчь ведется,
„Что все глушымъ удается;
„Будь преумная душа,
„Не добудешь и гроша.
„Ну, Гаврило! въ ту седмицу
„Отведемъ ка ихъ въ столицу,
„Тамъ боярамъ продадимъ,
„Деньги вмѣстѣ раздѣлимъ;
„А съ денжонками самъ знаешь,
„И попьешь и погуляешь,
„Стоитъ хаоннуть по мѣшку.
„А Ивану — дураку
„Не достанетъ вѣдь догадки,
„Гдѣ гостять его лошадки;
„Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ.
„Ну, Гаврило, по рукамъ!“
Братья разомъ согласились;
Обнялись перекрестились,
И вернулись домой,
Говоря промежъ собой
Про коней и про пирушку,
И про чудную свиньюшку.

Время катитъ чередомъ
Часъ за часомъ, день за днемъ;
И чрезъ первую седмицу
Братья ѣхали въ столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристани узнать:
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами;
И нейдетъ ли Царь Салтанъ
Бусурманитъ Христіанъ?
Вотъ Иконъ помолились,
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ
И отправились потомъ;
Удалого погоняютъ,
Да о деньгахъ разсуждаютъ.

Вдругъ дуракъ — часовъ чрезъ пять —
Вздумалъ въ полѣ ночевать.
Дураку ли мѣшкать? Дѣло
У него въ рукахъ кнѣло;
Онъ околицей идетъ,
Ѣстъ краюшку да поетъ.
Вотъ рогожку поднимаетъ,
Руки въ боки подтираетъ,
И съ прискочкою Иванъ

Бокомъ входить въ балаганъ ;
Все по прежнему стояло ,
Двухъ коней какъ не бывало ,
Лишь бѣдняжка Горбунокъ
У его вертѣлся ногъ ,
Хлопалъ съ радости ушами
И приплясывалъ ногами .
Какъ завоюетъ тутъ Иванъ ,
Опершись о балаганъ :
„Ой, вы, кони буры - сивы ,
„Мои кони златогривы !
„Я кормилъ - то васъ , ласкалъ ,
„Да какой васъ чортъ укралъ ?
„Чтобъ пропасть ему — собакъ !
„Чтобъ издохнуть въ бояракъ !
„Чтобъ ему на томъ свѣту ,
„Провалиться на мосту ?
„Ой, вы, кони буры - сивы ,
„Мои кони златогривы !“

Тутъ конекъ его прервалъ :
„Не тужи Иванъ ! (сказалъ)
„Велика бѣда, — не спорю
„Но могу помочь я горю .
„Ты на чорта не клеpli ,
„Братья коней увели ,
„Какъ поѣхали изъ дому .
„Но что мешкать по - пустому
„На меня скорѣй садись ,
„Только знай - себѣ , держись .
„Я хотѣ роста небольшого ,
„Но смѣню коня другаго ;
„Какъ пушусь да побѣгу ,
„Такъ и бѣса настигу .“

Тутъ конекъ предъ нимъ ложится ,
На него дуракъ садится ,
Крѣпко за уши беретъ .
Горбунокъ - конекъ встаетъ ,
Черной гривкой потрясаетъ ,
На дорогу выѣзжаетъ ;
Вдругъ заржалъ и захрапѣлъ ,
И стрѣлою полетѣлъ ,
Только черными клубами
Пыль вертѣлась подъ ногами .
И чрезъ нѣсколько часовъ
Нашъ Иванъ догналъ воровъ .

И. Ершовъ.

Изъ Комедіи :

Г О В О Р У Н Ъ.

Лиза и Графъ Звоновъ.

Гр. Звоновъ (не видя Лизы).

Почести, пресмѣшно! и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить!
Увидѣвшись съ людьми, сядишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь, и что-нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напримѣръ, мнѣ Графъ, старинный другъ;
Затѣхалъ къ Графу я — а Графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ, и что жъ? вообразите

Лиза.

Позвольте васъ спросить, вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

Гр. Звоновъ.

А, а, здорова ли? — все къ лучшему идетъ;
Здорова, очень радъ, я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? — Какое приключенье!
Представь, она сейчасъ дала мнѣ порученье
Затѣхать къ Лелевой, кой что ей рассказать.
Бѣгу, скачу, лечу — и могъ ли ожидать.
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за враки;
Я въ домъ не нашелъ ни бѣшеной собаки:
Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ,
И ѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Николѣ:
Обѣдня кончилась — поѣхалъ я въ Сенатъ,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пѣски,
Съ Пѣсковъ въ Садовую, — какіе все скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской;
Оттуда поскакалъ объѣхать острова, —
Отъ мысли сей одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій,
Съ Крестовскаго

Лиза (съ живостію перебивая).

И я — сегодня точно жъ такъ

Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погребъ, оттуда въ кладовую;
Лишь съ лѣстницы сбѣгу — на лѣстницу опять;
Кричать: бѣги, подай, умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло!

Павловск. Хрест.

Но къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень Графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ — весь домъ привелъ въ тревогу;
Но вспомня, что онъ гость — убрался слава Богу!
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ!

Г р. З в о н о в ъ.

Ты слишкомъ, кажется, изволила забыться;
Такъ дерзко отвѣчать мнѣ всякой побойтся;
И если бъ менѣ Прелесту я цѣнилъ,
Я бъ тотчасъ показалъ. — Но я тебя простилъ;
Совѣтую впередъ, чтобъ не нажить худова,
Съ почтеньемъ отвѣчать, или не пикнуть слова.

Л и з а.

Нѣтъ! даръ молчанія наука не по насъ,
И въ этомъ я пошлюсь — на перваго на васъ.

Г р. З в о н о в ъ.

И такъ за дерзости накажешься ты строго;
Такихъ, какъ я, людей, конечно здѣсь не много,
И это угадать могла бы ты сама;
Но я не виноватъ, что нѣтъ въ тебѣ ума.
Прелесту дѣлаю я знатной госпожею;
Я буду мужемъ ей, она моей женою;
Я скоро Генераль, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ,
Меня ль не произвестъ? я въ службѣ двадцать лѣтъ.
Смѣшно бы оказать Модесту предпочтенье;
Я вѣрно передъ нимъ. Но что тутъ за сравненье!
Женитбой услужить я могъ бы и другимъ —
Вѣтранъ, Лелевой, — я ими страхъ любимъ!
Но впрочемъ для меня Прелеста ихъ милѣ:
Не такъ хотъ хороша, за то она умнѣ;
Добра, ловка, скромна, — и трудно что сыскать,
Не любить никогда ни спорить, ни болтать.

Л и з а.

Я васъ благодарю за ваше снисхожденье:
Какая честь для насъ: какое одолженье!

Г р. З в о н о в ъ.

Прощай, теперь скачу Министровъ торопить,
Нѣтъ! мѣста у меня Модесту не отбить.
Да кстати, вотъ и онъ.

Л и з а.

Прощайте очень рада!
(Уходитъ).

Г р. З в о н о в ъ (съ улыбкой).

Онъ бѣшенъ! На лицѣ написана досада!
Но онъ соперникъ мой и я — я очень радъ.

Гр. Звоновъ и Модестъ.

Гр. Звоновъ (встрѣчая Модеста.)

А, здравствуйте, сударь! Я слышалъ, говорятъ,
Что вы, мнѣ странно то, но шутки тутъ не къ мѣсту,
Хотите у меня отбить мою невѣсту?
И мѣсто самое, котораго просилъ,
Которое умомъ и кровью заслужилъ!
Что вы, что вы, сударь, въ числѣ моихъ злодѣевъ;
Что ищете пожать плоды моихъ трофеевъ,
Что вы, читавшіе мой списокъ послужной,
Равняться вздумали заслугами со мной!
Не смѣя отвѣчать

Модестъ.

Я время дожидался,
Пока вы кончите; но всякой бы признался,
Что вы сердиться такъ за это не должны,
И службой нашею мы, кажется, равны.

Гр. Звоновъ.

Какъ? мы равны, сударь! Вы ль это говорите?
Заслуги ли свои съ моими вы сравните?
Я въ службу на лицо вступилъ въ пятнадцать лѣтъ.
Я былъ ужъ Офицеръ, — а вы, сударь, Кадетъ.
Я всюду поспѣвалъ: былъ въ тысячи сраженьяхъ,
Въ траншеяхъ, въ приступахъ, побѣдахъ, пораженъяхъ;
Вездѣ торжествовалъ — и въ мирѣ и въ войнѣ;
Спросите всякаго! всѣ знаютъ обо мнѣ!
Всѣ видѣли меня при тысячахъ осадахъ,
Переднимъ въ приступахъ и заднимъ въ ретиродахъ!
Могу ли позабыть я первый мой походъ?
То было въ Австріи, не вспомню только годъ,
Въ іюлѣ мѣсяцѣ, числа числа шестаго;
Шестаго, точно такъ: съ поста передоваго
Сраженъе началось поутру въ три часа;
И тутъ-то въ первый разъ я строилъ чудеса!
Графъ Знатовъ въ этотъ штурмъ чуть жизни не лишился!
Вы знаете его? Онъ выгодно женился;
Жена его мила, въ большихъ теперь связяхъ,
А лучше что всего, богата такъ, что страхъ!
Но грѣхъ завидовать такой его удачѣ.
Я былъ вчера у нихъ — они живутъ на дачѣ,
Представте

Модестъ.

Знаю все — и право очень радъ,
Что вы изъ Австріи пріѣхали назадъ.
А что до нашихъ мѣстъ — успѣхи вамъ покажутъ;
Что я не безъ друзей.

Гр. Звоновъ.

Имъ вѣрно ужъ откажутъ
И мѣста моего конечно я дождусь:

Когда не вѣрите, такъ я вамъ побожусь!
Мои, сударь, друзья на вашихъ не похожи,
И ваши — кто-нибудь, а наши — все вельможи.
И чтобы наконецъ увѣрить въ этомъ васъ,
Такъ я съ однимъ письмомъ поѣду къ нимъ сейчасъ.
По этому письму все сдѣлають, что должно.
Узнайте жъ, чье оно? Но это невозможно,
Особа эта здѣсь со всѣми знакома;
Милень другъ она, а мнѣ она кума;
Довольно ль этого? Но болѣе ни слова.
Она хоть и беретъ, но въ этомъ нѣтъ худова.
Условившись въ цѣнѣ, все сдѣлаетъ какъ разъ;
И я съ ее родней — заѣду къ ней сей часъ.

М о д е с т ь (въ сторону).

Милень другъ? Да кто жъ? Вѣтра! статья можетъ;
Она мнѣ знакома, и вѣрно мнѣ поможетъ;
Вотъ случай! — И теперь успѣть не мудрено;
Нарочно съѣзжу къ ней.

Г р. З в о н о в ъ.

Ужъ дѣло рѣшено.

Но если бъ даже мнѣ, — чего не можетъ случиться,
Пришлось бы какъ-нибудь отъ мѣста отказаться,
Такъ все-таки не вамъ Прелестой обладать,
И тетка можетъ ей

М о д е с т ь (съ насмѣшкою).

Любить васъ приказать.

Г р. З в о н о в ъ.

Не лъзя ли помолчать, я говорю, конечно,
И лучше, и скорѣй .

М о д е с т ь (перебивая).

И страхъ безчеловѣчно!

Г р. З в о н о в ъ.

О зависть! — Но я васъ смѣяться отучу;
Я это говорю, и этимъ не шучу.
Языкъ, сударь, для насъ всего дороже въ свѣтѣ;
Въ любви ли? въ обществѣ ль? въ ученѣ ли совѣтѣ?
Искуснымъ языкомъ мы сдѣлать можемъ все.
Коль мало этого — прибавлю вамъ еще,
Что стыдно, и смѣшно, и глупо для инова
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ, и не сказать ни слова.

М о д е с т ь.

Нужнѣе, кажется, чтобы дѣлу пособить,
Такъ больше хлопотать, и меньше говорить.
Болтанье лишнее и скучно и несносно.

Г р. З в о н о в ъ.

Или бѣсить меня хотите вы нарочно?
Васъ слушать, и молчать — терпѣнья право нѣтъ.
Меня ли вамъ учить? Когда я былъ трехъ лѣтъ,
Такъ я ужъ говорилъ гораздо васъ бойчѣе,
И громче, и скорѣй, и лучше и вольнѣе!

Однажды — съ братьями заспорилъ что-то я;
Но это такъ умно, что бабушка моя,
Взявъ на руки меня

М о д е с т ь (въ сторону).

Ну! люди ужъ сбѣжались?

Т ѣ ж е и с л у г а.

С л у г а (Графу).

Князь просить ѣхать васъ, куда вы съ нимъ собирались.

Г р. З в о н о в ѣ.

(Слугѣ) Сей часъ. (Модесту) Взявъ на руки ..

М о д е с т ь (въ сторону).

Я бьюся объ закладъ,

Что онъ.

С л у г а (Графу).

Князь ждетъ, сударь.

Г р. З в о н о в ѣ (слугѣ).

Онъ ждетъ? я очень радъ.

Сей часъ (слуга уходитъ).

Г р а ф ѣ З в о н о в ѣ и М о д е с т ь.

Г р. З в о н о в ѣ.

Взявъ на руки — простите повторенье —
Взявъ на руки меня, старушка въ восхищеньѣ

Сказала батюшкѣ: „припомни, мой сынокъ,

Я вижу по всему, въ ребенкѣ будетъ прокъ!“

И правда, одаренъ я памятью чудесной!

Я все перечиталъ, мнѣ все теперь извѣстно;

Я разомъ выучу хоть тысячу стиховъ,

И такъ понаторѣлъ, что самъ писать готовъ.

И что жъ мудренаго? я знаю всѣ разиѣры,

И мигомъ бы попалъ въ Софоклы иль Гомеры!

Здѣсь Геніемъ прослыть трудъ право не великъ:

Лишь нуженъ Меценатъ и Греческій языкъ.

М о д е с т ь.

Имѣйте даръ и вкусъ — они для васъ нужнѣе.

Г р. З в о н о в ѣ.

Но я вамъ докажу, что этого сильнѣе?

Что въ рѣчи именно извѣстнаго творца

Публично признанъ тотъ чуть-чуть не за глупца,

Кто пишетъ и, къ стыду, по Гречески не знаетъ!

Хоть самъ не доучась, другихъ онъ научаетъ;

Но кто безъ слабостей? У всякаго своя;

Онъ добрый человѣкъ, и Богъ ему судья!

А впрочемъ, почему жъ не тѣшиться отъ скуки?

Но кромѣ языковъ, я знаю всѣ науки:

Исторія изъ нихъ главнѣйшій мой предметъ.

Попробуйте спросить — я мигомъ дамъ отвѣтъ.

Я знаю все, сударь: героевъ, ихъ дѣянья,
Всѣ царства, города, и словомъ всѣ преданья!
Тутъ Дарій въ торжествѣ, тамъ Александръ въ цѣняхъ
Везется въ Персію. Простите, въ торопяхъ
Я въ происшествіяхъ, какъ кажется, сбиваюсь.

М о д е с т ь.

Я вашимъ знаніемъ, по чести, восхищаюсь!
И право бѣ стоило, коль смѣю дать совѣтъ,
Такія свѣденія издать скорѣе въ свѣтъ.
Божусь, для рѣдкости, ихъ съ жадностью раскупятъ.

Г р. З в о н о в ь.

Съ твореніемъ такимъ не иначе поступать.

Хмельницкій.

Изъ Комедіи:

Ч У Д А К О В Ъ.

В ы с о н о с ь (съ двумя кортиками подъ полою, бумагою толсто обложенъ, и кафтанъ весь застегнутъ) и **П р о л а з ь**.

В ы с о н о с ь (самъ съ собой вдали).

Я такъ сердитъ, что свѣтъ мнѣ кажется, какъ ночь.

Надѣяся на то, что глупой этотъ струситъ,

Намѣренъ я его на поединокъ звать. —

Ну, сжали его чортъ храбрости укуситъ,

И если вмѣсто онъ того, чтобы дрожать,

Пріободрившись, не вздумаетъ бѣжать? — —

Пропалъ я, — но тому быть кажется не можно.

Слыхалъ я, Философъ не любитъ умирать.

Притомъ же поступилъ я очень осторожно:

Бумаги дестъ на грудь вложилъ я, вмѣсто латъ.

П р о л а з ь (издали).

Зачѣмъ ты здѣсь одинъ: любезный другъ и братъ?

В ы с о н о с ь (самъ себѣ).

Одинъ? любезный другъ и братъ! — о! онъ робѣетъ!

(Къ Пролазу гордо и смѣло).

Коль чести правила бездѣльникъ разумѣть —

П р о л а з ь (также гордо и смѣло).

Ну что жъ?

В ы с о н о с ь (струся).

Ну только. (Самъ себѣ) Чортъ его пускай возметъ!

Онъ смотритъ, будто бы меня совсѣмъ сожретъ.

П р о л а з ь (самъ себѣ).

Его мнѣ блѣдный видъ добра не предвѣщаетъ;

Онъ, кажется, меня какъ рѣпку искушаетъ.

В ы с о н о с ь (самъ себѣ).

Ну, милый Высоносъ! пріободрись, дружокъ!

Онъ храбрымъ кажется, быть можетъ, только съ рожн.

(Пролазу.)

Ты знаешь ли, на что твои дѣла похожи?

Пролазъ.

На что?

Высонось.

На то, за что сажаютъ васъ въ острогъ.

Пролазъ (самъ себѣ).

Отъ ужаса ни рукъ не чувствую, ни ногъ;

Однако должно скрыть мнѣ робость ради чести.

Высонось.

(Самъ себѣ.)

(Пролазу.)

Изрядно, онъ дрожитъ! — Что жъ ты не говоришь!

Не видя ничего, ужъ ты какъ листъ дрожишь.

Пролазъ.

Не горячися такъ; сказать тебѣ безъ лести,

Отъ сердца я дрожу, (отступалъ далѣе); и бойся ты меня!

Высонось (также отступая далѣе).

Бояться мнѣ? тебя — тебя? такова пня!

Ты долженъ отвѣчать за смертную обиду,

Котора сдѣлана и барину и мнѣ.

Хоть тресни, но отсель дотолъ я не выду,

Доколъ кортикомъ не прилѣплю къ стѣнѣ.

(Вынимаетъ кортикъ.)

Пролазъ.

Разбойникъ ты! вѣдь я, ты видишь, безоруженъ!

Высонось.

Ты судишь по себѣ равно и обо мнѣ:

О чести знать тебя я болѣе досуженъ.

Для защищенія тебѣ колъ кортикъ нуженъ,

Возьми, вотъ онъ (бросаетъ Пролазу одинъ кортикъ издали):

И знай, я честный человѣкъ.

Пролазъ (поднимая кортикъ).

Увидишь, я каковъ; твой кортикъ поднимаю;

Но какъ я Философъ, то вѣдай, что во вѣкъ

Я первый брани, дракъ ни съ кѣмъ не начинаю.

Ты наступай (отходитъ подалѣе).

Высонось.

Нѣтъ ты (отступаетъ подалѣе).

Пролазъ.

Вѣдь ты обиженъ былъ.

Высонось.

Ты правду говоришь, я это позабылъ.

Давай! (не вынимая кортиковъ изъ ноженъ, оба машутъ издали).

Постой еще, мы не уговорились,

Колоться ль должно намъ, или рубку произвестъ.

Что до меня, моя рубиться любить честь.

Высонось.

Моя колоть.

Пролазъ.

Такъ мы еще не согласились?

Высонось.

Не соглашуся я рубиться никогда.

Пр о л а з ъ.

А я колоть — и такъ дуэль не состоялась.

В ы с о н о с ь.

Хоть трусомъ почиталъ тебя я завсегда,
Не думалъ, чтобъ Пролазъ колотья отказался.

Пр о л а з ъ.

Кто колеть, развѣ тотъ считается храбрѣй?

В ы с о н о с ь.

Конечно.

Пр о л а з ъ.

Инь изволь, и стань же въ позитуру.
Увидишь, проколю я какъ твою фигуру!
А отъ чего, скажи, ты кажешься толстѣй!
За часъ ты тонѣ былъ.

В ы с о н о с ь.

Трусь только лишь худѣть;
А храбрый человѣкъ часъ отъ часу толстѣетъ.

Пр о л а з ъ.

Да что - то храбрость вся застегнута твоя?
(Разстегивая нѣсколько ханзолъ и показывая грудь.)
А предъ тобою, на! открыта вся моя.

В ы с о н о с ь.

Коля хочешь, ты себѣ пожалуй застегнися.

Пр о л а з ъ.

Послушай! — человѣкъ, ты честной говоришь?

В ы с о н о с ь.

И очень.

Пр о л а з ъ.

Если такъ, ощущать такъ вели жъ
Ты прежде честь свою.

В ы с о н о с ь.

Нѣтъ, нѣтъ, ты тѣмъ не льстися;
Она и безъ того, дружокъ! видна какъ стекло.

Пр о л а з ъ.

Однако жъ твой кафтанъ не такъ какъ вѣдь стекло.
Не видно, подъ него какую вещь заправилъ.
Знать надо, изъ чего ты честь твою составилъ.
Котору грубо такъ ты скрылъ подъ твой кафтанъ.
Честь оттопырилась твоя — мнѣ очень видно.

В ы с о н о с ь.

Такъ думать обо мнѣ или тебѣ не стыдно?

Пр о л а з ъ.

Послушай; я, узнавъ преподлый твой обманъ,
Когда начну колоть, то мѣтить въ рожу стану.
Изрѣжу, проколю твое лицо насквозь.

В ы с о н о с ь (въ сторону).

Бездѣльникъ сдѣлаетъ мою красу хоть брось.

(Пролазу.)

Увѣрить чѣмъ тебя, что нѣтъ во мнѣ обману?
Божиться ль?

Пр о л а з ъ.

Не бойсь, а лучше договорь
Мы сдѣлаемъ съ тобой, чтобы окончить споръ!
Положимъ кортики мы прежде на полъ оба,
Чтобы съ оружіемъ осталась наша злоба:
Потомъ, по дружески сошедшись, разберемъ:
И если честь твоя толста не отъ обмана,
Опять, коль хочешь ты, мы кортики возьмемъ.

В ы с о н о с ъ.

Изволь, (кидаетъ кортикъ) кладу тебѣ столь страшнаго тирана.

Пр о л а з ъ (положа кортикъ).

И я (шагнувъ одинъ разъ); вотъ я уже шагнулъ.

В ы с о н о с ъ (также шагаетъ).

И я ступилъ.

Разъ, два, три. (Оба вмѣстѣ сходятся.)

В ы с о н о с ъ (останавливаясь).

Лишній шагъ ты, паутъ, съ меня слушилъ.

Пр о л а з ъ.

Изволь, я разъ еще ступлю въ твою угодъ. (Скопъ
прибѣгаетъ къ Высоносу, разстегиваетъ его, и
дестей бумаги сыплются.)

Бездѣльникъ! храбрость вся разсыпалась твоя.

Мошенникъ! (даетъ оплеуху Высоносу.)

В ы с о н о с ъ (давъ оплеуху Прозазу).

Не спущу такому я уроду.

Пр о л а з ъ (бѣжитъ къ кортику).

Къ ружью! къ ружью!

В ы с о н о с ъ (также бѣжитъ къ своему кортику).

Къ ружью! взбѣшонъ теперь-то я!

Пр о л а з ъ.

Кровопролитіе у насъ пойдетъ ужасно:

Кто такъ сердить какъ я, что можетъ быть опасъ
(Высоносу.)

Бездѣльникъ! будь готовъ себя оборонять.

(Издали выпавъ, отсту

В ы с о н о с ъ.

Прощайся съ свѣтомъ (также издали выпавъ, отстываетъ).

Пр о л а з ъ (въ сторону).

Насъ никто нейдетъ разнять.

В ы с о н о с ъ (въ сторону).

Какъ люди нынѣ немилосерды стали,

Мы кровь лѣемъ, а къ намъ не выгянетъ никто.

Я стану-ка шумѣть, авось поможетъ кто.

(Оба вмѣстѣ другъ на друга выпадаютъ.)

Ге! ге! ге!

Пр о л а з ъ.

Никого, какъ будто всѣ пропали.

Вотъ люди каковы: пожалуй ты умри,

Никто изъ нихъ тебѣ не скажетъ добра слова.

Высоносъ.

Пролозь! по совѣсти, что ты ни говори,
А чтобы умереть, въ томъ много есть пустоша.

Пролозь.

Ты правду говоришь: что жъ намъ начать ли снова
Тотъ бой, который мы такъ храбро провели?
Противу чести мы не сдѣлали прорухи.

Высоносъ.

Довольно, кажется, мы крови пролили,
И помнится у насъ по полной ошлеухъ.

Пролозь.

Мы равной храбрости и одинакихъ силъ;
И если бъ, Высоносъ, день цѣлый мы дралися,
Изъ насъ никто бъ одинъ другаго не убилъ.

Высоносъ.

А какъ у насъ теперь и раны завелися,
То мы скорѣ ихъ пойдемъ перевязать.

Пролозь.

Не лучше ль въ домъ намъ питейномъ побывать!
Отъ храбрости всегда ужасно жажда мучить.

Высоносъ.

То правда: у меня отъ ней и брюхо пучить.
Привычка храбрецовъ пріятна очень мнѣ,
Подравшись, утопить свою вражду въ винѣ.

Княжнинъ.

Изъ Комедіи:

ГОРЕ ОТЪ УМА.

Фамусовъ. Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка, вѣчно ты съ обновой,
Съ разодраннымъ локтемъ; достань ка календарь;
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Постой же; на листъ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:

Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ домъ,

Во вторникъ званъ я на форсали.

Куда какъ чудно созданъ свѣтъ!

Пофилософствуй, умъ вскружится;

То бережешься, то обѣдъ;

Бѣшь три часа, и въ три дни не сварится!

Отмѣть - ка въ тотъ же день пѣтъ, пѣтъ,

Въ четвергъ я званъ на погребенье;

Охъ! родъ людской! пришло въ забвенье,

Что всякой самъ туда же долженъ лѣзть,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить

Житьемъ похвальнымъ, вотъ примѣръ

Покойникъ : былъ почтенный Каммергеръ ,
Съ ключемъ , и сыну ключъ умѣлъ доставить ;
Богатъ , и на богатой былъ женатъ ;
Пережили дѣтей , внучатъ ,
Скончался , — всѣ о немъ прискорбно поминуютъ .
Кузьма Петровичъ ! миръ ему .
Что за тузы живутъ въ Москвѣ , и умираютъ !

(Вечеръ. Всѣ двери настежь. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говорить :)

Эй ! Филька , Ѳомка , ну ловчи !

Столы для картъ , мѣлъ , щетоки и свѣчей .

(Стучится къ Софїи въ дверь.)

Скажите барышнѣ скорѣе , Лизавета :

Наталя Дмитревна и съ мужемъ , и къ крыльцу

Еще подѣхала карета .

(Расходятся ; остается одинъ Чацкій.)

Чацкій , Наталя Дмитріевна (молодая дама) .

Нат. Дмитріевна .

Не ошибаюсь ли ! Онъ точно по лицу .

Ахъ Александръ Андренчъ , вы ли ?

Чацкій .

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы ;

Не ужъ - то такъ меня три года измѣнили ?

Нат. Дмитріевна .

Я полагала васъ далеко отъ Москвы .

Давно ли ?

Чацкій .

Нынче лишь ..

Нат. Дмитріевна .

На долго ?

Чацкій .

Какъ случится .

Однако , кто , смотря на васъ , не подивится ?

Полнѣе прежняго , похорошѣли страхъ !

Моложе вы , свѣжѣ стали :

Огонь , румянецъ , смѣхъ , игра во всѣхъ чертахъ .

Нат. Дмитріевна .

Я за - мужемъ .

Чацкій .

Давно бы вы сказали .

Нат. Дмитріевна .

Мой мужъ , прелестный мужъ , вотъ онъ сейчасъ войдетъ ;
Я познакомя васъ , хотите ?

Чацкій .

Прошу .

Нат. Дмитріевна .

И знаю напередъ ,

Что вамъ понравится . Взгляните и судите .

Чацкій.

Я вѣрю, онъ вамъ мужъ.

Нат. Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ, не потому,

Самъ по себѣ, по праву, по уму,

Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!

Теперь въ отставку, былъ въ военной;

И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,

Что съ храбростью его, съ талантомъ,

Когда бы службу продолжалъ,

Конечно былъ бы онъ Московскимъ Комендантомъ.

Чацкій, Нат. Дмитріевна, Платонъ Михайлычъ.

Нат. Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!

Другъ старый, мы давно знакомы; вотъ судьба!

Плат. Михайлычъ.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!

Похвальный листъ тебѣ, ведешь себя исправно!

Плат. Михайлычъ.

Какъ видишь, братъ!

Московский житель и женатъ.

Чацкій.

Забить шумъ лагерный, товарищи и братья?

Спокоенъ и лѣнивъ?

Плат. Михайлычъ.

Нѣтъ! есть - такъ занятъ!

На флейтъ я твержу дуэтъ

А - Мольтни.

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?

Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Плат. Михайлычъ.

Братъ! женишься, тогда меня вспомнянь:

Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань!

Нат. Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,

Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,

Къ манежу иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?

Въ полкъ, эскадронъ дадутъ. Ты Оберъ или Штабъ?

Нат. Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! давно ли?

Нат. Дмитріевна.

Все рюматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край.

Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Нат. Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубить!

Чацкій.

Москву и городъ . ты чудакъ!

А помнишь преждее?

Плат. Михайлычъ.

Да, братъ; теперь не такъ

Нат. Дмитріевна.

Ахъ! мой дружокъ!

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь, и разстегнулъ жилетъ.

Плат. Михайлычъ.

Теперь, братъ, я не тотъ.

Нат. Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

Плат. Михайлычъ (равнодушно).

Сей часъ.

Нат. Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей;
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Плат. Михайлычъ.

Теперь, братъ, я не тотъ

Нат. Дмитріевна.

Мой ангелъ, ради Бога,
Отъ двери дальше отойди.

Плат. Михайлычъ (глаза къ небу).

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Но Богъ тебя суди;

Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!

Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, ногу въ стремя,

И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.

Плат. Михайлычъ (вздыхаетъ).

Эхъ! братецъ! славное тогда житье - то было.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княг
шестью дочерьми.

Нат. Дмитріевна (тоненькимъ голоскомъ).
Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую
съ головы до ногъ).

1-ая Княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-ая Княжна.

Какія складочки!

1 ая Княжна.

Обшито бахромой!

Нат. Дмитріевна.

Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюльюрю атласный!

3-ая Княжна.

Какой эшарпъ cousin миѣ подарилъ;

4-ая Княжна.

Ахъ! да, баржевый.

5-ая Княжна.

Ахъ! прелесть!

6-ая Княжна.

Ахъ! какъ миль!

Княгиня.

Ссъ! — Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Нат. Дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От — став — ной?

Нат. Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, — не давно воротился.

Княгиня.

И хо — ло — стой?

Нат. Дмитріевна.

Да, не женать.

Княгиня.

Князь, Князь, сюда! живѣе.

Князь (обращаетъ къ ней слуховую трубу).

О! хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣ

Натали Дмитревны знакомаго; вонъ онъ.

Князь.

И, хмъ! (отправляется; вѣется около Чацкаго и покашливаетъ).

Княгиня.

Вотъ то-то дѣтки!

Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ!

Танцовщики ужасно стали рѣдки!

Онъ Камеръ - Юнкеръ?

Нат. Дмитріевна.

Нѣтъ

Княгиня.

Богать?

Нат. Дмитріевна.

О нѣтъ!

Княгиня (громко, что есть мочи).
Князь, Князь! назадъ!

Тѣ же и Графини Хрюмпы — бабушка и внучка.

Графиня внучка.
Ахъ! grande maman! ну, кто такъ рано прѣзжаетъ!
Мы первая! (Пропадаетъ въ боковую комнату).

Княгиня.

Видишь насъ честить!
Вотъ первая! и насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее простить.

Графиня внучка (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).
Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?
Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня внучка.
Вернулись холостые!
Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка.
Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тѣма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.
Чацкій.

Несчастные! должны ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ.

Грибоедовъ.

Изъ Комедіи:

УРОКЪ ХОЛОСТЫМЪ или НАСЛѢДНИКИ.

Любимъ и Турусинъ; за нимъ — Маша и пятеро другихъ дѣтей.

Турусинъ (дѣтямъ).
Смотрите: не шумѣть, не бѣгать и не драться!
(Любиму).
Да гдѣ же дядюшка?

Любимъ.
Онъ вышелъ одѣваться;
Угодно вамъ къ нему?
Турусинъ.
Пѣтъ, милой, все равно,
И здѣсь я подожду. Да онъ ушелъ давно?

Любимъ.

Сей часъ

Турусинъ.

Не лзя ль сказать вотъ такъ, между словами,
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.

Любимъ.

Извольте, я скажу (Уходитъ).

Тѣ же, безъ Любима.

Турусинъ.

Сюда ко мнѣ въ кружокъ!

Вамъ надо повторить сегодняшній урокъ:

Чтобъ дѣдушкѣ отъ васъ не стало безпокойно,

Прошу вести себя и тихо и пристойно.

Вы помните, что я твердилъ вамъ на дому!

Лишь только онъ войдетъ, бросайтесь всѣ къ нему.

Маша.

Да я боюсь.

Турусинъ.

Чего, сударыня? — пустое!

Ты дѣдушку цѣлуй въ плечо, а ты въ другое;

Вы также всѣ его старайтесь ласкать,

И если вамъ руки не будетъ онъ давать,

Хватайте на лету! (Одному изъ дѣтей) Проклятая привычка!

Опять разинулъ ротъ! (Другому) На что похожъ, чумичка!

Испачканъ весь: утрись! (Третьему) А ты разтрепанъ какъ!

Ну что стоишь? поправь манжеты-то, дуракъ!

Но, кажется, идутъ смотрите же — смѣлѣе;

Подходить ужъ къ дверямъ ну, милые, дружнѣе!

Тѣ же и Звонкина.

Звонкина.

Что это? Боже мой! здѣсь цѣлая орда!

За чѣмъ изволили пожаловать сюда?

Турусинъ.

За чѣмъ, невѣстужка? — По чести, это странно!

Вѣдь дѣдушка у васъ, такъ очень натурально,

Что имъ хотѣлось

Звонкина.

Не имъ, сударь, а вамъ.

Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ,

И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.

Турусинъ.

Позвольте мнѣ сказать, мнѣ право очень чудно.

Звонкина.

А я такъ не дивлюсь — другаго не ждала:

Обманы, подлости, всѣ гнусныя дѣла

Приличны вамъ.

Турусинъ.

Да я

Звонкина.

Конечно позабыли?

Давно ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили:

„Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!“
(передразнивая)

Скамейку подаешь!

Турусинъ.

Такъ что же, не запрუსь:

Я къ старости всегда имѣю уваженіе.

И что за важное, скажите, преступленіе —

Скамеечку подать? — а врядъ ли и отца

Встрѣчать я побѣгу у самаго крыльца.

Звонкина.

Какъ будто бѣ вѣжливость есть подлая услуга!

Турусинъ.

Повѣрьте, намъ краснѣть не должно другъ отъ друга;

Притомъ же и бѣды не вижу я большон:

Не мы одни кривимъ подъ часъ своей душой!

Звонкина.

Возможно ли? и онъ еще себя изволить

Равнять со мной!

Турусинъ.

Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колитъ.

Звонкина.

Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей.

Турусинъ.

И ваша память то не лучше вѣдь моей.

Звонкина.

Наглецъ!

Турусинъ.

Помилуйте!

Тѣ же и Здравосудовъ.

Звонкина (не принявъ Здравосудова).

Ужъ подлинно не даромъ

Зовутъ тебя вездѣ

Здравосудовъ.

О чемъ съ такимъ вы жаромъ

Ведете разговоръ?

Звонкина.

Ахъ!... такъ-съ былъ споръ у насъ.

Турусинъ.

Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.

Здравосудовъ.

Спасибо, милые!

Турусинъ (указывая на дѣтей).

Позвольте вамъ представить

Здравосудовъ (не слушая его).

Я знаю, вы со мной не станете лукавить.

Турусинъ.

Почтенный дядюшка! здѣсь вся моя семья.

(Дѣтямъ тихо).

Бѣгите всѣ къ нему! (дѣти не трогаются съ мѣста).

Здравосудовъ.

А! здравствуйте, друзья!

Вы здѣсь? я очень радъ.

Турусинъ.

О глухие ребята!

Ну, что же стали въ пень? — ступайте, пострелята!

Дѣти (кромя Маши, подбѣгая къ Здравосудову).

Ахъ! дѣдушка!

Звонкина.

Смотри! чуть, чуть не спшибли съ ногъ!

Здравосудовъ.

Здорово, милые!

Турусинъ.

Молитвы ваши Богъ

Услышалъ наконецъ! — повѣрите ль? бывало

Лишь только и рѣчей — ну такъ что скучно стало:

„Да скоро ль дѣдушку увидимъ своего?“

„Когда прїѣдетъ онъ? Дождемся ль мы его?“

А вотъ и дождались.

Здравосудовъ.

Совсѣмъ не тѣ ужъ стали.

(Показывая на Машу.)

Вѣдь это Машинька?

Турусинъ.

Такъ, вы ее узнали;

Поди же къ дѣдушкѣ (тащутъ, а она неидетъ).

Здравосудовъ.

За чѣмъ, не принуждай.

Турусинъ (громко).

Не бойся, душенька! — (тихо ей) Вотъ я тебя! ступай!

(Подводитъ ее насильно.)

Ужъ какъ застенчива! — взглянуть, такъ скажешь, дура;

А право нѣтъ! робка ужъ такъ ея натура.

Здравосудовъ.

Поди сюда, мой другъ! вѣдь мы, чай, года три

Не сидѣлись съ тобой.

Турусинъ.

Ну что же? — говори!

Скажи хоть что-нибудь! (тихо) ужъ быть тебѣ безъ чаю.

(Громко.)

Ты любишь дѣдушку?

Маша.

Люблю!

Здравосудовъ.

За что?

Маша.

Не знаю.

Т у р у с н ы ъ .

За то малъ, дѣдушка, что вы одни у насъ
Отецъ — и дѣдъ — и все.

Загоскинъ.

Изъ Драмы:

РУКА ВСЕВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Явленіе первое.

Внутренность Грановитой Палаты.

Выходъ 1.

Мининъ и Ржевскій (идутъ къ выходу: у коего на часахъ
стоитъ Казакъ).

К а з а к ъ .

Насталъ день двадцать первый Февраля!
День радостный избранія Царя!
Князь и Москва во храмъ молятъ Бога,
А мы, невольники, на долгой стражъ,
Не можемъ Богоматери молиться,
Да ниспошлетъ Свое благословеніе

Мининъ.

Господній Домъ вездѣ, гдѣ есть молитва!
Молись и ты, и будетъ храмъ въ тебѣ!

Ржевскій.

Святая Русь стеклась со всѣхъ сторонъ!
По улицамъ несмѣтныя толпы
Готовятся къ избранію Царя
Бояре не рѣшатъ, рѣшить народъ.

Мининъ.

Пусть не мѣшается; ума довольно
И у Бояръ.

Ржевскій.

Но кто удержитъ ихъ?

Мининъ.

Господь и Князь! Идутъ! Уйдемъ скорѣе!

Выходъ 2.

Тѣ же и Пожарскій (сопровожаемый Соборомъ Воеводъ,
Бояръ, Дворянъ и выборныхъ людей).

П о ж а р с к і й .

Постой, Козьма! Ты былъ на полѣ брани,
Ты словомъ помогаль, ты дѣлалъ дѣломъ;
Какъ грозный вождь, ты поражалъ враговъ;
Ты охранялъ несчастныхъ; раны братій
Щепетельнымъ окладывалъ растеньемъ
И всѣхъ усерднѣе молился! — Мининъ!
Присутствуй же избранію Царя! —

Мининъ (низко кланяясь).
О свѣтлый Князь! Могу ли я ничтожный
На сонмъ Бояръ ходитъ?

Трубецкой.
Всѣ просятъ, Мининъ!
И твой совѣтъ Боярскаго не хуже!

Мининъ.
Благодарю, Бояре! Богъ воздастъ
Сторицею Боярамъ православнымъ;
Но я не сяду, нѣтъ — я мѣщанинъ.
Позвольте мнѣ, великіе Бояре,
Внимать вамъ, стоя у дверей!

Пожарскій.
Какъ хочешь!
Честь передъ тобой, но принуждать не смѣемъ,
Изъ уваженія къ твоимъ заслугамъ.

Возсядьте же, Бояре и Дворяне,
Сановники и Выборные люди!
Васъ призвалъ я на трудное избранье;
Но благъ Господь! Онъ намъ Покровъ и Сила.
(Весь Соборъ занимаетъ приготовленные мѣста около столовъ,
на которыхъ стоятъ терпильницы и разбросана бумага.)

Пожарскій (сидя).
Свободна Русь, Господнимъ заступленьемъ!
Исчезли тмы враговъ, и благодать неба
Избрать Царя намъ нынѣ дозволяетъ!
Но, братія! съ слезами на очахъ,
Молю: не избирайте иновѣрца!
Святая Русь своихъ Царей имѣла,
Единственно на свѣтѣ православныхъ!
Родясь, уже Царь будущій пріемлетъ
Помазанье отъ Господа — Царя!
Царь на землѣ Господній представитель!
Онъ мудростью небесною исполненъ,
Онъ крѣпостью небесной препоясанъ!
И можно ли, чтобъ чуждый иновѣрецъ,
Священную Царей пріемля шапку,
Въ душѣ своей всѣ чувства заглушилъ,
Которыя его влекутъ за море!
Мы видѣли ужасные примѣры
Въ сосѣдствѣ нашемъ и у насъ самихъ.
Еще въ предѣлы Царства не вступая,
Ужъ сколько зла посѣялъ Владиславъ!
И, можетъ быть, десятокъ лѣтъ, другой,
Не высосутъ убійственнаго зла!
Но благъ Господь! — Вы обратите взоры
На поколѣніе Царей Московскихъ!
Не уже ли Богъ вовсе уничтожилъ
Потомковъ Калиты и Іоанновъ?
Не уже ли отъ Царской крови вовсе

Намъ отрасли послѣдней не осталось?
 Отъ Царской крови Да, Соборъ Великій!
 Отъ Царской крови долженъ быть Владыка
 И Повелитель многихъ Царствъ и Княжествъ!
 Что личныя достоинства Вельможи?
 Что предковъ рядъ и доблестныхъ и славныхъ?
 Монашеская лѣтопись — и только!
 Раздоръ предъ нимъ, раздоръ за нимъ; невольно
 Гласъ слышится въ душѣ: онъ былъ мнѣ равенъ!
 Считается смѣшнымъ повиновенье
 Тому, кто самъ всегда повиновался!
 Прилична ли тому Царей держава,
 Кто царствовать безъ трепета не можетъ?
 А наконецъ скажу я вамъ: Держава
 Не можетъ быть наградой за труды,
 За личныя заслуги Государству.
 На то помѣстья, золотыя цѣпи,
 И знаки разные Монаршей ласки;
 На то чины, на то Царей вниманье,
 Народная любовь и одобренье, —
 А наконецъ Небесъ благословенье
 А Царская Порфира — не награда!
 И только тотъ ее свободно носить,
 Кто въ пеленахъ ее уже примѣрилъ —
 И каждый день, крѣпясь и возрастая,
 Къ ней постепенно, долго привыкалъ!
 А не рожденному отъ Царской крови
 Она тяжка, какъ Божіе проклятье
 За святотатство! Мало ль честолюбцевъ
 Подъ бременемъ Порфиры упали?
 И кто изъ васъ не помнитъ Годунова,
 Отрепьева и Шуйскаго не помнитъ?
 Вы слышали, какъ за моремъ предатель
 Вѣнецъ Царей, какъ тать ночной, похитилъ?
 Вы помните: Великій Іоаннъ
 Съ нимъ не хотѣлъ имѣть сношеній; честно
 Отвергнувъ миръ, безчестье наносящій,
 И Царское послалъ ему презрѣнье!
 И вѣрьте, кто въ Порфирѣ не родился,
 Тотъ не умретъ въ Порфирѣ, какъ законный,
 Наслѣдственный помазанникъ Себесъ!
 Не онъ, такъ дѣти кровію заплатятъ
 За похищеніе Царскаго Престола!
 Пусть мудрствуютъ умомъ честолюбивымъ,
 Но разумъ нашъ, вы знаете, какъ шатокъ!
 Мы извиняемъ наши преступленья,
 Мы осуждаемъ слабости другихъ,
 Какъ намъ полезнѣй, выгоднѣе, лучше
 Но что жъ? Придетъ съ мечемъ суровый оныть,
 И грѣшныя, мы каемся, но поздно! —

Я все сказалъ. Вотъ правила мои.
Кто не согласенъ съ мнѣніемъ моимъ,
Пусть намъ свое объявить.

(Продолжительное молчаніе.)

— Вы молчите!

Благодарю Небеснаго Отца,
Что Онъ словамъ моимъ далъ крѣпость, силу
И убѣдительность! — Теперь къ избранью!
Но, братія, спокойно углубитесь,
Внимательно разслѣдуйте бывшее,
И въ будущность смотрите безкорыстно!
Не забывайте, жребій испадеть,
А съ нимъ судьба отечества и ваша!

Я знаю, что межъ вами много есть,
Которые меня считаютъ другомъ,
Приверженцемъ ихъ собственнаго счастья,
И потому со мной вездѣ готовы!
Я это испыталъ на полѣ брани.
Чтобъ отдалить упреки Государства,
Всѣ признаки разрушить заговора,
Не объявляю я мнѣнья моего,
Но тайно поручу его бумагъ:
Вы моему послѣдуйте примѣру.

Пожарскій пишетъ и всѣ, — разрывая лежащую по столамъ бумагу, на лоскуткахъ пишутъ, свертываютъ и оставляютъ предъ собой.

Мининъ (невольно подвигаясь впередъ).

Творецъ благій! Какой священный часъ!
Какъ сердце замерло! — Морозъ и трепетъ
По членамъ ходятъ! — Господи! Пошли
Единодушіе сему Собору!
Да согласить всѣ нужды Государства
И у тебя испросить намъ Владыку!

Продолжительное молчаніе; избраніе продолжается.

Пожарскій (тихо).

Въ душѣ моей и трепетъ и надежда.

(Молчаніе.)

Мининъ.

О не оставь въ послѣднюю минуту
Святой Руси!

(Молчаніе.)

Пожарскій.

Ты вель меня на славу!
О увѣнчай усилія честныя!

(Молчаніе.)

Измайловъ.

Князь, повели собрать

Пожарскій (отирая слезы).

О братья, братья!

Что, если здѣсь раздору сѣмена?

Трубецкой.

По совѣсти мы мнѣнія писали

Измайловъ.

И клятву вновь мы подтвердить готовы!

Пожарскій.

Не трепеталъ я смерти въ ратномъ полѣ:

А здѣсь тоска и страхъ стѣснили сердце!

Но благъ Господь и не оставитъ насъ.

Ты голоса не подавалъ, Козьма!

Такъ собери-жь чужіе голоса!

(Мининъ, взявъ со стола золотое блюдо, обходитъ всѣ столы и собираетъ голоса.)

Стань здѣсь, при мнѣ, и отбирай: какой,

Кѣмъ данъ и на кого?

Мининъ (отобравъ множество голосовъ и предлагая каждый Князю Пожарскому, съ изумленіемъ):

Глазамъ не вѣрю!

(Продолжаетъ разбирать голоса тѣмъ же порядкомъ, и приходя постепенно въ болѣе и болѣе удивленіе.)

Не слыхано, не видано!

(Опустивъ послѣдній голосъ.)

О чудо!

Твою ль десницу не узнаетъ грѣшникъ?

Единодушна Русь, единогласна!!

(Въ восторгѣ, поднимая глаза и руки къ небу, стоитъ какъ бы пораженный нѣкимъ чудомъ.)

Измайловъ.

О не терзай Соборъ нетерпѣливый

И возгласи: кого Господь назначилъ?

Трубецкой.

Смотрите: онъ безмолвень, недвижимъ!

Глаза горѣ вознесъ и льются слезы!

Измайловъ.

Князь, объяви!

Пожарскій (съ жадностію и съ не меньшимъ удивленіемъ перебирая голоса).

И я внимаю чудо!

Единодушно, такъ! единогласно

Соборомъ избранъ: Михаилъ Романовъ,

Сынъ Ѳедора, въ монахахъ Филарета.

(Вставъ.)

Провозгласимъ отъ сердца и души:

Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!

Всѣ (вставъ.)

Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!

Пожарскій (обнимая Трубецкаго, потомъ и другихъ).

Обнимемся, Бояре! Этотъ день —

День радостный любви и воскресенья!

(Всѣ другъ друга обнимаютъ, проливая слезы.)

Трубецкой (обнимая Измайлова).

Что, помнишь ли, какъ ты подозрѣвалъ?

Измайловъ.
О перестань! Забудь свою обиду!
Трубецкой (обнимая Мннина).
Прости, Козьма!
Мннинъ (почтительно кланяясь).
Прости меня, Бояринъ!
Пожарскій.
О радуйтесь и плачьте отъ восторга!
(За дверьми слышны голоса).
Ура! Ура! Да здравствуетъ!
Пожарскій.
Кричать!

Не разберу! Народъ пришелъ въ волненье!

Выходъ послѣдній.

Тѣ же и толпа народа вламывается въ двери.
Голоса въ народѣ.
Къ чему Соборъ? — Чего онъ мѣдитъ? — Братья!
Объявимъ все Собору,
(Пожарскій идетъ къ народу; толпа отступаетъ.)
Князь! Самъ Князь! Пазадъ!
Пожарскій (гнѣвно).
Что это значить, Русь? Опять измѣна?
Гражданинъ (низко кланяясь).
Князь! Извини! Совѣтъ твой прерываемъ!
Но вся Москва тебя съ слезами молить —
Ихъ челобитную услышать!

Пожарскій.
Просимъ!
Гражданинъ.
„Намъ нуженъ Царь!“ кричатъ они; Соборъ
Напрасно мудрствуетъ, когда законный
Наслѣдникъ есть отъ крови Иоанна,
Отъ крови Анастасіи прекрасной!
У нихъ свой толкъ. Единогласнымъ сонмомъ
Москва, вся Русь Собору бьетъ челомъ,
Да изберетъ на Царство — Михаила
Романова! (Низко кланяясь.) Не гнѣвайтесь, Бояре!
Мы общее блаженство предлагаемъ!

Пожарскій (обнявъ гражданина).
Другъ, если можешь, обними Москву
Такъ пламенно, какъ я тебя лобзаю!
Поздравь Москву! Соборъ единогласно,
Единодушно избралъ Михаила!
Нѣтъ, не Соборъ, Господь избралъ, и Слава
Ему отъ нынѣ и до вѣка!

Всѣ.

Слава!

Да здравствуетъ Царь Михаилъ! — Ура!

П о ж а р с к і й.

Свершилось! Богъ благословилъ отчизну!
Царь Михаилъ, помазанный отъ вѣка,
Пріемлетъ Русь въ родительскія руки —
И благо ей!

Но что со мной, Всеспальный?
Какая радость по сердцу разлилась!
Какая тма объемлетъ всю Палату,
А Небеса въ сіяніи раскрылись!
Внеманте! Гласъ, не мой ничтожный гласъ,
Но свыше гласъ изъ устъ моихъ стремится!

Воскресла Русь! Гремятъ колокола!
Святители несутъ иконы; люди
Густой толпой тѣснятся съ крестнымъ ходомъ
Предъ Костромскимъ монастыремъ! Святитель
Пріемлетъ крестъ и именемъ народа
Зоветь Царя! Но. юноша прекрасный —
(Онъ видѣлъ смуты, слышалъ о несчастяхъ
Святой Руси), — колеблется, не хочетъ
Итти туда, куда Господь зоветъ!
Но Божій гласъ раздался у Обѣдни!
Съ Евангеліемъ и со Крестомъ Святымъ,
Святитель сталъ предъ юнымъ Михаиломъ;
Зоветь его, зоветь Господнимъ гласомъ, —
И се! гремитъ на встрѣчу Михаилу
То Русское, громовое ура!
Ура любви и радости ура,
Которымъ Русь встрѣчаетъ Государя!

Смутился умъ, смутились чувства! Гдѣ я?
Внизу лежитъ обширная Москва,
Вокругъ нея тѣснятся города!
Огромна Русь отъ моря и до моря!
Орлы сидятъ по четыремъ концамъ!
На сѣверѣ безбрежный окіанъ,
На югѣ — нѣтъ конца! Все это — Русь!

Я въ будущность, какъ въ грамоту, смотрю
И нѣтъ конца Великому Колѣну!
О братія! Смотрите: это Онъ!
Величіемъ безмѣрнымъ осіянный!
На море сталъ могучею пятой —
Изъ подъ пята ряды ширококрылыхъ,
Огромныхъ кораблей несутся въ море!
Земля дрожитъ отъ тяжести Его,
А небеса Его главу вмѣщаютъ!
Незмѣримъ сей Русский полубогъ!
Въ объятіяхъ онъ сжалъ Святое Царство,
Покровомъ обвивая многоцѣннымъ
Для насъ еще недостижимыхъ благъ!
Святая Русь! Обыкновенный разумъ
Судьбы твоей въ себѣ вмѣстить не можетъ!

О ты, Святая Матерь, Русь родная!
Красуйся подъ державой Муханла!
Чтобъ дня сего не истребилась память,
Чтобъ Русскій Родъ объ милости Господней
Не забывалъ — я къ вамъ взываю, братья,
Святой Руси безчисленные дѣти!
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока потухнетъ солнце,
Пока людей не истребитъ память,
Святите день избранья Муханла,
День двадцать первый Февраля!
В с ѣ.

Ура!!
Н. Кукольникъ.

Изъ Драмы:
ТАРКВАТО ТАССО.
(Смерть Тассо.)

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Соренто.

Явленіе первое.

Комната въ домѣ Корнеліи Серсале.

Выходъ 1.

Антоніо, сынъ и три дочери Корнеліи Серсале
сидятъ при столѣхъ за книжками; возлѣ сидитъ няня ихъ, Бьянка.

Сынъ.

Скажи намъ сказку, няня!

Бьянка.

Полно, дѣти!

Пора учиться, день ужъ вечерѣтъ,
А вы двухъ словъ еще не прочитали

Сынъ.

Намъ что-то весело

Бьянка.

А будетъ скучно,

Какъ маменька воротится домой

И спросить васъ, зачѣмъ вы не учились?

Сынъ.

Тсъ! по лѣстницѣ стучать идутъ!

Бьянка.

Ага!

А я вамъ говорила: эй, учитесь!

Выходъ 2.

Тѣ же и Тассъ (одѣтый простолюдиномъ, вошедъ останавливается
у дверей).

Бьянка.

Кто это? Что тебѣ угодно?

Т а с с ъ.

Здѣсь ли

Корнелія Серсале?

Б ѣ я н к а.

Здѣсь; а что?

Т а с с ъ.

Мнѣ нужно видѣться

Б ѣ я н к а.

Пошла къ вечерни;

Но кончилась, я думаю, вечерня;

Сей часъ придетъ. — Ты сядь и отдохни.

Т а с с ъ (садится у дверей).

Благодарю! — Какъ тихо здѣсь! Какъ будто
Живутъ не въ свѣтѣ! Это чьи малютки?

Б ѣ я н к а.

Корнеліи Серсале

Т а с с ъ.

Боже правый!

Она ужъ мать! — и четырехъ дѣтей,

Какъ жизнь свою, какъ радость, обнимаетъ;

А я еще на свѣтѣ — сирота!

Б ѣ я н к а.

Ты не женатъ?

Т а с с ъ.

Не знаю.

Б ѣ я н к а.

Какъ не знаешь?

Т а с с ъ.

Ахъ! я имѣлъ прекрасную подругу!

Казалось мнѣ, что я былъ съ нею связанъ

Божественнымъ какимъ-то, высшимъ бракомъ;

Вся жизнь была — торжественная свадьба!

Мы каждый день другъ друга принимали

Въ горячія объятія но не долго

Я тѣшился моимъ летучимъ счастьемъ

Б ѣ я н к а.

Что жъ, умерла твоя жена?

Т а с с ъ.

О! нѣтъ!

Но улетѣла!

Б ѣ я н к а.

Это право чудно!

А какъ зовутъ твою подругу?

Т а с с ъ.

Слава!

Б ѣ я н к а.

Такого имени я не слыхала. —

Ты вѣрно иностранецъ?

Т а с с ъ.

Да! ты права!

Бьянка.

А изъ какой страны?

Тассъ.

О, изъ далекой!

Но, впрочемъ, у меня есть двѣ отчизны.

Бьянка.

Какъ двѣ?

Тассъ.

Въ одной мое родилось тѣло,
Въ другой душа.

Бьянка (отходя къ дѣтямъ въ смущеніи).

Что это, Боже мой?

Сынъ.

Кто это, няня! няня!

Бьянка.

Сумасшедшій.

Дѣти (въ испугѣ прижимаясь къ Бьянкѣ).

Ахъ! Боже мой, какъ страшно!

Бьянка.

Успокойтесь!

Онъ ничего не сдѣлаетъ худаго,

Онъ только говорить не то, что надо!

Тассъ (тихо).

Часъ слишкомъ! нѣтъ сестры! она придетъ!

Мое письмо возьметъ изъ рукъ моихъ же,

Прочтетъ его и пожалѣетъ Тасса!

А я, спокойно стоя у дверей,

Въ лицѣ ея прочту всѣ впечатлѣнья, —

Какія на нее письмо навѣетъ.

Но вотъ она.

Выходъ 3.

Тѣ же и Корнелія Серсале.

(Тассъ подходитъ къ ней и почтительно отдаетъ письмо.)

Корнелія.

Письмо! И отъ кого бы?

(Съ любопытствомъ развертываетъ письмо, читаетъ и заливается слезами,
Тассъ бросается къ ней и обнимаетъ.)

Тассъ.

Корнелія! Весь міръ меня оставилъ,

Я самъ себя оставилъ, но въ слезахъ

Моей сестры я снова возродился!

Я снова не одинъ на этомъ свѣтѣ!

Друзья, отечество, родители,

Весь міръ, вся жизнь въ тебѣ совокупилась,

Чтобъ воскресить хладѣющаго Тасса!

Корнелія.

Мой братъ!

Тассъ.

Не говори, не говори!

Я весь въ жару, какъ въ первый день восторга,
Которымъ жизнь меня благословила.
Дай высказаться пламенному чувству!

Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
„Что нашъ языкъ? — печальный отголосокъ
„Торжественнаго грома, что въ душѣ
„Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
„— Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
„Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
„Безумный! Да! — О если бъ ты могла
„Безумье то почувствовать въ себѣ,
„Которымъ я всю жизнь мою терзался!
„Вообрази блистательное солнце:
„Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
„Катается въ тяжелой атмосферѣ,
„И солнце то, — что жаркими лучами
„Могло бъ весь свѣтъ обрушить въ груди пекла —
„Презрѣнныя затягиваютъ тучи!...
„При всемъ желаніи благотворить
„И согрѣвать существованье міра, —
„Оно должно смотрѣть на разрушенье
„И помощи своей подать не можетъ!
„О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
„Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
„Куда я лучъ любви ни посылалъ,
„Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
„И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
„Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
„Ты не жила на свѣтѣ! поживешь!
„Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
„Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;
„Родъ человѣческій бесплодной нивѣ
„Подобенъ; иногда на ней цвѣтутъ
„Цвѣты, но никогда плоды не зрѣютъ!

Корнелія.

О перестань! сядь лучше, отдохни!
Ты такъ усталъ, измучился дорогой!

(Садятся.)

Тассъ.

Дорогой? — нѣтъ! — отъ жизни я усталъ,
Измучился отъ славы и безславья,
Которыми меня покрыли люди!
Не слышала ты повѣсти моей?
Я расскажу

Корнелія.

Пусть послѣ, а теперь
Ты отдохни! Ты вѣрно ничего
Не вѣлъ еще сегодня. Бѣлика! что ты

Какъ не своя; пора готовить ужинъ,
А ты стойшь, какъ Римская статуя!
Возьми дѣтей!

Сынъ.

Позвольте намъ остаться;
Намъ слушать хочется, какъ дядя сказку
Свою расскажетъ

Корнелія.

Нѣтъ! возьми ихъ, Бьянка.

Выходъ 4.

Тассъ и Корнелія.

Тассъ.

Не безпокой, сестра, своихъ домашнихъ
Ради меня; я сытъ прошедшимъ горемъ
И настоящимъ счастьемъ свиданья!
Корнелія! Я пресыщался въ мѣрѣ
Богатыми и пышными пирами;
Блестящія одежды, золотыя,
Меня не согрѣвали; я озябъ
Отъ ѣдкой стужи свѣта; а сегодня
Въ твоихъ объятіяхъ я отогрѣлся,
Насытился твоимъ прекраснымъ видомъ. —
Корнелія! ты ангелъ на земли!
Теперь я чувствую, что слава — глухость;
Что тихій день семейственного счастья
Пріятнѣ рукоплесканій свѣта,
И долѣе, чѣмъ вѣкъ невѣрной славы!

Корнелія.

Ты забывалъ меня и почему
Ты не писалъ ко мнѣ

Тассъ.

О! въ этомъ свѣтѣ

И самъ себя безъ умыслу забудешь!
Сначала все кипитъ въ угодность нашу
За мелкое добро — всѣ превозносятся,
А за великое — питаютъ злобу;
Тотъ согрѣшилъ, кто смѣлъ передъ людьми
Возвыситься необычайнымъ дѣломъ!
„— И кажется, что въ этомъ мелкомъ мѣрѣ
„Одинъ порокъ блаженствуетъ вполне.
„О если бъ ты могла взглянуть на свѣтъ!
„Чего тамъ нѣтъ? Умъ, глухость въ тѣсной дружбѣ;
„Тщеславіе подъ маской доброты, —
„А хвастовство подъ видомъ состраданья!
„Любовь въ словахъ, злость въ сердцахъ, въ златѣ разумъ!“
О! страшенъ свѣтъ, Корнелія, молись,
Чтобъ не далъ Богъ тебѣ — его увидѣть?

Корнелія.

Я ужъ жила лѣтъ тридцать, слава Богу!

Видала свѣтъ и полюбила свѣтъ!

А если бь мужь мой жилъ еще, тогда бы

Я находила счастье только въ свѣтъ.

Какъ не любить людей спокойныхъ, добрыхъ,

„Когда Христосъ велѣлъ любить враговъ? —

Т а с с ъ.

„Корнелія! я сдѣлался безбожникъ,

„Молясь Творцу, Апостоламъ, Святымъ; —

„Нося въ груди чувствительное сердце,

„Я каждый день съ слезами на очахъ

„Молилъ Творца, Пречистую Марію,

„Чтобы терпѣнія мнѣ больше дали;

„А у меня росла нетерпѣливость —

„И горестъ. Я просилъ, чтобы несчастья

„Смягчилъ Господь, а Онъ ихъ умножалъ,

„И съ каждымъ днемъ я больше былъ несчастенъ.

„Я умолялъ, чтобъ даръ волшебныхъ пѣсень

„Былъ отнятъ у меня, — мнѣ въ облегченъе, —

„А Богъ наслалъ безумье на меня

„И я позналъ, что я противенъ Богу,

„Что на моихъ устахъ молитвы нѣмы,

„Что идолъ славы свѣтской — врагъ небесной!

„Что мнѣ не рай, а жаркій адъ назначенъ!

„И мнѣ любить людей, когда они

„Всего меня лишили, даже права

„Питать надежду! мнѣ любить людей!

„Погибни родъ преступнаго Адама!

„Онъ первый согрѣшилъ, и всѣхъ людей

„Опоясалъ снособностью грѣшить.

„И люди тѣ, въ порокахъ утоая,

„Боятся добродѣтельнаго видѣть;

„Всѣ хитрости употребить готовы,

„Чтобъ только и его грѣху подвергнуть ..

К о р н е л і я.

„Безбожныя, Торкватъ, питасшь мысли,

„И Богъ тебя достойно наказуетъ:

„Не можетъ быть, чтобъ только злые люди

„Тебя ввели въ такое заблужденъе!

„Молись, Торкватъ, но съ терпѣливой вѣрой,

„Съ раскаянъемъ, и Богъ тебя услышитъ!

„А люди столько зла не въ силахъ сдѣлать,

„Чтобы кого лишитъ любви и вѣры!“ —

Т а с с ъ.

Корнелія! Не знаешь ты меня

Моей судьбы, коварной и притворной,

Не знаешь ты! Двѣнадцать лѣтъ мнѣ было,

Когда съ тобой и съ матерью моею

Я разлучился и къ отцу поѣхалъ!

Отецъ былъ въ Римѣ. Я пріѣхалъ утромъ.

Въ сіяніи торжественнаго солнца,

Казалось, Римъ горѣлъ лучами славы;
Казалось мнѣ: пророчествомъ какимъ-то
Привѣтствовалъ меня великій городъ!
Недѣли я не прожилъ у отца,
Какъ вдругъ письмо пришло къ намъ роковое,
Что я уже безъ матери на свѣтѣ!

За днями дни текли чредой обычной,
И наша грусть стихала понемногу;
Сначала мысль объ ней славилась съ горемъ,
Потомъ съ надеждой, наконецъ съ молитвой
Но вдругъ судьба опять на насъ озлилась;
Свирѣпый Карлъ, разгнѣванный на Папу,
Велѣлъ на Римъ идти Герцогу Альбѣ.
Ужъ въ Остіи толпились Имперцы,
Ихъ крики доходили въ Римъ. Родитель
Хотѣлъ бѣжать; онъ зналъ, что Императоръ
Несчастнаго накажетъ грозной смертью,
Но обо мнѣ родитель больше думалъ,
Чѣмъ о себѣ, и, въ ночь, какъ страшный Альба
Готовился на приступъ, онъ меня
Отправилъ въ древній, мрачный замокъ Тассовъ!
Не буду говорить, какъ долго я
Учился

О! теперь мнѣ только жалко,
Что я всю жизнь на книгахъ основалъ;
Теперь ужъ мнѣ понятно, почему
Ученые такъ мрачны и печальны!
А прежде — я ученіе считалъ
Великимъ благомъ! Надъ Платономъ часто
Я ночи проводилъ безъ сна, въ забвеніи
„Развязывалъ его святые мысли
„И новый міръ на старомъ воздвигалъ!
„О, я постигъ всю мудрость человѣка,
„— Мечталось мнѣ — и тайну бытія
„Я подсмотрѣлъ. Теперь я буду счастливъ;
„Я знаю все, что было, есть и будетъ;
„Я разгадалъ людей, ихъ умъ, ихъ страсти;
„Я буду жить и весело и мирно
„Подъ куполомъ небесъ и славы!“ — „Что же?“
Надъ книгой было хорошо (съ горькой улыбкой) а въ жизни?!

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Какъ часто я смѣялся поселянамъ,
Которые, воздѣлывая землю,
Не думали, что былъ Гомеръ на свѣтѣ,
И бѣдной пѣснью — бѣдность запѣвали!
Не зная о Философахъ и книгахъ,
Царю Царей молились такъ усердно,
И счастье ихъ свыше осыпало
Дивился я, никакъ не постигалъ:
Какъ могутъ быть они счастливы? Горько
Меня суровый опытъ разувѣрилъ!

Я встрѣтилъ тѣхъ же поселянъ — на полѣ,
 Съ тѣмъ самымъ счастьемъ, — а я,
 Прославленный, превознесенный, гордый, —
 Несчастіе, презрительнѣе, ниже.

Корнелія.

Стыдись, Торкватъ

Т а с с ъ.

Стыжусь, сестра, стыжусь,
 Что я давнымъ давно не бросилъ свѣта
 И отъ людей не спрятался въ пустынь,
 Въ какомъ нибудь лѣсу; но дай мнѣ кончить.
 По долгихъ бѣдствіяхъ, отецъ и я
 Въ Венецію пришли; тамъ нашъ родитель
 Хотѣлъ издать Поэму: Амадисъ,
 И мнѣ велѣлъ ее переписать.
 Я переписывалъ его творенье,
 Но съ жаркими слезами сожалѣнья,
 Что не могу и самъ я сочетать
 Такихъ стиховъ. — Однажды я писалъ, —
 Какъ вдругъ перо въ рукѣ остановилось,
 Кровь вскипнула, дыханіе стѣснилось;
 Въ моихъ глазахъ и блескъ и темнота,
 И чудная какая-то мечта
 Пролилась въ грудь; незримый, горный геній
 Обвилъ чело перуномъ вдохновеній
 И радостно горящая рука
 Вдругъ излила два первые стиха
 Еще. и потекли четой согласной,
 Съ какой то музыкой живой, прекрасной,
 Кудрявые и сладкіе стихи.
 Они текли; — чѣмъ больше я писалъ,
 Тѣмъ больше я счастливецемъ становился.
 Корнелія! обыкновенно люди
 Поэзію зовутъ пустой мечтой,
 Пустыхъ головъ ребяческой горячкой.
 Но какъ же пустъ, бездушенъ человекъ,
 Когда онъ самъ, рукою дерзновенной
 Отводитъ чашу, чистыхъ наслажденій!
 Онъ говорить: Поэзія мечта
 И дѣльному занятію мѣшаетъ!
 Но что же дѣльнаго и въ жизни цѣлой?
 Что жизнь сама? — Безсонница страстей!
 „Не лучше ли — чтобы заснуть спокойно
 „И утонуть въ пріятныхъ сновидѣньяхъ —
 „Не лучше ли, я говорю, сдружиться
 „Съ единственнымъ, прекраснымъ на землѣ,
 „Которое душъ нашихъ не погубитъ,
 „Не обольститъ, коварно не обманетъ?
 Поэзія есть благовѣсть святая
 О неизвѣстной, вѣчной красотѣ!

Павловск. Хрест.

„И колокольный звонъ — бездушный звукъ,
 „Но какъ онъ святъ и важенъ для того,
 „Кто любитъ въ храмъ совершать молитвы!
 „Не онъ ли намъ о Небѣ говорить?
 „Не онъ ли намъ объ адѣ воспоминаетъ?
 „И колоколъ — вещественный языкъ
 „Каръ безконечныхъ, безконечныхъ благъ,
 „Иному другъ, иному тяжкій врагъ!
 „Не то ли и Поэзія святая? —
 За что жъ она *недѣльное* на свѣтѣ!
 Я не могу неблагодарнымъ быть;
 Поэзія всю жизнь мою создала,
 Украсила мой голосъ сладкимъ звукомъ,
 Умъ — мыслію, достойной человѣка;
 Но счастье мое — вѣнцемъ терновымъ!
 „Я дорого купилъ земную славу;
 „Въ несчастіяхъ меня то утѣшало,
 „Что лучшія настанутъ поколѣнья,
 „И жизнь и умъ наукой обновятъ;
 „И я тогда возстану между ними,
 „И мертвымъ языкомъ моихъ твореній
 „Пересоздамъ ихъ въ добрыхъ, благородныхъ!
 „О радостно съ цвѣтовъ воображенія
 „Сбирать питательный, душистый медъ,
 „Чтобъ жизнь земныхъ младенцевъ услаждать,
 „Порока и судьбы дѣтей невинныхъ!

Корнелія.

Братъ дорогой! Какъ сѣно вѣришь ты
 Пустымъ мечтамъ! Есть лучшія мечты
 Любовь

Т а с с ѣ (вскакиваетъ).

Любовь, Корнелія, любовь!!

О! я любилъ; но въ глупомъ ослѣпленіи,
 Считалъ любовь ребяческой игрушкой,
 Забавой для очей, а не для сердца.
 Я не хотѣлъ души обезобразить
 Какимъ нибудь тѣлеснымъ, низкимъ чувствомъ!...
 Корнелія! ты одного любила
 Ты, можетъ быть, — обыкновеннымъ сердцемъ,
 Обыкновенной страстью закипѣла,
 Влюбилась въ нѣгу жаркихъ наслажденій,
 И счастлива! Твой подвигъ совершенъ,
 Ты наслаждаешься теперь плодами
 Минувшей сладкой страсти Такъ! а я
 Влюбился, какъ дитя, въ прелестный образъ
 Двухъ демоновъ, подъ ангельской одеждой!

Корнелія.

Какъ, ты влюбился не въ одну?

Т а с с ѣ.

Смѣшно?

Платонъ тогда лишилъ меня разсудка!
 Казалось мнѣ, что долженъ я любить
 Не дѣву самую, а прелесть дѣвы!
 И я, какъ предъ картинами художникъ,
 Пилъ жадными очами наслажденье
 Въ очахъ Лукреціи и Леоноры!
 Торжественно свершались чудеса
 Въ моей душѣ преображенной; страсти
 Сначала улеглись спокойнымъ моремъ;
 Казалось мнѣ, что никогда ихъ буря
 Моей души не потревожитъ. Тщетно!
 Когда въ груди жаръ первыхъ впечатлѣній
 Охолодѣлъ отъ частаго свиданья;
 Когда, въ земную прелесть ихъ вглядѣвшись,
 Я въ нихъ узналъ обыкновенныхъ женщинъ;
 То и во мнѣ проснулся человекъ;
 Но человекъ съ ужасными страстями,
 Съ земнымъ умомъ, съ надеждами земными!

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Явленіе пятое.

Внутренность Капитолія: на одной сторонѣ креслы на возвышеніи, на другой — палой съ Виргиліевымъ вѣнцемъ. Кругомъ мѣста для зрителей.

Выходъ 1.

Множество народа. (Музыка вдали играетъ торжественный маршъ; въ сторонѣ, внутри оркестръ строитъ инструменты.)

Многіе голоса.

Позвольте мнѣ пройти! — И такъ тутъ тѣсно. —
 Пустите даму! — Здравствуйте, сосѣдъ! —
 Вы слышали, что можетъ быть вѣнчанье
 Отложить; Тассъ опасно боленъ. — Жалко;
 Однако жъ есть надежда? — Небольшая. —
 Но старшины уже пошли къ нему, —
 И такъ все скоро разрѣшится? — Скоро. —
 Идутъ! — Идутъ! — Что, если насъ разгонять?
 И то случится можетъ. —

Герольдъ (за дверьми).

Разступитесь!

Дорогу первому Поэту вѣка! —

Выходъ 2.

Народъ разступается; музыка внутри начинаетъ играть хоръ; Герольды идутъ предъ Тассомъ, который медленно приближается къ кресламъ, кланяясь на привѣтствіе народа; его поддерживаютъ Д. Мости

и К. Риги; Старшины, Князья, Вельможи и проч., сопровождают Тасса; Старшины, указавъ Тассу креслы, окружаютъ
 Виргиліевъ вѣнецъ.

Хоръ (прерываемый криками народа и Герольдовъ).
 Амминты сладостный Пѣвецъ,
 Пѣвецъ Іерусалима!

Герольдъ.
 Дорогу первому Поэту вѣка!

Народъ.
 Торквату Тассу слава, долголѣтье
 Хоръ.

Вступи во храмъ, прими вѣнецъ
 Отъ радостнаго Рима!
 Герольдъ.

Дорогу первому Поэту вѣка!
 Народъ.
 Благословеніе земли и неба!

Хоръ.
 Онъ твой давно! Великій Римъ
 Отъ радости трепещетъ!
 Счастливый счастиемъ твоимъ,
 Въ восторгѣ рукоплещетъ!
 (Раздаются громкія рукоплесканія.)
 Народъ.

Миръ, слава, честь, богатство, долголѣтье!
 Герольдъ.
 Дорогу первому Поэту вѣка!

Народъ.
 Благословенъ да будетъ праздникъ Тасса!
 (Тассъ садится въ креслы.)

Хоръ.
 Да просвѣтлѣетъ Божій сводъ
 И благодать Господня
 Да осѣнитъ насъ! Твой приходъ
 Мы празднуемъ сегодня!

Тассъ.
 Я здѣсь умру! Здѣсь — на своемъ я мѣстѣ!
 Я въ пристани — и ни за что на свѣтъ
 Къ вамъ, въ океанъ и гора и несчастій
 Я не сойду Друзья! Я здѣсь умру!
 (Вставъ.)

Какъ я силенъ! Римляне благодарность,
 Признательность за милости и ласки!!
 Я отъ людей ужъ ничего не ждалъ.
 А вы меня даруете безсмертьемъ.
 Но, къ сожалѣнію, только трупъ Поэта
 Одинъ — пришелъ за лавровымъ вѣнцемъ.
 Давнымъ давно; какъ тотъ вулканъ — Везувій,
 Я весь сгорѣлъ! — Я перетлѣвшій пепелъ —
 И скоро злая смерть меня развѣетъ.
 Вы для меня нарушили обряды,

Вы сократили праздникъ торжества,
Чтобъ не замучить слабаго Поэта.
Благодарю, еще благодарю!

Но чѣмъ же мнѣ васъ отдарить, Римляне?
Поэзіи законъ Капитолійскій: —

Звучать стихомъ, стихами благодарность
Передъ народомъ Римскимъ изливать;
Но не могу, съ обрядами согласно,
Привѣтствовать васъ сладкими стихами;
Я не могу изсохшими перстами

По струнамъ Арфы ударять
И звуки чистыхъ вдохновеній
Изъ струнъ покорныхъ извлекать.
Давно меня оставилъ геній! —

Я одинокъ на всей землѣ,
Какъ одинокій кедръ — въ пустынѣ;
Безумье на моемъ челѣ

И пустота въ грудной святынѣ;
Живой я мертвъ; души лишень;
Моя душа — воспоминанья;
Мой голосъ — скорбный звукъ страданья;
Вся жизнь моя — тяжелый сонъ;
Мои дѣянья — сновидѣнья;
Мои желанія — мечты;
И весь я — оставъ, привидѣнье,
Символъ могильной пустоты!

(Народъ рыдаетъ.)

Нѣ сколько голосовъ.

О бѣдный Тассъ! о бѣдный, бѣдный Тассъ!!

Т а с с ъ.

Но въ жизни — жизни нѣтъ конца!

Она въ безсмертьѣ переходитъ.

На лонѣ вѣчнаго Отца

Успокоеніе находить.

Туда, туда, въ страну небесъ

Изъ этого спѣшу я свѣта;

Но не хочу оставить здѣсь

Негодование на Поэта.

Въ часъ торжества и смерти въ часъ,

Хочу со всѣми примириться,

Чтобъ я хотя единый разъ

Могъ на землѣ возвеселиться.

За всѣ страданія, за срамъ,

За муки, клеветы, гоненье, —

Отнести я поручаю вамъ

Альфонсу отъ меня — прощенье!

(Садится въ креслы.)

Н а р о д ъ.

О добрый Тассъ! Великодушный Тассъ!

Къ вѣнцу, къ вѣнцу; — Альфонсъ Феррарскій Герцогъ.

Выходъ послѣдній.

Тѣ же, Альфонсъ, Леонора, Константина и
Гонзаго.

(Старшины несутъ зѣнецъ.)

Тассъ.

Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! Что вижу? Леонора!
Вотъ два вѣнца: лавровый и терновый!
Тотъ и другой мнѣ сладостны равно.
Альфонсъ, ты здѣсь! Какъ жрецъ и прорицатель,
Во храмъ славы долженъ я изречь
Все, что во мнѣ ни возбуждастъ геній!

(Вставъ.)

Да будетъ день вѣнчанья моего
Молитвы днемъ и днемъ благодаренья!
Да мудрому Премудрый подаритъ
Все, что ни есть прекраснѣйшаго въ мірѣ!
Да щедрому Всещедрымъ Богъ воздастъ
Сторицею за всѣ благодѣянья;
А зла не поминишь Онъ, — Онъ, Милосердый!
Альфонсъ! — съ небесъ поэзіи своей
Торквато Тассъ тебя благословляетъ!
Да будетъ миръ внутри тебя и внѣ!
Да Божій свѣтъ красуется тобою!
Да слава имени Альфонса — шумно
Міръ пролетитъ и въ каждомъ, каждомъ мѣстѣ
Оставитъ о тебѣ святую память!
Но въ тѣ часы, — когда благословенье
Торквата Тасса дѣйствіе окажетъ,
Вспомни обо мнѣ, о бѣдномъ Тассѣ!
Кто болѣе любилъ тебя, Альфонсъ,
Кто болѣе тебя, Альфонсъ, прославилъ?
О чемъ теперь грущу на тронѣ славы?
Все объ тебѣ, Альфонсъ Великодушный,
Что не могу октавы сочетать
Тебѣ же въ честь, тебѣ же въ прославленье!
Такъ пусть же смерть моя въ твоихъ объятыхъ
Послѣднею моею поэмой будетъ!
А ты, краса Италіи и пола,
Царица дѣвъ! — Послѣдній ѳиміамъ
Поэзіи изъ устъ моихъ ліется! —
Ты Божество! Ты небо — на земли!
Ты радуга грядущаго блаженства!
Будь ангеломъ Италіи моей!
Да, зря тебя, дивится добродѣтель,
Смущается порокъ. Но, силы неба!
Какой-то новый воздухъ въ перси льется
Внизу толпа вверху толпа сіянье
Труба гремитъ то звуки вѣчной славы! ..
Рукоплещи, великолѣпный Римъ!
Возрадуйтесь, друзья Торквата Тасса!

Весь міръ въ моихъ объятіяхъ объемяю —
И два вѣнца — одной главой пріемяю!!
Изъ торжества вступаю въ торжество!
Миръ вамъ! И вы возстаните изъ гроба!
Я началъ жить! . Альфонсъ и Леонора!
Друзья мои! Простите? До свиданья! ..
Альфонсъ.

Вѣнецъ подайте!

(Тассъ, простерши руки къ вѣнцу, постепенно ослабѣваетъ; смерть на его лицѣ оставляетъ неподвижную улыбку; Альфонсъ вырвавъ изъ рукъ изумленныхъ старшинъ вѣнецъ, взбѣгаетъ на возвышеніе и надѣваетъ его на голову Торквата, которую поддерживаетъ Мости; Леонора закрываетъ руками глаза; друзья Торквата также восходятъ на возвышеніе и, окруживъ Тассу, проливаютъ слезы.)

Альфонсъ (на возвышеніи, проливая слезы).

Люди! На коѣнна!

Кончается великій человѣкъ!

(Всѣ становятся на коѣнна; раздаются громкія рыданія; заставъ медленно опускается.)

Н. Кукольникъ.

Отрывокъ изъ трагедіи:

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ шатеръ Великаго Князя Московскаго.

Явленіе первое.

Димитрій и прочіе Россійскіе Князья, Бояре, Военачальники, сидящіе и составляющіе Совѣтъ.

Димитрій.

Россійскіе Князья, Бояре, Воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на Княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенію нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Капчацкая орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на Россіихъ раменахъ
И разсѣвала вокругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междуусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,

Которыми предъ симъ Россійская страна
 До разслабленія была доведена,
 Прешли въ сію орду. Возникли новы Хань,
 Отторглись отъ нее; но алчные тираны
 Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
 Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ, Мамай,
 Задонскія орды властитель злочестивой,
 Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
 Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и можетъ быть сей Ханъ
 Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
 Но видя Росскихъ силъ внезапно соединеніе,
 Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнны;
 Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
 Друзья Дмитрія! разсудите ль принять?
 Иль твердыми пребывъ въ намѣреніи геройскомъ,
 Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ?
 Чтoby первый Россіанъ и смѣлый ихъ ударъ
 Раздался по землѣ и ужаснулъ Татаръ.

Князь Тверскій.

Такъ, будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ.
 Никто изъ васъ, Князья, меня не можетъ болѣ
 Желать отмщенія врагамъ свирѣлымъ симъ.
 Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
 Мой дѣдъ, и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
 Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ;
 И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
 Великій Россовъ Князь! ты созвалъ насъ сюды
 Не съ тѣмъ, чтобы вступить съ Мамаемъ въ договоры;
 Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
 Тверское воинство родитель вѣрилъ мнѣ;
 Нижегородскій Князь, участвуя въ войнѣ,
 Но древностію лѣтъ не въ силахъ выдти въ полѣ,
 Свою отважную рать моей повѣрилъ волѣ. —
 Отъ устѣя Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
 Привелъ я храбрыхъ сонмъ, искать, сражать враговъ,
 Или за вѣру пасть и лечь за Русску землю.
 Когда наградою я Ксенію приѣмлю,
 Колю града Нижняго прелестная Княжна
 Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена,
 На всѣ опасности отважиться я смѣю.
 Я ждалъ ее во станъ; но соединюся съ нею,
 Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
 И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести. —
 Всѣ Русскіе Князья, съ отважностію равной,
 Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной;
 Почто же видѣтъ намъ Мамаева посла?
 Когда пріязнь Татаръ быть искренной могла?
 Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
 Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы.

Князь Бѣлозерскій.

О! сколько счастливъ я, до сихъ доживши дни,
Согласье видя здѣсь, любовь между Князей,
И на враговъ въ сердцахъ едиподушну ревность.
И такъ въ отверзтый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава. —
О тѣнь Владиміра! и ты, тѣнь Ярослава!
Родоначальныя домовъ Княжнихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ Русскихъ племя
Соединясь душой одной, въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія соединенна.

(Къ Дмитрію.)

Димитрій! для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель.
И Бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель,
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толкаго числа. —
Изъ Русскихъ всѣхъ Князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участія въ брани,
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ;
Иль лучше имя ихъ пускай придетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ. —
Но сколь, о Государь! успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однако жъ мой: принять Татаръ посольство.
И если можемъ мы возстановить спокойство
Платя Мамаю дань

Всѣ Князья изъявляютъ негодованіе.

Димитрій.

О Бѣлозерскій Князь!

Что предлагаешь ты? Чтobъ брани убоясь,
Постыдною податью мы власть признали Ханску?

Князь Бѣлозерскій.

Чтобы щадилъ кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтobъ орды
Не соединились вновь для нашея бѣды;
Брегися, чтobъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый;
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который междъ собой ихъ Хановъ раздѣляетъ.
Скорѣи обиженный обиды забываетъ,

Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ Татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали;
Своею вотчиной они Россію чтутъ:
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ. —
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины;
И отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной.

Димитрій.

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни, и честь и самой вѣры гласъ,
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтной,
Что навшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертной,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергіи! пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ;
О ты! который намъ священной рукой
Явивъ, благословилъ сей лежащій бой,
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламятъ Россійскія сердца
Искать свободы здѣсь иль райскаго вѣнца.
Такъ, лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться;
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбыю льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ данъ, тотъ слабъ, кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглуку къ обидѣ призываетъ. —
Но Ханскаго посла согласенъ и принять,
И ввести предъ сонмъ Князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ;
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ,
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Годрогся бѣ, и пренесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Князь Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близъ шатра рѣшенія ожидаетъ;
Ты, Бренской, приведи прибывшихъ къ намъ Татаръ.

Явленіе второе.

Всѣ прежніе, исключая Бренскаго.

Князь Бѣлозерскій.

Твоимъ молодымъ лѣтамъ приличенъ, свойственъ жаръ,
Съ которымъ, Государь, стремишься на сраженъе.
Любви къ отечеству похвальное внушенъе!
Ахъ! далъ бы Богъ вѣнчать свободою намъ бой.
Но я исполнилъ долгъ. — Покрытымъ сѣдиной;
Я почерпнулъ совѣтъ не въ пылкости сердечной,
Всегда рѣшительной минутой скоротечной:
Но въ долгихъ опытахъ прожитыхъ мною лѣтъ;
И старецъ, въ правѣ я не льстивый дать совѣтъ.
Онъ робкимъ кажется: но смѣлство нужно вою;
Въ совѣтахъ истинной вѣщать хочу одною. —
Посолъ вступаетъ къ намъ: Димитрій! не забудь,
Что предлежитъ тебѣ избрать надежный путь,
Которымъ возвести отечество обязанъ,
Что Русской весь народъ съ твоимъ глаголомъ связанъ.

Явленіе третіе.

Русскіе Князья и сидящіе; посолъ Мамаевъ, сопровождаемый
нѣсколькими Татарами.

Посолъ.

Россійскіе Князья! испобѣдимый Ханъ
Задонскія орды, и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, кою панестъ вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще на благодти простерть.
Останавливаетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Неправдою удержаны Татары.
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ Князей;
Съ нимъ страшный исполнѣ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужасиѣ великой рати воевъ. —
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань покорствуя Мамаю.
Я именемъ его вамъ милость общаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить,
И вашу жизнь еще позволить вамъ продлить.

Димитрій.

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго Хана!
Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ, и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благодти Татаръ?
Но жить еще кому, иль намъ или Мамаю,
Оружіе рѣшить; и твердо уюваю,

Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогу;
Поможетъ намъ отмстити убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ;
И хану дань несемъ не золотомъ, не серебромъ;
Нѣтъ! дани для него мы собрали инныя,
Мечи булатныя и стрѣлы каленыя:
Пусть онѣя принять Неправду перейдетъ.

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ?

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы?

Посолъ.

По праву сильнаго всѣ ваши земли, дома,
И все имущество стяжаніе Татаръ;
И самый солнца свѣтъ вамъ Хановъ нашихъ даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для местн намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамаю непокорствомъ!

Димитрій (встаетъ и за нимъ всѣ Князья).

Татаринъ! я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнне мой отвѣтъ на дерзкія слова. —
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь,
Чего же медлишь здѣсь? Чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему, и возвести ему,
Что Богу Русской Князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о Князь высокохвальный!
Что будетъ надъ тобой Мамаю гнѣвъ примѣрный.
И отъ сего часа покорствуй ты иль нѣтъ,
Нашъ Ханъ Димитрію пощады не дастъ.
Для Русскихъ всѣхъ Князей на милость онъ склонится,
Съ тобою же ни какъ, ни чѣмъ не примирится;
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій (берется за мечъ).

Ордынецъ дерзостный!

Д и м и т р і й (останавливая Бренскаго).
Оставь его безумство!

Престола хищника послу прилично буйство.
(Къ Послу.)

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой.
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой.
(Подаетъ знакъ, чтобъ Татаръ вывели.)

В. Озеровъ.

Изъ Поэмы :

П О Л Т А В А .

Пѣснь третья.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украины не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молить исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хотеть править,
Онъ Архипастыря зовѣтъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный тетстъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждали всечасно,
Средь старыхъ, вражескихъ могилъ
Готовя Шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украину.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ П е т р а.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ

Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый Кардиналъ,
 Вънчавшись Римскою тіарой,
 И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.
 И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украина смутно зашумѣла.
 „Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный.“ Пламя пышетъ,
 Встаетъ кровавая зоря
 Войны народной.

Кто опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ Царя?
 Гремить анаѣма въ Соборахъ;
 Мазепы ликъ терзаетъ катъ*).
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другаго Гетмана творять.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ.
 Онъ ихъ лаская осыпаетъ
 И новой честью и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
 Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
 На плахъ гибнетъ Чечель смѣлой
 И запорожскій Атаманъ;
 И ты, лыбовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь туда жъ помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря притекли —
 И оба стана средъ равнины
 Другъ друга хитро облегли:
 Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣлой,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходится боецъ.
 И злобась видитъ Карлъ могучій
 Ужъ не разстроеныя тучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый штыковъ.

*) Малороссійское слово — по - Русски палачъ.

Но онъ рѣшилъ : завтра бой.
Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шепотомъ бесѣда.

„Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы нехотати :
Разсчитать и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? Далъ я промахъ важной :
Ошибся въ этомъ Карлъ я.
Онъ мальчишкѣ бойкій и отважной ;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ усмѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ;
Не хуже Русскаго стрѣлака
Прокрасться въ ночь ко вражью стану ;
Свалить какъ нынче казака
И обмѣнять на рану рану ;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ :
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣрить ;
Онъ силы новыя врага
Усмѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь : воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ
Какъ дѣва робкая.“

О р л и к ъ .

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья :
Еще поправить можно зло.
Разбиты нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

М а з е п а .

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ :

Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшить заря.
 Умолкъ и закрываетъ вѣжды
 Измѣнникъ Русскаго Царя.
Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розень сквозь тѣсины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣсимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра :
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему кони подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожитъ. Глазами косо водить,
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчить музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣвъ
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура :
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны :
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Нессомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненіе.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣніе
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія равнины

Сошлись въ дыму среди равнины :
И грянулъ бой, Полтавскій бой !
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгають, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клнки, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, топотъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

— — — — —
— — — — —

А. Пушкинъ.

Изъ Поэмъ :

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владиміръ - солнце пировалъ ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили,
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный ;
Жужжитъ гостей веселый кругъ ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ ;
Всѣ смолкли ; слушаютъ Баяна :
И славить сладостный пѣвецъ

Людмилу - прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вънѣсъ.

Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;
Безмолвны, за кошмемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ;
Не слышать вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой Хазарскій Ханъ Ратмиръ:
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

— — — — — Вдругъ

Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ страшной,
И кто то въ дынной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной
И снова теремъ пустъ и тихъ;
Встаетъ испуганный женихъ,
Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой
О горе: нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой.

Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распался,
Его и дворъ онъ созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ неслышитъ. „Дѣти, други!

„Я помню прежнія заслуги :
„О, сжаьтесь вы надъ старикомъ !
„Скажите, кто изъ васъ согласенъ
„Скакать за дочерью моею ?
„Чей подвигъ будетъ ненарасенъ,
„Тому — терзайся, плачь, злодѣй !
„Не могъ сберечь жены своей ! —
„Тому я дамъ ее въ супруги
„Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
„Кто жъ вызовется, дѣти, други ?
— Я ! молвилъ горестный женихъ.
„Я ! я !“ воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ :
„Сей часъ коней своихъ сѣдаемъ ;
„Мы рады весь изѣздить мѣръ.“

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ :
Русланъ уныняемъ какъ убитъ
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мѣтвить.
Садятся на коней ретивыхъ ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли.

Русланъ томился молчаливо,
И смыслъ и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ : „наслу я
„Наволю вырвался, друзья !
„Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ ?
„Ужъ то - то крови будетъ течъ,
„Ужъ то - то жертвъ любви ревнивой !
„Повеселись мой вѣрный мечъ,
„Повеселись мой конь ретивой !“

Хазарскій Ханъ, въ умъ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ.
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,
Кружить, подымлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчить — ни слова ..
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной

На князя мрачно устремлѣнь.
Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень берегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся путь.
„Разѣѣдемся, пора!“ сказали
„Безвѣстной вѣѣримся судьбѣ.“
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный —
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
„Убью! . преграды всѣ разрушу
„Русланъ! узнаешь ты меня
„Теперь - то дѣвица поплачетъ!“
И, вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.
Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ: кто - то въ полѣ
Какъ буря мчится на конѣ;
И времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Конь, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ — а тотъ за нимъ во слѣдъ.
„Остановись, бѣглець безчестный!“
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
„Презрѣнный дай себя догнать!
„Дай голову съ тебя сорвать!“
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмирая,
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.

Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнул хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
Погибни, трусь! умри! въщаетъ
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣи отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился но едва, едва
Самъ не смѣлся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала.
Ты тамъ найдешь его, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
„Встань, молодецъ; все тихо въ полѣ;
„Ты никого не встрѣтишь болѣ;
„Я привела тебѣ коня;
„Вставай, послушайся меня.“

Смущенный витязъ по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздыхнулъ и молвилъ оживая:
„Ну, слава Богу, я здоровъ!“

„Повѣрь! старуха продолжала:
„Людмилу мудрено сыскать;
„Она далеко забѣжала;
„Не намъ съ тобой ее достать.
„Опасно разѣзжать по свѣту;
„Ты, право, будешь самъ не радъ.
„Послѣдуй моему совѣту,

„Ступай тихохонько назадъ.
„Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
„Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
„Останься лучше безъ заботъ:
„Отъ насъ Людмила не уйдётъ.“

Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ*) дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій,
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязъ по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збуя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; конья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плающъ ихъ обвиняетъ .
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязъ вкругъ себя
Вируетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усыялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы;
За чѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть жожетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!“

Но вскорѣ вспомнилъ витязъ мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.

*) Русланъ.

Обходить поле онъ вокругъ ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулся гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ ;
Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
Пашель и шлемъ и звонкій рогъ ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязъ нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взявъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный,
Надъ усыпленною землѣй;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой ;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ : сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ ;
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманъ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ ; смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Наиду ли краски и слова ?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты ;
Храпитъ, качая племъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни, ходятъ, разлѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена
Пустыни сторожъ безымянной,

Руслану предстонтъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣннѣи хотеть онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекотить ноздри копѣемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ,
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ копя,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
Нахмурясь голова кричала.
„Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
„Послушай, убирайся прочь!
„Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
„Прощай!“ Но витязь знаменитой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью, сердитой:
— Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу! —
Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣснѣнной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали,
Изъ устъ, ушей поднялся паръ —
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмура очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,

Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: „ай, витязь! ай, герой,
„Куда ты? тише, тише, стой!
„Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
„Не трусь, наѣздникъ, и меня
„Порадуй хоть однимъ ударомъ,
„Пока не заморилъ коня.“
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей, молча, копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Возвился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшеннаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла. —
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой. —
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ поднятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаху голову разить;
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обогрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И племъ чугуный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетъ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ

По окровавленной травѣ
Бѣжить съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить ;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ
И тихо мечъ онъ опускаетъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной :
Такъ на долину таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

Но кто трубилъ ? Кто чародѣя
На свѣчу грозну вызывалъ ?
Кто колдуна перепугалъ ?
Русланъ. Онъ, мстью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря, воетъ,
Нерусливый конь кипитъ
И снѣгъ конытомъ мочнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому стальному
Рукой незримой пораженъ ;
Ударъ упалъ подобно грому ;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ,
И видитъ — прямо надъ главою —
Съ подъятой, страшной булавой
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся ;
Но тотъ взвился подъ облака ;
Намигъ исчезъ — и свысока
Шума летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ — да тамъ и сѣлъ ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ.
Поймалъ, за бороду хватаетъ,
Волшебникъ сплится, крахтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаetъ
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ ;
Уже колдунъ подъ облаками ;
На бородѣ герой виситъ ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской ;

Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя,
И силъ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить : слушай князь !
Тебѣ вредить я перестану ;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спускаюсь — но только съ уговоромъ :
„Молчи, коварный чародѣй!“
Прервалъ нашъ витязь : „съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора.
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!“
Болзнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ :
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дни колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ :
„О, рыцарь ! сжался надо мной;
Едва дышу ; нѣтъ мочи болѣ ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ ;
Скажи — спущусь, куда велишь “
— Теперь ты нашъ : ага, дрожишь !
Смирись, покорствуй Русской силѣ !
Песи меня къ моей Людмилѣ. —
Смиренно внемлетъ Черноморъ ;
Домой онъ съ витяземъ пустился ;
Летитъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ, одной рукою
Взявъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
„Знай нашихъ ! молвилъ онъ жестоко ;
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса ?
Гдѣ сила ?“ и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса ;
Свистя зоветъ коня лихаго ;
Веселый конь летитъ и ржетъ ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,

Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.

А. Пушкинъ.

Изъ поэмы :

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГО- РУКАЯ.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладою,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думъ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатъ догарая,
Багряный блескъ смѣнялся тмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонила къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдницами,
Небесный житель на землѣ;
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтель праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Уже готовъ итти молиться:
Да свидѣтъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идѣтъ,
И дверь шатнулася: у порога
Съ младенцемъ спутница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.
„Войди подѣ мой убогій кровъ“
(Сказалъ онъ ей): „пора ночная,

Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
И есть у насъ хлѣбъ - соль простая;
Переночуй, ты съ новымъ днёмъ
Пойдешь опять своимъ путёмъ.“
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго крестить,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу - словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барской домъ, на тѣмный садъ,
Какъ будто узнавала что - то,
Какъ бы искала тамъ кого - то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

Души, встревоженной, волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ : и старца въ ней
Дивило все: „Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горестъ тихая пріятна.
И хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой
Куда жъ теперь не въ часъ урочный
Одна дорохою большой? ..
Ахъ, нѣтъ, какъ Ангелъ Непорочный
Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое!“

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить;
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце, полное волнений,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,

И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
„Что такъ задумалась? Ты въ горѣ!“

Путница.

Я, мой отецъ?

Священникъ.

Твоя тоска,

Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ тяжело жить!

Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ

Обманчивъ, другъ!

Путница.

И сколько бѣдъ

Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страданьи Благодать!

Путница.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются по неволѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ Небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь.

Путница.

О, рѣчь святая!

Отраднa ты.

Священникъ.

И гдѣ же тотъ,

Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, молодые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:

Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ни чѣмъ тебя не приучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ.
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ — Бояринъ межъ Боярѣ,
Петровой правою рукою,
И прямо Русскою душою,
Отчизну и Царя любилъ;
Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая
Суди жъ, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты.

П у т н и ц а.

Не я!

С в я щ е н н и к ъ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась,
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я расскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ ее одну
Печаль такъ рано сокрушила;
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,

Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней,
 Съ невинной, нѣжною тоскою
 Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
 Сливался непонятный страхъ,
 И что-то схожее съ тобою
 Въ ней было: такъ, лице твое
 Напоминаетъ мнѣ ее;
 Рѣсницы, какъ у ней, густыя
 И очи темно-голубыя,
 И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
 Она была тебѣ стройнѣе
 И воска яркаго бѣлѣе;
 Не диво: солнце и морозъ
 Ея въ поляхъ не заставляли,
 Подоть и жать не посылали,
 И одѣвалъ красивый станъ
 Не твой кумачный сарафанъ.

И дружно путницѣ смятенной
 Священникъ руку протянулъ,
 И ярко взоръ его блеснулъ,
 Воспоминаясь оживленной.
 Онъ разсказалъ о той порѣ,
 Когда ей радость ложно снилась,
 И какъ звѣздою при Дворѣ
 Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
 Тогда чинами и красой;
 Невѣсты Царской братъ родной,
 Сіялъ надменный Долгорукой;
 Онъ межъ Боярѣ и межъ Князей
 Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
 Съ нимъ бракъ надежною порукой
 Казался всѣмъ, что вѣчно ей
 Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.“
 Невольно старецъ вздохъ тяжелой
 Стѣснилъ, и съ важною веселою
 Завелъ онъ рѣчь про ихъ стоворъ,
 Какъ Духовенство, пышный Дворъ
 Боярѣ вельможныхъ посѣтили,
 Какъ Царь пріѣхалъ, какъ при Немъ
 Чету младую обручили,
 И какъ восточнымъ жемчугомъ
 Невѣсту милую дарили,
 Межъ тѣмъ, прелестная, она
 Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
 И, тихой радости полна,
 То улыбалась, то краснѣла,
 А, другъ веселости живой,
 Кругомъ шель кубокъ золотой
 Въ бесѣдѣ шумной и пріятной,

И щить зажегся разноцвѣтной,
И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ, толпясь, кричалъ : ура !

И кто бы, кто подумалъ прежде,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
Что радость измѣнить надеждъ,
Что счастье ихъ минутный сонъ !
Неумолимая гробница
Схватила юнаго Царя
Отъ двухъ вѣнцовъ, отъ алтаря ;
Напрасно блещетъ багряница
И ждетъ Княжна : всему конецъ !
Женихъ и Царь уже мертвецъ !
Затмилась вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ Нимъ ; чины, друзья
Исчезли ; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна ;
Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила ; но и съ женою
Онъ разлученъ

П у т н и ц а .

И слуха нѣтъ

О немъ ?

С в я щ е н н и к ъ .

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при Дворѣ не трудно бъ снова
Найти ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила ;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ :
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты, я вижу, улыбнулась ;
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и въ хладъ

Путница.

Она любила!

Не ссыла бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!
Скажи, гдѣ онъ?

Священникъ.

Какъ ты блѣдна!

Ты плачешь?

Путница.

Плачу! Ахъ, она

О томъ лишь небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ!

Священникъ.

О сонъ пустой!

Имъ счастье, тамъ?

Путница.

Отецъ святой,

Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ горѣ наслаждение.

Священникъ.

Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,
Кому здѣсь не о чемъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость,
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость,
Подъ кровомъ душиной нищеты!
Ей счастье? нѣтъ!

Путница.

Чѣмъ жертва боль,

Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней;
И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,
Когда въ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей молча руку жалъ,
Когда дѣтей она ласкала,
Отъ ихъ младенческой игры
Когда душа въ ней расцвѣтала,
Уже ль она не забывала
Москву и Царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

Священникъ.

Тебѣ какъ знать?

Путница.

Гдѣ онъ? Что съ нимъ?

Иль ждать за гробомъ ей свиданья,
И въ Небесахъ назвать своимъ!

Священникъ.

Мы здѣсь въ тиши уединенья

И за нее, и за него
Льемъ къ Небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего.

П у т н и ц а.

И не нашлося никого,
Кто бъ защитилъ ?

С в я щ е н н и к ъ.

Гдѣ правый сильный,
Кто бъ за несчастье грудью сталъ ?
О если бъ, сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ !
Онъ злобу съ хитрой клеветною
Сразилъ бы истинной святою ;
Онъ могъ изгнаннику помочь,
Онъ спасъ бы гибнущую дочь ;
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о путница молодая,
Когда бъ онъ былъ еще въ живыхъ,
Не даромъ здѣсь бы ночевала,
Повѣрь, горячихъ слезъ твоихъ
При немъ бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева села !

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что - то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золоченой
Задержнутъ былъ тафтой зеленой ;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей :
„Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй !“
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, древняя могила
Подпору бѣдной возвратила ;
Въ смятеніи робкомъ передъ нимъ
Она кольна преклоняетъ,
Зоветь сго отцемъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека :
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтою,
Она свой перстень золотой

Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косою
Лазурны очи отирала;
Невольный трепетъ, дикой взглядъ
О чемъ то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ, что Единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью землею
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная, что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
Безпечный весело игралъ!

Но скоро стонъ ея мятежной
Умолкъ, и грустью безнадежной
Залегъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Уже невольно часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждеть, не зная сна;
Стремится душою далеко:
Но что готовить рокъ жестокой?
Какую вѣсть она найдетъ?
Нѣтъ силы ждать: она встаетъ,
Младенца будить поцѣлуемъ:
„Когда бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,
Дитя мое!“ И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,
Село. И тихо, встала,
И начала собираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарею,

Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почиваль;
И вотъ стопою торепливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливой
Живѣе, пламенный горитъ.

— — — — —
— — — — —

И. Козловъ.

Изъ поэмы:

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте; я расскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня была, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужной часокъ пошутить, посмѣ-
яться,

Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ под-
лобья,

Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.

Было прекрасное Майское утро. Квакунъ Двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на
пригорокъ,

Сочной травой покрытый; и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началось; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угождение разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за его величествомъ; солнце вошло ужъ на пол-
день.

Вдругъ изъ-за кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой
шубкѣ,

Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на то-
ненькихъ ножкахъ

Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ
шубахъ

Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.

Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши

Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,

Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку

Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастого рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала. Вдоволь напнешись и ланкой

Рыльце обтерши, сказалъ онъ : какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя ! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ
мутной

Лужи напившись, сказалъ : я не знаю вкуса напитка !
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала ; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю : изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ съ усами Турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки какъ руки ; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотъ
Пьютъ. А кто и откуда они, не извѣстно. Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незванные гости ; когда неприятели, взять ихъ,
Если дадутся ; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сосѣдши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ :
Это мыши ; неважное дѣло ! Но мнѣ не случилось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ

ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ
бѣлый.

Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, при-
поднявши

Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился : здравствуй, по-
чтенный

Воинъ, сказалъ онъ ему : прошу не взыскать, что безъ просу
Вашей воды напился я ; мы всѣ отъ охоты устали ;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось ; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить ; благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка : милости просимъ
Къ намъ, благородные гости ; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать : откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовутъ. Я посланъ сюда пригласить
васъ

Съ ними на бесѣду. Ради мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода : а платы не требуемъ ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и
солнце.

Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ : царская воля
Будетъ исполнена ; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою,
Плавать я не умѣю ; я царскій сынъ и наследникъ
Царства мышинаго. Въ это мгновеніе, спустившись съ при-
горка,

Царь Квѣкунъ со свитой своей приближался. Царевичъ Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою, Нѣсколько струсилъ; ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль Было у нихъ на умѣ. Квѣкунъ отличался зеленымъ Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ Громко онъ, прядая, шлѣпалъ. Царевичъ Бѣлая шубка, Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво Онъ поклонился царю Квѣкуну. А царь благосклонно Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю Очень мы ради; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно, Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось. Бѣлая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: раз-
скажи намъ

Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ

Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся, Правду всю скажешь! я царь и много имѣю богатства; Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами. „Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая шубка, Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой, изъ дома Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвость

Ирниарій

Третій; владѣтъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами: Три подполья, одинъ амбаръ и двѣ трети ветчинни Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; и въ супруги Взявши царевну Прасковью Пискуню, бѣлую шкурку, Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтъ Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста, Петръ Долгохвость, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ

Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.

Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи, вскрѣбаюсь Въ сырѣ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщеніе.

Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло: Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышелятокъ Бѣгало по полю въ запуски; я какъ пальбой, раззадорясь, Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной

Гривѣ запутался; левъ проснулся, и лапой огромной Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка; Съ духомъ собравшись, я, высунувъ носъ изъ подъ лапы, Левъ государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мыслѣ не входило Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровень часть, Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно

Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ,

Льву услужить ты задумалъ; добро, мы посмотримъ какую Милость покажемъ ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ

Лапу; а я давай Богъ ноги; но вотъ что случилось:

Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ нашихъ левнымъ рыканьемъ; смутилась, какъ будто отъ бури,

Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же Въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,

Мечется, бьется какъ бѣшеный; кровью глаза налилися; Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было Все то напрасно; лишь только себя онъ запутывалъ. Видишь,

Левъ государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.

Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать Зубомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ распутался.

Важно кивнувъ головою косматою и насъ допустивши

Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ

Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился

Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропасть. По этому дѣлу

Прозванъ Хватомъ, и славу свою поддержать я стараюсь.

Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность: такъ Богъ ужъ землю устроилъ.

Все здѣсь воюетъ: съ травю овца; съ овцею голодный Волкъ; собака съ волкомъ; съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ

Левъ; человекъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.

Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ,

Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ

Забѣ козни людскія. И тяжело подъ часъ намъ приходится.

Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ

Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью

Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ

Тѣмъ, что имѣю; счастію радъ, а въ несчастіи не хмурюсь.

Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.

Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:

Столь разумныя рѣчи меня въ изумленіе приводятъ.

Мудрость такая, въ такія цвѣтушія лѣта! Мнѣ сладко

Слушать тебя; и пріятность и польза! Теперь опиши мнѣ

То, что случилось когда съ мышиннымъ вашимъ народомъ;

Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали.

Долженъ я прежде о томъ рассказать, какія намъ козни

Строить нашъ хитрый двуногій злодѣй человекъ. Овъ

ужасно

Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заgrabить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ,
коими

Наше онъ племя избытъ замышляетъ. Вотъ, напримѣръ,
онъ

Домикъ затѣялъ построить; два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый
десятокъ

Смѣлыхъ охотниковъ вызвались — въ домикъ забраться,
безъ платы

Въ немъ отобѣдать, и вѣрныя вѣсти принести намъ.
Входятъ они, но только что начали дружно висцѣй
Кусъ ветчины тормозить, какъ подъемная дверь съ пре-
великимъ

Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и разложилъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ под-
польѣ

Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные,
Съ пиру пришли удалцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицѣ; наконецъ утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
На долго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился,
Намъ ко вреду, съ Сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошечій родъ давно враждуетъ съ мышиннымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глухимъ мы-
шенкомъ

Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфриемъ крѣпко накрѣпко мнѣ запретили
Порку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ; вижу камнемъ выставленный дворъ; освѣщало

Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Вытти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краю двора звѣрокъ усатый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотреть; а хвостикъ какъ
змѣйка,

Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ собирався покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ
зашумѣло

Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черные ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинные косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ тресся какой-то мохнатый мѣшокъ; и какъ
будто

Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы пере-
гнувшись,

По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память притти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у
урода

Словно какъ парусы; начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ приближалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстатѣ
Криккомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забѣлка;
Намъ же мышамъ онъ приносить и пользу: когда закри-
читъ онъ,

Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знаком-
ствомъ

Къ этому плуту подѣхалъ: тебя бѣ онъ порядкомъ по-
гладилъ

Бархатной лапкой своею: будь же впередъ остороженъ.
Долго рассказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье,
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска,
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый

Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракъ

Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высъченъ больно. Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный Климъ, по прозванью Бѣшеный хвостъ; такое прозванье Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стучалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкъ; Выѣзало множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду

Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка Вытянуть весь; и спина и хвостъ и переднія лапы, Словно какъ мерзлые; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ защищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ Котъ окаинный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ Нынѣче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; по лапы

Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки Не было тамъ никакой; и лишь только къ нимъ прикоснулся

Наши ребята, какъ вдругъ распустились когти, и на полъ Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались

Въ страхъ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ,

Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только. Вотъ ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрознитъ; тотъ подразнить

Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ цень. Берегитесь, тогда намъ сказала

Старая мышъ Степанида, которой Мурлыкины когти Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и на силу Какъ-то она отъ него упледа), берегитесь: Мурлыка Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него. То услыша, Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,

Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятъ своихъ, убралася Съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши, Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ

Климъ, по прозванью Бѣшеный хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы жъ при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ
онъ:

„Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ Сибирской,
„Ростъ богатырской, сизая шкурка, усы какъ у Турка;
„Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшенъ, за то и повѣшенъ.
„Радуйся наше подполье!“ Но только успѣлъ пропо-
вѣдникъ

Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать. Куда ты! пошла ужасная трагедія.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Больше было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны
были

Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Пра-
сковью

Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Принарий спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.
Жуковский.

ИЗЪ УНДИНЫ.

О томъ, какъ рыцарь праздновалъ свадьбу.

Если рассказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Ринштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы вдругъ ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ, и въ
этомъ

Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земнаго.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ — духомъ водянымъ, ужъ это мы знаемъ.
Было проникнуть въ него не лзя; но совсѣмъ тѣмъ нашъ
рыцарь,

Гости, рыбаки и даже служители были всѣ какъ-то
Смутны, казалось всѣмъ, что на праздники съ ними кого-то
Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ не могъ
быть

Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,
Вмѣсто желанной, являлся или съ блюдомъ дворецкій, или
ключникъ

Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально въ тарелку
Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ, какъ будто въ грустной

Думъ о прошломъ. Всѣхъ веселѣ была молодая;
Но и ей самой какъ будто совѣстно было
Въ брачномъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ богатомъ
вѣнчалномъ

Платѣ, на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда, какъ Ундина
„Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,
Или носима была безъ приюта морскими волнами.“
Эти отцевы слова и прежде мучили ей сердце;
Тутъ же они отзывались въ ухахъ ея безпрестанно;
Рано гости оставили замокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ, молодая
Также къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ новообращной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ не много свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертольда велѣла подать дорогіе
Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренныя; стала примѣривать то и другое;
Лестя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертольда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: Боже! какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бѣ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бѣ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ! если бѣ мнѣ нынче жъ хотѣ

кружку
Этой воды достали! — О чемъ же тутъ думать? сказала,
Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. — Не ужъ
то успѣетъ

Эта проказница камень поднять! съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертольда подумала. Скоро
Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодцу бѣжали
Люди. Бертольда сѣла подлѣ окна, и при яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ замка, ей было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и прискорбно
Было подумать, что имъ теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сдѣлать прежнему, доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ-то великъ, какъ
сначала

Думали; имъ изъ внутри колодца какъ будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: можно подумать, что бьетъ тамъ
Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ отверстія камень
Самъ собою подымался; безъ всякой помощи, свободно
Сдвинулся онъ, и со стукомъ глухимъ откатясь повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали

Прочь отъ колода. Бертольда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертольду пронзительнымъ окомъ, съ
тяжелымъ

Вздохомъ; и блѣднымъ лицомъ Ундины тогда показался
Образъ Бертольдъ: мимо ее она упинаясь,
Не хотя, медленно шла, какъ будто на судъ. Позовите
Рыцаря, громко вскричала Бертольда. Но всѣ въ непод-
вижномъ

Страхъ стояли на мѣстѣ. Сама Бертольда, какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ, умолкла.
Тою порою чудесная гостя приблизилась къ двери
Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла о, такую бывало
Здѣсь видали ее? въ то время еще нераздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь такъ точно, бывало, стучалась, Ундина.
Все это призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ постелю —
„въ постѣлѣ

Будешь ты скоро, но только въ холодной,“ шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ. И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостя
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
„Камень съ колодца сняли,“ она промолвила тихо,
„Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты.“ — Холодъ по
сердцу

Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ,
О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя. —
„Ахъ,“ она отвѣчала, „развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? я прекрасна какъ прежде, какъ
въ оный

День, когда твоею невѣстою стала.“ О, если бъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть! — „Охотно, возлюбленный мой,“ покрывало
Снявши, сказала она, и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она по-
цѣлуемъ

Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болю его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто
Выплакать душу хотѣла; и быстро, быстро лѣся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливались въ грудь, пока нанослѣдокъ

Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
Я до смерти его заплакала! встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору; мимо Бертольды, мимо стоявшихъ
Въ страхъ работниковъ, прямо прошла къ колодцу безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину, и пропала.

Жуковский.

Ц Ы Г А Н Ы.

Цыганы шумною толпою
По Бессараби кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ почлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степеней:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалеій,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ;
Она придетъ; но вотъ уже ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;

Земфиры нѣтъ, какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

— — — — —
— — — — —

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
„Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.“
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волюнки говоръ, скрипъ телегъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной.
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, попрежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью Цыганскому привыкъ.
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни
И упоенье вѣчной лѣни
И бѣдный звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги
Близъ Молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной

И тяжко пляшетъ и реветъ,
И цѣль докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожной,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь — они всѣ трое
Варятъ нежатоє пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ..
Въ шатрѣ и тихо и темно.

А. Пушкинъ.

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЬ.

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. Дѣдушка, сядь къ намъ, го-
лубчикъ;
Сядь, Расскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Марга-
рета
Чуть не заснула. Вотъ Маргарета, Луиза и Лота
Съ донцами, съ пряжей проворно подѣли къ огню и при-
молкли;
Фрицъ наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику
лавку,
Сѣлъ и сказалъ: мнѣ смотрѣть за огнемъ; а Эни на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: здѣсь мнѣ слышатъ.
Вотъ табакъ накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ
Трубку къ горящей лучинѣ, раза два пыхнулъ — струєю
Легкой дымокъ побѣжалъ; онъ пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: послушайте дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ: дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не dokonчу; а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про *красный кар-
бункулъ*.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не
сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой заглохло;
Тамъ дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія птички;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ: и уменъ и проворенъ; но
рано
Сталъ онъ трактиры любить; не исалтирь, не молитвен-
никъ — карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя на трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.

Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ, Молча, смотрѣлъ на игру ихъ, и слушалъ съ какими бож-

бами

Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшеный Вальтеръ. Ты не уйдешь отъ меня! проворчалъ, покосившись, Зеленый. Вѣрно рекрутскій наборщикъ? шепнула хозяйка, подслушавъ. Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами, Только что женится Вальтеръ и все промытарить на кар-

тахъ. —

Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласи-

лась

Мина за Вальтера выдти; да! изъ любви но къ нему ли?

Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери — имъ въ ужожденъе.

Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула; Вотъ, ей страшный, пророческій сонъ къ полуночи при-

снился;

Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;

Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.

„Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ: я невѣста.

Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться.“

Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошечки

Горсть образочковъ досталъ онъ. Сама выбирай — гово-

рить ей.

Вотъ она вынула Что жъ ей, подумайте, вынулось?

Карта.

— Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо: вѣдь *красный карбункулъ*

Значитъ онъ доля недобрая. — „Правда.“ Мина сказала.

— Мой совѣтъ, говорить ей чернецъ, попытаться въ дру-

гой разъ.

Что? Семерка крестовая? — „Правда, сказала, вздохнувши,

Мина.“ — Господь защити и помилуй тебя! Вынь дружечикъ

Въ третій разъ; можетъ быть, лучше удастся. Что тамъ?

Червонный

Тузъ? Кровавое сердце. — „Ахъ, правда!“ Мина ска-

зала,

Карту изъ рукъ уронивши. — Послушай, отвѣдай еще разъ.

Что? Не тузъ ли винный? Смотри, я не знаю. — „Онъ,

точно!“

Ахъ, невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;

Горе, горе! молился, дружокъ: онъ тебя закопаетъ. —

Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилось Минѣ.

Что жъ помогло предвѣщанье? Всѣ Мина за Вальтера

вышла.

Мина подумала, Мина сказала: „какъ Богу угодно!

Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ : что жъ

послѣ?

Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ.“

Дѣти, сначала было ей спосно; хотѣ Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ — и вотъ что однажды сказалъ онъ ей:
„слушай;

Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
Душу возьми Сатана, какъ скоро хотѣ пальцемъ ихъ трону.
Но отстать отъ вина — и во снѣ не проси; не отстану.
Плачь и крушися, какъ хочешь; хотѣ съ горя умри; не по-
можешь.“

Ахъ, друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ другое.
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ, и
тасуетъ

Карты, сидя за столомъ самъ - третей, и Вальтера кличетъ:
„Вальтеръ, со мной пополамъ; садись, сыграемъ игорку.“

— Я не играю, Вальтеръ сказалъ и пива напѣнилъ
Полную кружку. — „Вздоръ! возразилъ, сдавая, Зеленый,
Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не упрямься.
— Что же? (думаетъ самъ въ себѣ Вальтеръ) если не въ

деньги,
То и игра не въ игру .. и садится рядомъ съ Зеленымъ.
Вотъ, бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и сту-
чился.

Вальтеръ (кличетъ онъ), Вальтеръ, послушай, выдь на
словеско.

Вальтеръ ни съ мѣста. — Послѣ приди, говоритъ онъ. Что
kozyрь? —

Взятку беретъ онъ за взяткой. „Ты счастливъ, замѣтилъ
Зеленый.

Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣлка!“ Задумался Вальтеръ.
— Въ деньги или даромъ. игра все игра. Согласись,
сказалъ онъ. —

Вальтеръ (кличетъ мальчикъ опять и пуще стучится),
Выдь на минуту; словеско, не болѣ. — Отстань же, не
выду;

Козырь! тузъ бубновый! семерка крестовая! ко-
зырь! —

Крейцеръ дакр ейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и ду-
бланы.

Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: „Со мною нѣтъ денегъ.
Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми: онъ стоитъ
дороже;

Камень рѣдкой, карбункулъ; въ немъ же есть тайная сила.“
Въ третій разъ кличутъ въ окошко: выдь, Вальтеръ, пока
еще время.

„Пусть кричитъ, Зеленый сказалъ: покричитъ и отстанетъ.
Что жъ? возмешь ли мой перстень? Бери, въ убытокъ не
будешь.

Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень на палецъ, да
смѣло

Руку въ карманъ — и вынется звонкій, серебряный талеръ.
Но берегися разъ на день не боля; и въ будни, не въ праздникъ,

Слышнись ли, слышнись ли, Вальтеръ? Я самъ не совѣтую
въ праздникъ.

Если жъ нужда случится во мнѣ; ты крикни лишь: *Бука!*
(*Букой* слыву я въ народѣ) откликнусь тотчасъ. До свиданья.“
Что - то дѣлаетъ Мина? Одна, запершися въ каморкѣ,
Мина сидитъ надъ разодранной Библіей въ тяжкой печали.
Мужъ пришелъ и война поднялась. „Ненасытная плакса.
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ: перстень, кар-
бункуль.“

Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункуль! Творецъ мило-
сердїи,

Доля недобрая! сердце въ ней сжалось, и замертво пала...
Бѣдная Мина зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ себя приходила?

Сколько бъ кручины жестокой тебя миновало на свѣтѣ.
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже: день ли въ деревнѣ торговый,
Ярманка ль въ праздникъ у церкви. Вальтеръ нашъ тамъ.

Кто заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень, иль въ три часа
по полудни —

Вальтеръ сидитъ за столомъ и мѣшаетъ крапленныя карты.
Брошены дѣти; что было, то сплыло; поле за полемъ
Проданы всѣ съ молотка, и жена пропадаетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упрёки, да слезы;
Нынѣче драка, а завтра къ Пастору, а тамъ для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбъ съ водой попо-
стѣться.

Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь подливаетъ.

Такъ проходятъ семь лѣтъ. Ну послушайте жъ: Вальтера
Бука

Вывелъ опять изъ тюрьмы. „Не зайти ль по дорогѣ, ска-
залъ онъ,

Выпить чарку въ трактиръ? Съ чѣмъ ты покажешься дома?
Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холоденъ, худъ и
оборванъ.

Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрѣетъ.
Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть готовъ и съ досады,
Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую чашу.

Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то талеръ, и даромъ.
Правда пословица: счастливъ игрою, несчастливъ женою.

Будь ты одинъ — ни заботъ, ни хлопотъ; женился — ка-
ковъ ты?

Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усоншій; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружекъ: авось на душѣ просвѣтлѣетъ.“
Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу прижавши, въ по-
темкахъ

Дома сидитъ одинешенька, смотритъ сквозь слезы на небо:
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ! (и слезы ручьемъ
полилися)

Все, какъ должно сбылось; пошли же конецъ, мой Созда-
тель! —

Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усоншемъ.
Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ
безумный.

„Плачешь, вмѣл? (загремѣлъ онъ) плачь! теперь не на-
прасно!

Ужинъ, проворишь!“ — Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ
ни корки. —

„Ужинъ, тебѣ ль говорить? Хоть тресни, нѣтъ ножъ тебѣ
въ сердце!“

— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: въ могилу снесутъ,
да и только;

Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ. —
„Згнѣй же!“ онъ гаркнулъ и Мина съ крови ударилась
объ полъ.

— Ахъ, мое кровавое сердце (она простонала)!

Гдѣ ты, заступъ. Твоя чередъ: закопай меня въ землю. —

Ужасъ, какъ холодъ, обилья убійцу.. бѣжить неоглядкой;

Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.

„Бука, гдѣ ты?“ онъ крикнулъ. Громко откликнулось
въ полѣ.

Бука стоитъ за орѣшникомъ выступилъ. Что ты?
спросилъ онъ —

„Бука я Мину зарѣзалъ. скажи, присовѣтуй, что
дѣлать?“

— Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый?
Мину зарѣзалъ — великое диво! туда и дорога!

Но послушай, здѣсь оставаться теперь не годится;

Будетъ плохо; Рейнъ близко — ступай, переѣдемъ;

Лодка у берега есть. — Сядутся, плывутъ, переплыли,

На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ
трактирѣ

Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минуту,

Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться. —

Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ, и играютъ.

Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война
закипѣла.

Бей! кричатъ — „Подходи!“ — Я лопнулъ! — „Козырь!“
— Зарѣзалъ! —

Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ.

Стрѣлка взомла на двѣнадцать Ахъ, бѣлокуренькой
мальчикъ,

Стукни въ окошко! Не стукнетъ: дѣло кончается,
Вальтеръ.

Какъ же ты плохо играешь! , зарѣзалъ глубоко,
глубоко

Въ сердце къ нему заронилось тяжкое слово; а Бука,
Только, что вятку возьмутъ, повторить, да на Вальтера
взглянеть.

Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на
выборъ,

Все негодная сыплеть; мѣломъ онъ проигрышъ пишетъ.
Вотъ и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ
онъ руку

Всунулъ въ карманъ: — „Размѣняйте мнѣ талеръ.“ Пло-
хая монета,

Вальтеръ, плохая монета: въ карманѣ битыя стекла
Руку отдернулъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
Бука сидитъ, да вино попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла.

— Вальтеръ (допивши, сказалъ онъ) пора! хозяинъ ужъ
дремаеть.

Нынѣе праздникъ, двадцать пятое Августа; много
Будетъ въ трактирѣ гостей; пойдёмъ, зачѣмъ намъ тѣсниться?
Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь.
Праздникъ! Ахъ, Вальтеръ, какъ бы ты радъ былъ

ослабнаться; какъ бы
Радъ былъ ногами къ столу прирости, чтобъ не сдвинуться
съ мѣста!

Поздно, поздно; ничто не поможетъ. Бѣденъ какъ
мертвый,

Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ
Букой —

Бука впередъ, а онъ позади — побрелъ, какъ ягненокъ
Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредеть къ кровавой колодѣ.
Бука ставить его на выстрѣлъ ружейный отъ мѣста.

— Видишь, Вальтеръ (сказалъ онъ)? Звѣзды на небѣ
смеркли.

Видишь? Тяжелыми тучами небо кругомъ обложилось.
Воздухъ душень; вѣтка не тронется; листикъ не дрогнетъ.
Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ? Ужъ не молишь-
ся ль, Вальтеръ?

Или считаешь свой проигрышъ? Все проигралъ невозвратно.
Какъ быть! а выборъ остался плохой, я самъ признаюся.

Вотъ тебѣ ножъ я укралъ у убійцы, когда обдиралъ онъ
Мертвое тѣло. зарѣжь себя самъ, такъ за трудъ не за-
платишь. —

Такъ рассказывалъ дѣдушка внукамъ. Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвести, говорить ему бабушка: „скоро ль ты
кончишь?

Дѣвки боятся; на что ихъ стращать небывальщиной? Полно!“
— Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ лежитъ онъ и
съ перстнемъ

Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся птички. —
Тутъ Луиза примолвила: „бабушка, кто же боится?

Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?

Я добралася: Бука есть *искушеніе злое*.

Развѣ не вводить оно насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла? Мальчикъ въ окошечкѣ. кто онъ? Вѣрный учитель нашъ,
совѣсть.

О! я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его мысли.“

Жуковский.

ГРОМВАЛЪ.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу;
Быстро проникнувъ сквозь мрачность время,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучать;
Онъ по чистому полю несется, какъ вихрь,
Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.

Солнце склонилось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ;
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ заката на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дубрава шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещать.

Не гдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, ни видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснѣтъ, то померкнетъ вдали огонекъ.

Въ сердце съ надеждой, съ отвагой въ душѣ
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ — видитъ онъ замокъ въблизи предъ собой.

Синее пламя изъ замка блеснитъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой:
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутри замка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твердость желѣзныхъ воротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ верен,
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ;
Тишина распростерта и мрачность вездѣ
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:

„Хищной волшебникъ, коварный Зломарь!

„Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,

„Ты похитилъ Рогнеду, подругу его!

„Многія царства и земли прошелъ,

„Рыцарей сильныхъ, чудовищъ поилъ,

„Великановъ сразилъ я могучей рукой;

„Но Рогнеды любезной еще не нашелъ!

„Гдѣ обитаешь ты, лютой Зломарь?

„Въ дѣбряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ въ лѣсахъ,

„Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ ль морской

„Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

„Если найду я жилище твое,

„Злобной волшебникъ, лихой чародѣй!

„Извлекъ изъ неволи Рогнеду мою,

„Вырву черное сердце изъ груди твоей!“

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ сонъ;

Одръ ему стелютъ, усталость и ночь.

Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишахъ,

Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

Тучи промчались и вихрь замолчалъ;

Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;

Пробудилась денница, Зимцерла цвѣтетъ

Какъ румяная роза — Громвалъ еще спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,

Блещетъ съ полудня каленымъ лучемъ

И по соснамъ слезится смола сквозь кору;

Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча, со смутнымъ челомъ,

Смотритъ съ востока на лѣсъ, на луга,

Окропляетъ изъ урны росой мураву;

Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,

Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и звѣздъ,

По ступенямъ нахмурясь на тронъ свой идетъ;

А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,

Мрачность густѣетъ, настала полночь:

Богатырь, воспрянувши отъ крѣпкаго сна,

Изумился, не видя румяной зари!

Вдругъ затрещало по замку какъ громъ:

Стѣны трясутся, окошки звенятъ,

И какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,

Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучатъ, отворясь;

Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,

Появляются тѣни ; за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ ;
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
И волшебникъ Зломаръ — ужасающій видъ !
Бездыханенъ лежалъ въ немъ открывши глаза.

Полъ разступился, и адской огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летить ;
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ, раскаливъ ;
Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ дикихъ, свирѣлыхъ, кровавыхъ глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь ;
Изъ рта пѣна черная клубомъ кипить ;
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркають, воють, хохочуть, свистять ;
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь они,
Пляшутъ адскую пляску вокругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь :
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезають вмѣгъ духи, скелеты и гробъ.

Тѣма, какъ въ могилѣ, повсюду покой !
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущенный Громвалъ ;
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Вдругъ раздалася волшебна свирель,
Арфы незаный слышался звукъ ;
Растворился сводъ залы, и розовой лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ,
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьи лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилен одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горить ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сияетъ у ней во очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла :
„Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ !
„Знай : Зломара не стало ; судьба навсегда
„Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

„Въ адскую пропасть низвержень на вѣкъ ;
„Челюсть геенны его пожрала ;
„Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
„Вой и стонъ его бездна лишь будетъ внимать.

„Смерть, преступивши природы законъ,
„Чувствъ не лишила волшебниковъ трупъ !
„Развращенныхъ имъ тѣни погибшихъ людей
„Каждоночно, здѣсь въ замкѣ, терзаютъ его.

„Рыцарь! спѣши ты къ Рогнедѣ своей:
„Къ югу за лѣсомъ, песчаныхъ въ степяхъ,
„Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной
„Два крылатыхъ Зиланта ее стерегутъ.
„Рогъ сей волшебный прими отъ меня,
„Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть.
„Но внимай! ты не можешь Рогнеду спасти,
„Не проливъ ея крови. Судьбы такъ велить.“
Струны волшебны вторично звучать,
Облако къверху съ Добрадой летить.
Пораженный сей рѣчью, Громвалъ внѣ себя.
Истукану подобенъ, въ сабдѣ смотреть за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
„Вѣроломной волшебницы пагубный даръ!
„Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ счастье сулишь!
„Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной, —
„Сердце изъ груди си въ жертву летить.
„Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы,
„Чародѣйство Зломара спѣши истребить.
„Если не можешь Рогнеду спасти:
„Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить;
„Богатырскую кровь ты пролей за нее,
„И геройскою смертью любовь увѣнчай!“

Красное утро блестящимъ лучемъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотить;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ и лѣсъ.
Дебри, утесы, стремнины, хребты
Стонуть отъ тяжкихъ ударовъ копытъ;
Пыль густая, какъ туча, крутяся столбомъ,
По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:
Открывается взорамъ песка океанъ,
Вдали будто бы съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуется сыпучую зыбь,
Дышетъ тлетворнымъ дыханіемъ зной;
Ни кусты не шумятъ, ни журчатъ ручейки;
Какъ въ полночь на кладбищѣ, все поетъ, молчить.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страшныхъ поляхъ
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ;
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкой замокъ чернѣетъ въ дали.

Съ жаждой и зноемъ сражался три дни,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ кровавомъ поту,
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ нависнувшихъ скалъ,
Страшно грозящихъ низринуться въ одаъ.

Обрываясь надъ бездною по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Громвалъ.

Силой геенны и адскихъ духовъ
Мрачной сей замокъ построилъ Зломаръ.
Взгроможденные башни на черныхъ скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣлой подобный Громвалъ,
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ верен,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

Грозно идетъ онъ, подъ крѣпкой пятой
Мертвыя кости, черенья хрустятъ;
Враны, птицы ночныя и нетопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ выются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ;
И Зиланты, слышавъ Громваловъ приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ.

Челюсть разинувъ, летятъ на него;
Коньями жалы торчатъ изъ пастей;
Чешуею брешутъ, извивая хвосты;
Выпускаютъ погибельныя когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубятъ богатырь;
Звукъ оглушилъ ихъ — какъ камни падутъ;
Подскакаютъ крылья, сомкнулася ихъ зѣва;
Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ,
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполнивъ.

Грозные взгляды — кометы во тьмѣ;
Мѣдь на немъ — панцырь, свинецъ — булава;
Сѣрой мохъ по болоту — брада у него,
Черной лѣсъ послѣ бури — власы на челѣ.

Съ силою ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполнивъ;
Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содргается эхо по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей;
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблесталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разить;
Разлетѣлась бы въ дребезги крѣпкая мѣдь,
Но скользить лезвее по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ,
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушить.

Смерть неизбежна, погибель близка,
Страшныя дѣянія касаются латъ :
Но Громваль, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башни подобно, громыхнулъ гигантъ ;
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы ;
Онъ упалъ, и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громваль ;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его.
Разъяренный мученьемъ, со смертью борясь,
Ростъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
Пучится, бродитъ гигантова кровь ;
Поднявшись облачкомъ легкій паръ отъ нее,
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты.

Чуду такому дивится Громваль !
Призракъ ли видить, или существо ?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполняясь Громваль,
Голосомъ пѣжнымъ любовной вѣщалъ :

„Долго, долго искалъ я, Рогнеда тебя,
„И по бѣлому свѣту скитался какъ тѣнь !“

Тяжко вздохнувши, сказала она :
„Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
„Раздраженный презрѣнною страстью своей,
„Въ чародѣйской сей замокъ меня перенесъ.
„Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
„Памяти чувства меня онъ лишилъ.
„Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
„Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была.“

За руку взявши Рогнеду, Громваль
Тихо спустился къ подошвѣ горы ;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тѣма ;
Громы во мракъ свирѣпо ревутъ ;
Бурны вихри завывли, сорвавшись съ цѣпей ;
Затрещали кремнистыя ребры горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть ;
Низпроверглись Зиланты, темница, гигантъ ;
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громваль.

Каменевъ.

Р Ы Б А К И.

Часть первая.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человека.
На островъ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбака жили пришельцы;
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Тонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни улада,
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновенье
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ.
Въ часъ утра златаго, какъ день загарается лѣтній,
И все на землѣ воскресаетъ для счастья жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло;
Иль въ ясныя ночи, когда онъ смотря дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безискусственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность пѣлялъ вдохновенной свирѣлю,
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинной, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкаго вербы кошицу;
А младшій у берега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія темныя волны:
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
Но долгомъ молчанья къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбакъ старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

Рыбакъ стар.

Любезный товарищъ! вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрады;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя; но молваю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь затѣваешь кормиться.
Ты съ голоду сгубнешь, иль съ сумкой воротитшься къ дому.

Рыбакъ млад.

Не сгину товарищъ: насъ пѣсни до бѣды не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыбакъ стар.

Пастухъ горемичный;

Что дѣтямъ оставилъ онъ?

Рыбакъ млад.

Доброе имя!

Рыбакъ стар.

И бѣдность.

Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда бъ не пришли на семью его черные годы:

Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыбакъ млад.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ;

Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемичный.

Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;

Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

Рыбакъ стар.

Такъ что же, товарищъ!

Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ от-
цовскій?

Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый и честный:

Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавить;

Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ неподдѣльный.

Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.

Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?

Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.

Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души и пѣсни

Тамъ милы людья; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,

Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.

Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

Рыбакъ млад.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрая вѣсти,

А ты понапрасно меня не кори, обижашь.

Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь;

Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;

Но справлюсь, товарищъ. Сулить рыболовъ мнѣ приморскій

Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.

Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;

Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью гуляя,

Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!

Я помню издѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,

Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ

Про старыя войны, про воиновъ Русскихъ могучихъ.

Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,

Сѣдалъ брада и волосы до плечъ сѣдые;

Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ

И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усялся.

Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ, молчаливый,

То важною думой сѣдое чело осѣняя,

То къ небу подымая пезрячія, бѣлыя очи.

Какъ вдругъ просвѣтѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,

И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ ребяташки, какъ вкопаны въ землю, стоимъ;
А дѣдъ мой, старикъ, на ладонь опираясь, думный
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бѣ и отдалъ изъ счастливейшихъ всю мою тону!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ какъ живые, —
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ дупа молодая, —
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятъ гласы?
Знать старцы слышны боярина пѣснями тѣшатъ,
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и залетѣтъ!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худого?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы учились ловя,
Про доли зеленые, гдѣ мы играли молодые, —
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою страшась!
Мнѣ бѣдность знакома издѣтства: ее не боюсь.
Поколѣ жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыбакъ стар.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчишь ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣришь была бѣ наша прибыль.

Рыбакъ млад.

Что правда, то правда; но день вѣдъ еще не оконченъ;
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вѣетъ?
Вѣдъ это не къ худу; о! ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ;
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на лодку, беру я и сѣти и уды.

Рыбакъ стар.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыбакъ млад.

Разстаюсь ли я съ нею?

Рыбакъ стар.

Худое предвѣстье!

Рыбакъ млад.

Да ласточка вѣстница счастья!

Смотри, вѣдь опять надо мной и щебечеть и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣть,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
„Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!“
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго берега.

Гильдигъ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ

Уже бѣшетъ полночь — Новый Годъ, —

И я тревожною душою

Молю Подателя щедротъ,

Чтобъ Онъ хранилъ меня съ женою,

Съ дѣтьми моими — и съ тобою,

Чтобъ мнѣ въ тиши мой вѣкъ прожить,

Все тѣхъ же, также все любить.

Молю Творца, чтобъ далъ мнѣ вновь

Въ печали твердость съ умнаеньемъ,

Чтобы молитва, чтобъ любовь

Всегда мнѣ были утѣшеньемъ,

Чтобъ я встрѣчался съ вдохновеньемъ,

Чтобъ сердцемъ я не остывалъ,

Чтобъ думалъ, чувствовалъ, мечталъ.

Молю, чтобъ свѣтлый геній твой,

Пѣвецъ, всегда тебя лелѣялъ,

И чтобъ ты садъ прекрасный свой

Цвѣтами новыми усѣялъ,

Чтобъ ароматъ отъ нихъ мнѣ вѣялъ,

Какъ лѣтомъ свѣжій вѣтерокъ,

Отраду въ темный уголокъ.

О другъ! Прелестень Божій свѣтъ

Съ любовью, дружбою, мечтами;

При теплой вѣрѣ горя нѣтъ;

Она дружитъ съ Небесами.

Въ страданіи радость Онъ съ нами,

Во всемъ печать Его щедротъ:

Благословимъ же Новый Годъ!

И. Козловъ.

ЛЮДВИГУ АНДРЕЕВИЧУ ГЕЙДЕНРЕЙХУ

Кто-то сказалъ (и не правду), будто великое чувство:
Дружба бываетъ въ единственномъ только числѣ. Но по
счастью

Опытъ въ противномъ увѣрилъ меня. Семьею богатой

Добрыхъ друзей окружило меня Провидѣнье — и славу

Небу благому сердце поетъ въ благодарномъ восторгѣ!

Другъ въ трудахъ вдохновенья вмѣстѣ судья и помощникъ,

Павловск. Хрест.

Дружба не страсть, отъ пристрастій свободна и взоромъ
суровымъ
Святость труда, чистому помышлений хранить неподкупно,
Пестуетъ каждое слово, чувствуетъ каждое чувство,
Знаетъ основы созданья и тайну задуманной цѣли.
Сердца избранныки, вамъ открываю заветныя думы,
Съ вами смиренью люблюсь на зерна далекихъ созданій;
Каждый изъ васъ въ твореньяхъ моихъ имѣетъ любимца.
Дорогъ мнѣ другъ воспріемникъ и каждому, добрые друзья,
Я посвящаю любимца на память бесѣдъ о любимцѣ.
Весело въ жизни много исполнить трудовъ вдохновенныхъ,
Но веселѣе — *каждый* — именемъ друга украсить.

Н. Кукольникъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витѣи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте, это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою, —
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ,
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Син кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Пётръ;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ ..

За что жъ? отвѣтствуйте; за то ли
Что на развалинахъ пылающей Москвы,
Мы не признали наглою воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготящій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?

Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ къ намъ, витѣи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ;
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ

Ф Е Л И Ц А.

Богоподобная Царевна!
Киргизъ - Кайсацкія Орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла первые слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай, найти ее, совѣтъ!
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить;
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть!
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой санъ препровождаетъ,
Но иду послѣдовать я слабъ.
Мятая житейской суетой,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ.
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;

Храни обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнаска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ:
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью,
Преображая въ праздникъ будни;
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То цѣль отъ Церсовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То, возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звѣнья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ —
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтъ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ,
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими берегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ:
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человекъ есть ложъ.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разпрата за мечтами:
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашель кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашель; — но лѣзя ль не заблуждаться
Намъ слабымъ смертнымъ въ семь пути,

Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмать вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лестъ живеть;
Нашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣбныхъ счастье
Ты можешь только созидать!
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Единая Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь.
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудна болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только рѣшмы можетъ илестъ,
А что сія ума забава
Калѣфовъ добрыхъ честь и слава.
Снисходишь Ты на лирный ладъ;
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорить несложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,

Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И былъ и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О! коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирной
Скрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ;
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и Царей;
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твой отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:

„Не дѣлай ничего худаго,

„И самаго сатира злаго

„Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.“

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?

И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ!

Фелицы слава — слава Бога,

Который брани умирилъ ;
Который сира и убога
Покрывъ, одѣлъ и накормилъ
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ .
Больныхъ поконить, исцѣляетъ ,
Добро лишь для добра творить .

Который доровалъ свободу
Въ чужія области скакать ,
Позволялъ своему народу
Сребра и золота искать ;
Который воду разрѣшаетъ ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ ;
Велитъ и ткать, и прѣсть, и шить :
Развязывая умъ и руки
Велитъ любить торги, науки ,
И счастье дома находить ;

Котораго законъ, десница ,
Даютъ и милости и судъ . —
Вѣщай, премудрая Фелица !
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ ,
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ ?
Гдѣ мечь не гонитъ никого ?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ ? —
У трона развѣ Твоего !

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ ?
Гдѣ, вѣтъ небесная, цвѣтетъ ?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ ? —
Послушай : гдѣ Ты ни живешь ,
Хвалы мои Тебѣ примѣтя ,
Не мни, чтобъ шапки нлъ бешметя
За нихъ я отъ Тебя желалъ .
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство ,
Какого Крезъ не собиралъ !

Прошу великаго Пророка ,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь ;
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслажусь !
Небесныя прошу я Силы ,
Да ихъ простря сафирны крылы ,
Невидимо Тебя хранить
Отъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки ;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки ,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ !

Державинъ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

Мистерія.

„Прійдите вси труждающіе и обремененные, и азъ упокою вы.“

Сцена первая.

Скала. Внизу море. Вругомъ все цвѣтѣтъ и благоухаетъ. Вдали безконечная перспектива ландшафтовъ. Небо ясно. Солнце горитъ во всемъ своемъ блескѣ. На скалѣ юноша. Передъ нимъ толпа призраковъ, между которыми время отъ времени мелькаетъ призракъ величественной женщины подъ покрываломъ.

Первый призракъ.

Ко мнѣ, ко мнѣ мой юноша прелестный!

Второй призракъ.

Ко мнѣ!

Третій призракъ.

Не слушай ихъ! Сюда! ко мнѣ!

Четвертый призракъ.

Я подарю тебѣ свободу!

Второй призракъ.

Я дамъ тебѣ другое Я!

Третій призракъ.

Я больше дамъ, — я дамъ безсмертье.

Второй призракъ.

Я дамъ блаженство на земли!

Третій призракъ.

Не вѣрь измѣнницѣ! обманетъ!

Ко мнѣ иди! я вознесу

Тебя надъ гордою толпою

Твоихъ собратій, честолюбцевъ,

И имя въ вѣки передамъ!

Пятый призракъ.

Пустое! лжетъ! съ сумою пустить

Шататься по свѣту, и хлѣбъ

Вымаливать у состраданья.

Иди ко мнѣ, подъ мирну сѣнь

Родительскаго крова! Тихо

И безмятежно протекутъ

Со мной твои молодые годы. ..

Шестой призракъ.

Не отдавайся никому,

Держись во всемъ святой седины!

Ищи не славу, а чины,

Святой эфиръ, а не свободу,

И не любовницу — жену!

Седьмой призракъ.

Не вѣрь, не слушай этой нищей!

Ея душа — могильный хладъ,

Сѣкира славы и величья!
Въ тебѣ горитъ святой огонь,
Зажженный самою Природой.
Да не коснется до него
Ни чье дыханіе! онъ твой!
Онъ неприступная святыня...
Питай его, лелѣй, храни!

Юноша (въ раздумьѣ).
Ты права! О, не обмани!

Призракъ женщины подъ покрываломъ начинаетъ
махать его къ себѣ; но онъ того не замѣчаетъ.

Второй призракъ.
Мнѣ вѣрься, мнѣ! Иди за мною!
Тяжелъ путь жизни безъ меня.
Лишь за одну мою улыбку
Годами счастья платятъ мнѣ.
Сбери вокругъ себя все злато,
Будь богомъ ангела молвы,
Купайся въ морѣ наслажденій,
Достигни трона .. безъ меня
Ты все лишь нищій въ этомъ свѣтѣ,
Рабъ жизни. Да, одна лишь я
Могу наполнить эту бездну
Глухой, беззвучной пустоты.
Одна лишь я владѣю силой
Творить безъ Бога чудеса.
Теперь смотри, какъ всѣ умолкли,
Какъ все покорствуешь здѣсь мнѣ!
Когда еще на этомъ небѣ
Ни солнца не было, ни звѣздъ,
Когда земля еще дремала
Въ своемъ глубокомъ, мертвомъ снѣ,
Я ужъ была; я ужъ взираала
На этотъ сиящій, мертвый свѣтъ,
И вмѣстѣ съ Богомъ созидала
Его грядущую судьбу!
Иди за мной! я поведу
Путемъ, усыпаннымъ цвѣтами,
И новой жизнью обновлю,
И звѣзды сдѣлаю ярче,
И солнце краше, и весь міръ
Наполню райскими мечтами
Все оживетъ передъ тобой
И шелестъ листьевъ темной рощи
Вдругъ залепечетъ языкомъ
Давно роднымъ душѣ и сердцу;
И ручеекъ вдругъ за журчитъ
Давно знакомыми словами;
И говоръ горлинокъ въ лѣсу
Въ твоей душѣ какимъ-то чуднымъ,

Небеснымъ звукомъ западетъ
И ты поймешь! безъ вдохновенья
Ты будешь мною лишь поэтъ.
Я обновлю тебя восторгомъ;
Въ одно звено совоюплю
Всѣ наслажденья, все блаженство
Земли и неба; новый міръ
Создамъ тебѣ подъ этимъ небомъ,
И въ этомъ мірѣ поселю ..

Третій призракъ.

Не вѣрь коварной лепетунѣ!
Бѣги, бѣги златыхъ цѣпей!
Ея слова — змѣя подъ розой,
Безсмысленный, бездушный сонъ
Одна небесная улыбка,
И — миллионъ кинжаловъ въ грудь!
Забудь коварную — будь мужемъ.
Я поведу тебя въ свой храмъ,
Проснись! страхни съ себя дремоту!
Иди за мной! тяжелъ мой путь;
И пусть, и глухъ, и не цвѣтами,
Колючимъ терніемъ покрытъ;
Но каждый шагъ по немъ — шагъ къ храму,
Блестящій, мощный, славный шагъ.
Идемъ! Высоко надъ землею
Мой храмъ раскинулъ свой шатеръ
И колоннадой золотою
Сводъ неба яснаго подперъ.
Идемъ, идемъ, мой спутникъ вѣрный!
Тамъ лавры вьются по стѣнамъ,
Полы порфирами покрыты,
Въ подножьѣ троны и вѣнцы:
Повсюду хлещутъ водометы
Живой воды, и каждый столбъ
Тамъ цѣлое столѣтье. Время
Склонивъ главу, въ дверяхъ стоитъ
И съ легкокрылою молвою
Входъ въ храмъ завѣтный сторожить.
Тамъ вѣчно день и вѣчно лѣто,
На зло Природѣ и вѣкамъ,
И все огнемъ святымъ согрѣто,
И солнце не заходитъ тамъ.
Тамъ есть скрижаль изъ адаманта:
Ее сонмъ ангеловъ хранить,
И самый рокъ ее щадить.
Достигни храма моего;
И имя звучное твое
На той скрижали отразится
Въ чистѣйшихъ, пламенныхъ лучахъ,

И обовьется безконечнымъ,
Безсмертнымъ, огненнымъ, кольцомъ
О съ мой призракъ.

Къ чему съ опасностью сражаться
И жизнью дерзостно играть,
За лживымъ будущимъ гоняться
И настоящимъ торговать!
Жизнь коротка. Не запасайся
Ничѣмъ излишнимъ въ этотъ путь;
Бери лишь нужное въ дорогѣ,
А всѣ забавы суеты
Изъ сумки страннической выбрось.
Жизнь тяжела и безъ того;
И безъ того въ ней много сора.
Зачѣмъ еще обременять
Свои плеча излишнимъ хламомъ?

Пойдемъ со мной! Я облегчу
Тебя отъ этой тяжелой ноши.
Я не имѣю на землѣ
Ни пышныхъ храмовъ, ни молеель,
Ни силы Божеской творить
Межъ вами новыя вселенны;
Но всякой всякой человѣкъ,
И шутъ, и рабъ, и царь, и нищій,
Мнѣ данъ обычную несутъ.
Мой путь не труденъ, не опасенъ,
И не грозитъ нигдѣ бѣдой;
Мой путь покоенъ и приятенъ,
И путникъ мой всегда со мной.
Напѣнимъ чашу наслажденья;
Пусть пѣна бьетъ черезъ края.
Со мной не бойся пресыщенья.
Увидишь самъ! Вся жизнь моя
Лишь цѣпь утѣхъ, разнообразья,
Веселья, пѣсень и забавъ

Девятый призракъ.

Отринь безумное желанье!
Сначала льстить оно, сулить
Моря блаженства, милліоны
Заманчивыхъ утѣхъ; а тамъ
Тебя же послѣ обанкрутить,
И нищимъ тѣломъ и душой,
Шататься по свѣту отпустить.
Сдружись, мой юноша, со мной;
Ищи существеннаго въ жизни.
На свѣтѣ все здѣсь мишура;
Одно лишь золото — богатство.
На деньги можно все купить,
Когда все въ свѣтѣ продается!
Иди ко мнѣ! Я оболѣю

Тебя всего дождемъ богатства,
Дамъ горы камней дорогихъ
И въ морѣ злата иступаю

Призракъ женщины подъ покрываломъ снова манить къ себѣ
юношу, но онъ не обращаетъ на нее вниманіе.

Десятый призракъ.

Къ чему, другъ, золото тебѣ?
Умрешь, останется же послѣ.
Къ чему и слава, и любовь,
Къ чему пустыя наслажденья?
Измѣнить все! лишь только ты
Напрасно жизнь свою истратишь
На эти мелочи. Иди
Ко мнѣ! Я вдругъ не обещаю
Большихъ, значительныхъ даровъ,
Надеждой сладкой не прельщаю,
И всѣмъ на свѣтѣ говорю,
Что даромъ рѣдко я даю
Но ты узнаешь какъ пріятно,
И какъ полезно, хорошо,
И какъ на случай пригодится
Меня подрукою имѣть.
Я несущественность, я призракъ,
Я просто глухой идеалъ!
Но люди только для мѣня
И ѣсть садятся; только мною
И снятъ, и грѣзятъ и живутъ!
Сдружись со мной, и ты получишь
Все, что захочешь на землѣ.
Я идолъ свѣта. Свѣтъ помѣшанъ
На мнѣ. И я не только здѣсь,
Во время этой скучной жизни,
Тебя довольствомъ окружу
И сдѣлаю святымъ предметомъ
Почтенья, лести и похвалъ;
Но и за гробомъ, на могилѣ
Воздвигну памятникъ тебѣ!

Третій призракъ.

Бездушный! прочь отъ этой низкой,
Пустой, бессмысленной ханжи!
Иди за мной! Иди! Насильно
Я за собою поваску

Второй призракъ.

Иди за ней! Я отрекаюсь
Отъ правъ моихъ. Хоть уголокъ
Оставь въ своемъ мнѣ сердцѣ!
Любовь и слава издавна
Слывуть подругами на свѣтѣ.

Третій призракъ.

Ни чьей я дружбы не хочу!

Оставъ весь свѣтъ, отца и матеръ;
Все, все оставъ, и мной живи.
Я выше всѣхъ своихъ соперницъ.
Иль прочъ, или весь мой

Смотри!

Въ воздухъ обнаруживается храмъ славы.

Юноша (въ восторгъ)

Я твой!

Третій призракъ.

Лети!

Второй призракъ.

Постой! постой!

Въ облакахъ является идеаль женщины.

Юноша (простирая къ ней свои руки).

Она! Она! Я твой! Я твой!

Девятый призракъ.

Сюда! (Утесъ покрывается горами золота).

Ко мнѣ!

Вдали является родительскій его домъ. Юноша
хочетъ кинуться къ нему,

Третій призракъ.

Смотри!

Храмъ славы освѣщается необыкновеннымъ сія-
ніемъ.

Юноша, въ ужасномъ волненіи, обращается къ призраку женщины въ
покрывалѣ.

О, помоги мнѣ! Помоги!

Призракъ женщины.

Оставъ земное мертвецамъ,

И слѣдуй съ вѣрою за мною!

Легко мое святое бремя

И нго благо

Толпа призраковъ.

Лжетъ! — Не вѣрь! —

Сюда! — Ко мнѣ! — Иди за мною! —

Ко мнѣ! — Ко мнѣ! — Сюда! — Сюда! —

Юноша.

О случай, будь моимъ пожатимъ!

Бидается, зажмуривъ глаза, въ средину толпы
призраковъ, и погружается съ ними въ море. Небо
начинаетъ поирачаться тучами. Призракъ женщины
подъ покрываломъ. Вкругъ глухая пустота.

Сцена вторая.

Берегъ моря. Темная, тихая ночь. На небѣ ни одной звѣздочки. На
самомъ берегу лежитъ спящій старикъ. Въ ногахъ его обломки разру-
шеннаго корабля и гробъ. Вдали, въ туманѣ, призракъ женщины подъ
покрываломъ. Вкругъ глухая пустота.

Старикъ (вдрагиваетъ, мгновенно пробуждается и съ ужасомъ осма-
тривается вокругъ.)

Уже ль все это былъ лишь сонъ!

(Увидѣвъ гробъ)

О, пощади меня надежда!

Хоръ духовъ.

Все идетъ своей чредою,
Все имѣетъ свой конецъ;
Жизнь коварна подъ луною:
Такъ назначилъ самъ Творецъ!

Все получить воздаянъ;
Упадетъ земной кумиръ!
Злобъ — вѣчное страданье,
Чистой правдѣ — вѣчный миръ!

Смертный! съ мощною судьбою
Слабой волей не борись,
И покорною душою
Предъ Создателемъ смирись!

Старикъ (вскакиваетъ).

Нѣтъ! Нѣтъ! Я жить хочу! Жить! Жить!

Привидѣнїе.

А что ты сдѣлалъ въ этой жизни?

Какою краскою покрылъ
Ея безцвѣтныя страницы?

Какою мыслью отѣнилъ

Ея глухое пустословье?

Какой отвѣтъ несешь на судъ

Неумолимаго Владыки?

Какой отвѣтъ? Когда и чѣмъ

Ты доказалъ, что въ цѣпи жизни

Ты былъ не связію постоя,

Пустымъ полемъ, а единицей,

Самостоятельнымъ звѣномъ?

Взгляни теперь, взгляни кругомъ

На эту голую равнину, —

Пустой, ободранный скелетъ,

Погрязшій въ тинѣ пресыщенья!

Взгляни на эту пустоту

Съ ея ужасной укоризной,

На этотъ черный сводъ небесъ

Съ его померкшими звѣздами

И обезславленной луной!

Вотъ жизнь твоя! Твое проклятье,

Твой вѣчный, вѣчный, вѣчный адъ! (исчезаетъ)

Старикъ (на колѣняхъ).

О, сжался, сжался!.. Пощади!

(Со всѣхъ сторонъ дикій хохотъ.)

Огненный духъ.

Пощады нѣтъ! Не унижайся!

Неумолимъ твой судія.

Погибло все. Теперь терзайся.

Теперь ты мой до гроба мой!

Скорѣй, скорѣй въ мои объятя,

Сынъ отверженья и проклятья.

Проснулся поздно ты, старикъ!

Погибло все, звѣзда померкла,
И стебель жизни подъ косою:
Одинъ ударъ, и — все свершится.
Твой часъ приходитъ: упреди
Его! За гробомъ нѣтъ страданья.

(Бросаетъ кинжалъ.)

Рѣшайся! Смерть иль жизнь и адъ!

Голосъ изъ гроба.

Мрачно и душно

Въ холодной землѣ!

Алчныя змѣи

Гнѣзды тамъ вьютъ;

Хищныя черви

Въ гробѣ живутъ.

Огненный духъ.

Скорѣй! Не слушай этой пѣсни!

Въ могилахъ сонъ и вѣчный миръ.

Твой факелъ жизни догорѣлъ,

Осталась смрадная свѣтильня.

Гаси ее, гаси скорѣй

Иль задохнешься этимъ смрадомъ.

Голосъ изъ гроба.

Чудной печатью

Гробъ заклеимень:

Горе, печать ту

Самъ кто сорветъ!

Страшная тайна

Въ гробѣ всѣхъ ждетъ!

Огненный духъ.

Колеблешься, старикъ? Терзайся жъ

Въ глухомъ ничтожествѣ твоёмъ!

Пусть каждый шагъ напоминаетъ

Тебѣ твой грѣхъ и твой позоръ!

Пусть каждый отблескъ новой мысли

Тебя жжетъ гибельнымъ огнемъ

И умъ послѣдній затемняетъ!

Жизнь начинается твоя

Лишь только съ этого мгновенья;

Но жизнь — ужаснѣй всѣхъ смертей, —

Жизнь Прометея! Ни улыбка,

Ни вздохъ отрады, ни слеза,

Ни безотчестный тренеть сердца

Не освѣжать твоей груди.

Какъ смрадный трупъ въ глухой могилѣ

Ты будешь тлѣть въ самомъ себѣ

И постепенно разрушаться:

И ночь тебя не пріютитъ,

И день безжалостно отвергнетъ.

Твой день — день страшнаго суда,

Твой сонъ — кипящая горячка,
Твой идеалъ — позорный столбъ!
Терзайся, рвись, страдай. Будь проклятъ!
(Разсыпается въ рой огненныхъ духовъ.)

Хоръ огненныхъ духовъ

За руки взявшись,
Огненной цѣпью
Все обовьемъ;
Кликомъ побѣднымъ,
Адскою пѣснью
Душу зажжемъ!

Съ сладостной грезы

Пестру завѣсу
Опытъ сорвалъ.

Греза исчезла,
Греза умчалась,

Часъ твой началъ!

(Вихрь, буря, громъ и молнія.)

Старикъ

О, поглоти меня земля!

Падаетъ въ ижеможеніе на землю. Духи устремляются на него. Является таинственный призракъ женщины подъ покрываломъ. Духи исчезаютъ; повсюду прежняя тишина.

Призракъ (подымая старика.)

Утѣшься, бѣдный! Успокойся!

Старикъ.

Прочь! прочь!

Призракъ.

Старикъ, всмотрись въ меня!

Старикъ.

Исчезни! Я тебя не знаю.

Призракъ.

Кто съ теплою вѣрою въ груди

За мною слѣдуетъ смиренно;

Меня тотъ знаетъ, и того

Я знаю.

Старикъ.

Мнѣ всѣ мечты такъ говорили! —

Призракъ.

И всѣ оставили тебя!

А я съ тобою и въ изгнаньи

Ты не внималъ моимъ словамъ,

Ты убѣгалъ меня, смѣлся

Надъ милосердіемъ моимъ;

А я, смотри, я все съ тобою!

Я не оставила тебя!

Сама зову на примиренье

И предлагаю жизнь и свѣтъ.

Старикъ,

Мнѣ всѣ мечты то жъ предлагали!

П р и з р а к ъ.

И обманули всѣ тебя.
Дары ихъ — быліе земное,
Весенній цвѣтъ и суета,
Добыча случая и смерти.
Я не сулю здѣсь ничего,
Я ничего здѣсь не имѣю;
Я здѣсь изгнанница сама:
Кто хочетъ слѣдовать за мною,
Тотъ предъ Создателемъ смиришь,
И тяжкій крестъ носи съ терпѣньемъ,
И отъ земнаго отрекись,
Гдѣ слезы, горестъ и смиренье
Съ святою вѣрой, — тамъ и я;

С т а р и к ъ.

Откройся мнѣ! Сорви покровъ!

П р и з р а к ъ.

Я открываюсь лишь младенцамъ
Душой. Иди ко мнѣ, нди
Въ мои горячія объятія!
И въ душу бальзамъ я волью,
И язвы сердца изврачую.
Иди! Я истина, любовь,
Гласъ вопіющаго въ пустынь.
Оставь, забудь весь этотъ свѣтъ!
Одна лишь мерзость въ этомъ свѣтѣ
И запустѣніе. Склонись
Ко мнѣ на грудь. Я успокою
Твой возмущенный, падшій духъ.
Ты изнемогъ, ты боленъ, жаждешь,
Ты весь въ огнѣ, ты весь горшишь.
Иди ко мнѣ! Во мнѣ источникъ
Живой, питательной воды;
Кто разъ одинъ меня напьется,
Тотъ не возжаждетъ никогда.
Я древо жизни. — Путь къ блаженству,
Блаженству вѣчному во мнѣ.
Иди ко мнѣ, заблудшій странникъ,
Иди, возлюбленный мой сыпь!
Съ тобою вмѣстѣ я оплачу
Твои страданья и грѣхи;
Согрѣю матернимъ лобзаньемъ;
Я солнце истины. Иди!
Въ моихъ объятіяхъ утѣшенье,
Святой пріютъ и благодать.

С т а р и к ъ.

О, милосердная, я твой!

П р и з р а к ъ.

Повернись долу предъ Всевышнимъ!

Старикъ.

Могу ли я ничтожный червь,
Къ нему молитвой возноситься!..

Призракъ.

Надѣйся, вѣруй и молись.
Онъ никого не отвергаетъ.

Старикъ падаетъ на колѣни и начинаетъ молиться.

Хоръ духовъ.

Тихо, спокойно
Въ нѣдрахъ Природы
Послѣ ненастья;
Тихо спокойно
Послѣ молитвы
Въ сердцѣ страдальца.

Кто въ поднебесной

Можетъ измѣрить
Свѣтъ и сіянье?
Что съ милосердьемъ
Бога живаго
Можетъ сравниться?

Какъ обновляетъ

Мертвую землю
Солнце весною;
Такъ обновляетъ
Грѣшную душу
Свѣтъ покаянья.

Старикъ (со слезами на глазахъ).

О, не отвергни, Благодатный,
Молитву грѣшную раба!

Тихій, пріятный голосъ.

Твоя молитва принята!

Призракъ поднимаетъ старика и заключаетъ въ свои объятія.

Призракъ.

Свершилось! Господь сподобилъ!
Привѣтствую тебя, мой сынъ!

Старикъ.

О, какъ легко мнѣ! Оживаю!
Но какъ предстану предъ Него,
И съ чѣмъ явлюся?

Призракъ.

Съ покаяньемъ.

Старикъ.

Смотри, Великая, смотри:
Давно ужъ гробъ передо мною.

Призракъ.

Разбойникъ взять и со креста.
Идемъ, мой сынъ! Не бойся гроба!
Одно лишь слово *смерть* страшно.
Сдружися съ этой мыслью. Крестъ

Твоей тяжелой, смутной жизни
Ужъ на Голгоѣ. Близокъ часъ!
Свершится чудное! Изъ мрака
Воспрянетъ чистый, ясный свѣтъ;
Изъ брэнной, горькой чаши жизни
Прольется свѣтлый, мощный духъ.

Подводитъ старика ко гробу.

Ложись спокойно. Я съ тобою,
Никто на насъ!

Старикъ (отворачиваясь отъ гроба).

О, страшно, страшно,
Темно и холодно въ душѣ!

Призракъ.

Что оставляешь ты на свѣтъ?
О чемъ жалѣть тебѣ? Смотри,
Какъ все здѣсь скучно, какъ уныло,
Какъ все здѣсь дышетъ пустотой!
Не та же ль душная могила;
Не тотъ же ль гробъ? Утѣшься, другъ
На свѣтъ все живетъ для смерти,
И рано ль, поздно ль; все умирать.
И чѣмъ скорѣй, тѣмъ будетъ лучше,
Тѣмъ меньше горя и грѣховъ.
Готовься жъ, другъ! Близка минута!

Старикъ (запоса погу въ гробъ).

Еще одинъ, одинъ хоть часъ!

Призракъ.

О чемъ ты молишь, безразсудный?
Въ тебѣ лишь тѣло говорить.
Воспрянь, воспрянь своей душою;
Встань выше суетной земли.
Вотъ просыпается Природа!
Вотъ заяснѣлся небосклонъ!
Разсвѣтъ твой близокъ, — близко утро!
И солнце вѣчности ужъ ждетъ
Святой, таинственной минуты

Старикъ.

Дыханье рвется изъ груди
Я холодѣю! холодѣю!
Спаси, спаси .. меня, Творецъ!

Опускается въ руки призрака. Призракъ кладетъ его во гробъ.

Призракъ.

Спокойся, другъ! За гробомъ миръ,
Жизнь безмятежная, святая,
Безъ воздыханій, безъ болѣзней;
Жизнь вѣчная Пречистый ликъ
Небесныхъ ангеловъ причислить
Тебя въ свой свѣтлый, мощный сонмъ;
Твое безжизненное имя

Внесетъ въ книгу живота ;
Ты узришь Бога и въ величѣ
Его святомъ сольешься весь
Въ одинъ восторгъ, въ одно блаженство

Призракъ сбрасываетъ съ себя покрывало и является во всемъ своемъ величїи. Небо разверзается. Все пространство между землею и небомъ наполняется ангелами. На лицѣ умирающаго вспыхиваетъ огненный румянецъ, глаза его начинаютъ блещать.

Голосъ съ неба.

„Прїидите, вси трудящіе, и азъ упокою вы!“

Умирающій простираетъ къ небу руки; взоры его обращаются на стоящее возлѣ его видѣніе; на устахъ является улыбка самодовольствія. Въ эту минуту вылетаетъ послѣдній его вздохъ. Религія закрываетъ ему глаза.

Тимовеевъ.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ воздвигъ себѣ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломятъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушить.

Такъ! — весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифей льетъ Ураль;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ.

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой;
И презрѣть кто тебя, сама тѣхъ презирай,
Не принужденною рукой, не торопливой,
Чело свое зарей безсмертія вѣчай.

Державинъ.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтись съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарёю
Была на холмѣ луговомъ.
Зацѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;

Въ душистой рощицѣ привольно ей летать ;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится вѣрно мать —
И залилася я слезами.

Ахъ ! Мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ ;
Привѣтныи вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли ?

И колыбели я не знала ;
У храма сельскаго когда меня пашли,
На камнѣ голомъ я лежала.

Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна ; вездѣ чужія лица ;
Слышу въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружающихъ сель дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.

И люди добрые сиротку не пускаютъ ;
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной ;
Со мною, бѣдной, не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю ;
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали издаю.

И тихо, въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами :
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.

И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,
Брожу я съ тягостной тоскою ;
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ —
И между мертвыхъ, и живыхъ
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Уже пятнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.

Родная, гдѣ же ты ? Увидимся ль съ тобою ?
Приди ; я жду тебя все также сиротою —
И все на камнѣ томъ — и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою !

И. Козловъ.

В У Р Я.

(Изъ Вадима.)

Однажды — вечеръ знойный радъ
На небѣ; лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи
Въ слѣдъ за багровою луной
Съ востока поднимались,
И яркой молніи змѣй
Въ ихъ пѣдрѣ извивались —
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало;
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвѣщало.

И дичь являлася кругомъ!
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучемъ,
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверзтыми вѣтвями!
Вадимъ впередъ — хрустятъ кусты,
Подъ конскими ногами,
Вездѣ плетень изъ сучьемъ имъ
Дорогу задвигаетъ .
Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ!
Вдругъ — жалобные крики!
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій!
Зажглась въ немъ кровь, на воли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется;
Конь пышитъ, лѣсъ трещитъ и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной
Открылася поляна.

И что жъ у витязя въ глазахъ?
Шума между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мчитъ;
Она въ слезахъ горючихъ,

То снѣтся бороться съ нимъ
То скорбно вопить къ Богу!
„Стой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ
И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь!
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули какъ жарь!
Конь легкій отшатнулся!
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща, согнулся!
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина —
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами,
Рванулся встать, оцѣпенѣлъ,
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла.
Уста, вопить отверзгы;
И, роя землю, замерла.
Рука, разинувъ персты.
Спѣшить къ похищенной Вадимъ,
Она, какъ листъ, дрожала,
И, сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала.

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Вѣзжаетъ витязь; тучи,
Сгустясь, заволокли луну;
Сталъ душень лѣсъ дремучій
Гроза собиралась! межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И гулъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался!
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ,
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло дождь рѣкой!
Громъ страшный! трескъ за трескомъ!
И шумъ воды! и вихря вой!
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ!
И встрѣчу, съ права, съ лѣва

Ряды валящихся древесъ !
Конь рвется ; въ страхѣ дѣва ;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ
Гдѣ бѣ пріютиться но кругомъ
Все дичь ! и буря свищетъ

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ !
Стѣна изъ камней мшистыхъ !
Громъ мчался по бокамъ крутымъ ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ,
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груди скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ но вдругъ ударъ !
Ель, треснувъ, запылала ;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ ;
Окрестность заблестала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня.
Сложилъ съ рамень кольчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымъ сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій ;
Поверхъ пещеры громъ леталъ
И бунтовали тучи.

Жуковский.

Т Ъ Н Ъ Д Р У Г А.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ ;
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ ;
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепеть парусовъ,
И кормчаго на палубѣ зынанье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,

Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.

Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.

Мечты смѣнялися мечтами

И вдругъ то былъ ли сонъ? предсталъ товарищъ мнѣ,

Погибшій въ роковомъ огнѣ

Завидной смертію, надъ Плейскими струями.

Но видъ не страшенъ былъ : чело

Глубокихъ ранъ не сохранило,

Какъ утро Майское веселіемъ цвѣло

И все небесное душѣ напоминало.

„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!

Ты ль это?“ я вскричалъ; „о воинъ вѣчно милой!

Не я ли надъ твоей безвременной могилой,

При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,

Не я ли съ вѣрными друзьями

Мечемъ на деревъ твой подвигъ начерталъ,

И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ,

Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?

Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!

Или протекшее все было сонъ, мечтанье:

Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,

Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?

О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ

Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,

Пускай рука моя, о незабвенный другъ!

Твою съ любовію сжимаетъ! “

И я летѣлъ къ нему Но горній духъ исчезъ

Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,

Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый полуночи,

Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи.

Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины;

Стихи грозныя казались безмолвны.

При свѣтѣ облакомъ подернутой луны

Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;

Но сладостный покой бѣжалъ моимъ очей,

И все душа за призракомъ летѣла,

Все гостя горняго остановить хотѣла:

Тебя, о милый братъ и лучший изъ друзей!

Батюшковъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!

Какъ много думъ наводитъ онъ

О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,

Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,

И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,

Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унывный надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесётъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдётъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

И. Козловъ.

ГОРНЫЯ ВЫСИ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоять державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь — съ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молніи унеслась; —
Рванулась выше. но открыла
Нѣмую вѣчность впереди;
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди; —
И вотъ — на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольный ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.

О горы — первая ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ!
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ.
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ какой то робостью — а тамъ,

Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ!

В. Бенедиктовъ.

БОГЪ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

Измѣрить океанъ глубокий,
Сочестъ пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ твоихъ:
Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ;
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореніи простираясь новымъ
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь вѣкъ!

Ты цѣнь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыпаются, стремятся,
Такъ солицы отъ тебя рождаются;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ;
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтила возженныхъ міаліоны
Въ неизмѣримости текутъ;

Твои они творять законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною!
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю;
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаеъ, мыслить разсуждаеъ:
Я есмь; — конечно есъ и Ты!

Ты есъ! природы чинъ вѣщаеъ,
Гласить мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣраеъ,
Ты есъ — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнитсѧ мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончялъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
И крайня степень вещества,
И средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ нстаеваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я Царь — я рабъ, я червь — я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источникъ жизни, благу податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну переходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

В А Т Е Р Л О О.

Видали ль вы, какъ изъ валовъ тумана
Свѣтило дня, восторгъ очей,
Встаетъ надъ бездною океана
Въ кровавой ризѣ безъ лучей?
Не долго на небѣ хранится
Раздумья утренняго видъ:

Туманы упадутъ, востокъ озолотится,
И огненный гигантъ высоко взлетитъ!

Такъ дивный мужъ судебъ, недавно погруженный
Во мракъ безвластія на островъ нѣмомъ,
Опять возникъ туманнымъ божествомъ
Предъ взорами Европы утомленной.
Прошли тѣ дни, какъ взмахъ его руки,
Одно движеніе нахмуренною бровью
Могло стянуть и разметать полки,
Измять вѣнцы и міръ забрызгать кровью,
Когда такъ пышно и свѣтло
Звѣзда судьбы его сіяла,
И слава жадно цѣловала
Его высокое чело.

Теперь, когда еще не тронуло забвеніе
Въ умахъ наръзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденіе, —
Теперь, тревожное сомнѣніе
Украдкой шло по дну сердца;

Слабѣй блисталь однажды сбѣтый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь по волѣ рока
Былъ до таинственного срока
Увѣчанъ царственный бѣглець.
Туманъ минувшаго вздымался, —
И на виновника утратъ
Духъ недовѣрчивыхъ Палатъ
Враждебнымъ словомъ ополчался.

Но мигъ — и дивный свѣтъ разсѣкъ пучины мглы:
Орлный взоръ вождя сверкнулъ передъ полками,
И взоръ тотъ поняли орлы
И бурю двинули крылами.
Свѣтило брани вновь парить
И мчатся вдоль громовъ раскаты:
Пускай витѣйствуютъ Палаты!
Ихъ шумъ побѣда заглушить.

Пусть спорять о судьбѣ! Ея властитель — Гевій;
Вковалась въ мысль его она,
И эта мысль заряжена
Огнемъ гремучихъ вдохновеній,
И движеть массаи полковъ,
И опоясанная славой
Отражена въ пѣрѣ кровавой
Живыми иглами штыковъ.
Какъ море, арміи разлиты;
Шумятъ шаги, звучатъ копыты;
Враги сошлись, — и вспыхнулъ бой —
Нредтеча битвы роковой.
День гаснулъ, бой горѣлъ и длился,
И вотъ затихъ, и надъ землей
Въ багряной ризѣ прокатился
По небу вечеръ золотой.
Уже томился воинъ каждой
Желаньемъ отдыха, а онъ —
Онъ весь старалъ ужасной жаждой
Ему былъ чуждъ отрадный сонъ.
Какъ онъ желалъ по небу ночи
Провести огонь, разлить пожаръ,
Обрызнуть молніями очи
И кончить вѣрный свой ударъ!
Но видъ героевъ, ихъ усталость.
Впервые тронуть и уныль,
Дотоль невѣдомую жалость
Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ,
И предъ толпою утомленной
Впервые просьбѣ умиленной
Себя дозволилъ превозмочь,
Взглянулъ на ратниковъ съ любовью,

И отдалъ имъ, на отдыхъ, съ кровью
Изъ сердца вырванную ночь.

И тучъ пелена небосклонъ оковала;
Взоръ въ небо послалъ онъ: подъ тяжкою мглой
Послѣдняя въ небѣ звѣзда померкла, —
То было затмѣнныя звѣзды роковой!
И долу бессонныя очи склоняя,
Съ спокойствіемъ дикимъ на блѣдномъ челѣ,
Стоялъ онъ, съ улыбкою взоры вперяя
На ратниковъ, спящихъ на холодной землѣ.
Покойтесь, онъ думалъ, молчите непогода:
Мной сладкая ночь вамъ, о други, дана!
Подслушала тайную думу природа
И свиснула по полю вихремъ она.

Бурный вѣтеръ тучи двинулъ;
Зашатался ночи мракъ;
Тучи лопнули, и хлынулъ
Ливень крупный на бивакъ, —
И ручьи студеной влаги
На почіющихъ текли,
И, дрожа, сыны отваги
Поднимались съ земли,
И безропотно рукою
Оттирали прахъ съ очей,
И осматривали къ бою
Грани ружей и мечей,
И въ порывахъ нетерпѣнья
Ждали вызова къ ружью,
Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья
Грудь иззябшую свою.

Чуть день встрепенулся — герои стояли,
И пламя струилось по свѣтымъ очамъ,
И воздухъ веселые клики взрывали,
И самъ, стопобѣдный, леталъ по строямъ.
Но взоръ къ востоку: тамъ денница;
Горитъ не пышно, не свѣтло;
Не всходитъ солнце Аустерлица
Надъ грознымъ полемъ Ватерло!

Чу! эхо вызвано ударомъ;
Взыгралъ неотвратимый бой;
Окрестность вспыхнула пожаромъ; —
И онъ, державный исполинъ,
Уже блеснулъ побѣдными лучами;
Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ
Окидывалъ орлиными очами,
И грозно въ даль направленный имъ взоръ,

Казалось, могуществомъ волшебнымъ
Усиливалъ полковъ его напоръ,
И гибель силамъ несть враждебнымъ; —
И между тѣмъ, какъ вновь, въ бореньи огневомъ,
Махало счастье сомнительнымъ вѣнкомъ,
И на державнаго бросало взглядъ разлуки,
Онъ на груди своей крестомъ
Укладывая царственные руки,
Еще взиралъ доверчиво кругомъ
На мощные ряды оградъ самодержавья —
На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ
Изъ самыхъ челюстей безславья
Изхитить, спастъ его вѣнецъ.

Бой длится; утрата наводитъ утрату;
Смятеніе рыщетъ въ усталыхъ рядахъ;
Багровое солнце склонилось къ закату
И тонетъ въ вечернихъ густыхъ облакахъ.

Грозно гласъ вождя разлился,
Очи вспыхнули его,
И, какъ лѣсъ, зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него;
И, за нимъ, какъ за судьбою,
Жаромъ гибельнымъ полна,
Быстро двинулася къ бою
Страшной гвардіи стѣна;
То сверкнетъ, то въ дымъ тонетъ...
Тяжкій гулъ идетъ въ дали;
Отъ пальбы дрожить и стонетъ,
Ходитъ моремъ грудь земли.
Сердце радостно взыграло.
Этотъ гулъ друзья, впередъ!
Это Маршалъ запоздалой
Силы свѣжія ведетъ!
Рать туда живымъ каскадомъ,
Но шатнулася она,
Крупнымъ встрѣченна градомъ
И свинца, и чугуна, —
И послѣдній строй героевъ,
Помня славу прошлыхъ лѣтъ,
Летъ на лаврахъ прежнихъ боевъ,
На трофеяхъ ста побѣдъ.

Гдѣ жъ онъ, гдѣ виновникъ губительной брани?
Черезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній
На бодромъ конѣ выбивается онъ.
Съ позорища рока безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, зарытый въ полночную мглу.

Судьба измѣнила : однѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.

И вотъ, утомленный, предъ скипетромъ ночи
Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ
И сномъ небывалымъ задержались очи,
Глубокимъ, желѣзнымъ, спасительнымъ сномъ.
Душа его долго со снами боролась,
И онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ ;
Теперь покорился : невѣдомый голосъ
Святое „свершилось“ надъ нимъ произнесъ.

Огнями небо разрывая,
Летѣла туча громовая ;
Умолкла. Вѣтръ ее несетъ —
И тихо въ бездну океана
Печальной глыбою тумана
Огне-гремучая падеть.
Губящъ, блистателенъ, огроменъ,
Прошелъ дозволенный ей пиръ,
И въ мигъ паденья грозно - темень
Прощальный взглядъ ея на мѣръ.
Еще она не догремѣла,
Еще палящихъ силъ зерно
Въ ея клубахъ заключено ;
Но сила тщетная замѣла,
И молній замкнутый колчанъ
Безъ грому спущенъ въ океанъ.

Онъ палъ, помазанникъ судьбины !
Тамъ, между скалъ, въ нѣмой дали,
Угасъ во мракъ, средъ пучины,
На скудномъ лоскутѣ земли.
Не могъ, неволею томимый,
Унять онъ бурныхъ думъ своихъ :
Не убаюкивали ихъ
Ни ночи миръ ненарушимый,
Ни томный шумъ волны, дробимой
О край утесовъ вѣковыхъ ;
Не могъ смирить державной страсти
Онъ искусительныхъ тревогъ,
На дребезгахъ разбитой власти
Онъ успокоиться не могъ : —
И въ мигъ, когда къ могильной грани
Жизнь исполнна перешла,
Въ послѣднѣй мигъ земныхъ страданій
Его душа съ мечтой о брани
Въ обитель мира потекла.

Величья дольняго граница —

Надъ прахомъ гснїя воздвигнулась гробница,
И тѣ пустынные мѣста осѣнены
Наиѣмъ священной тишины,
И, кажется, ровнѣй тамъ вѣтеръ дышитъ,
И осторожнѣй гнетъ покорную лозу,
И трепетнымъ листкомъ таинственнѣй колышетъ,
Бояся пробудить почившую грозу;
И, кажется, кругомъ на царственномъ просторѣ
Самодовольнѣй плещетъ море,
Какъ бы гордась, что удержать могло
Гиганта-пафника своимъ кристалломъ синимъ,
И грознаго земнымъ твердышамъ
Въ оковахъ влаги сберегло; —
И облекаетъ мракъ угрюмый
Гробницу острова; лукаво шепчетъ лѣсъ,
И облака стекаются, какъ думы,
На сумрачномъ челѣ небесъ.

В. Бенедиктовъ.

М О Р Е.

Въ вечернемъ утишьи покоятся воды,
Подернуты легкой паровъ пеленой;
Лазурное море — зеркало природы —
Безрамной картиной лежитъ предо мной.
О море! — ты дремлешь, ты сладко уснуло,
И сны навѣваешь на душу мою;
Свинцовая дума въ тебѣ потонула,
Мечта лобызаетъ поверхность твою.
Отраднѣ, мила мнѣ твоя безконечность;
Въ тебѣ мнѣ открыта красавица вѣчность;
Брега твои гордымъ раскатомъ ушли
И скрылись отъ взора въ дали безотвѣтной:
У вѣчности также есть берегъ завѣтный,
Далекій, незримый для сына земли; —
На днѣ твоёмъ много сокровищъ хранится,
Но намъ недоступно, безвѣстно оно:
И въ вѣчности также, быть можетъ, таится
Подъ темной пучиной богатое дно,
Но не дано силы уму — исполниту
Измѣрить до дна роковую пучину:
Мысль кинется въ бездну — она не робка —
Да грузъ ея легокъ и нить коротка!
Солнце въ облакъ играетъ,
Западъ пурпуромъ облитъ,
Море солнца ожидаетъ,
Море золотомъ горитъ, —
И изъ облачнаго края
Солнце, будто покидая

Пелены и колыбель,
Къ морю сладостно сложилося
И младенцемъ погрузилося
Въ необъятную купель, —
И съ волшебной полутьмою
Низпадая свысока,
Въ море пышной бахрамою
Окунулись облака.

Безлунна ночь. Кругомъ она
Небрежно звѣзды разметала,
Иныя въ тучахъ затеряла
И нѣги тишь ея полна.
И небеса и море дремлютъ,
И ночь, одѣянную мглой,
Какъ дѣву смуглую объемятъ
И обнялись между собой.
Прекрасны братскія объятія!
Эфиръ и море! — Вы ль не братья?
Не явны-ль очерки родства
Въ васъ, двѣ таинственные бездны?
На морѣ искры — проблескъ звѣздный,
На небѣ тучи — острова; —
И, кажется, въ почномъ уборѣ
Волшебно опрокинуть міръ:
Тамъ — горнее съ землями море,
Здѣсь, долу — звѣзды и эфиръ.

Чу! тамъ вздохи переводить
Нѣги полный вѣтерокъ;
Солнце изъ моря выходитъ
На раскрашенный востокъ,
Будто бросило купальню,
И любовію горя,
Входитъ въ пурпурную спальню,
Гдѣ раскинулась заря, —
И срывая тѣни ночи,
Черезъ радужный туманъ
Міру въ дремлющія очи
Бьетъ лучей его фонтанъ.
Солнце съ моремъ дружбу водить,
Солнце на ночь къ мою сходить, —
Вышло, по небу летить,
Съ неба на море глядитъ,
И за дружбу неба брату
Отъ избытка своего
Дорогую сыплеть плату,
Брызжетъ золотомъ въ него:
Море злата не глотаешь,
Отшибаетъ блескъ луча,
Море гордо презираетъ
Даръ ничтожный богача;

Свѣтель ликъ хрустально улыбкой,
Море тихо и блеститъ,
Но подъ ясною улыбкой
Думу темную таятъ.

„Напрасно, о солнце, блестящею пылью
Съ высотъ осыпашъ мой вольный просторъ!
Одежда золотая отрадна безсилью,
Гиганту не нуженъ роскошный уборъ.
Напрасно, царь свѣта, съ игрою жемчужной
Ты лучъ свой на персяхъ моихъ раздробилъ:
Тому-ль нужны блески и жемчугъ наружной,
Кто дивные перлы въ груди затаилъ?
Ты радуешь, грѣшишь предѣлы земные,
Но что мнѣ, что стрѣлы твои калены!
По мнѣ проскользая, лучи огневые
Не грѣютъ державной моеи глубины.“

Продумало море глубокую думу;
Смирна его влага: ни всплеска, ни пшуму!
Но тишь его чѣмъ-то грозящимъ полна;
Замѣтно: гиганта томить тишина.
Сонъ тяжкій его оковалъ — и тревожитъ,
Смутилъ, взволновалъ — и сдавилъ его грудь;
Онъ мучится сномъ — и проснуться не можетъ,
Онъ хочетъ взревѣть — и не въ силахъдохнуть.
Взгляните: трепещетъ дневное свѣтило,
Предвидя его пробужденія мигъ,
И нѣтъ ли гдѣ облака, смотреть уныло,
Гдѣ бы спрятать подернутый блѣдностью ликъ.

Вихорь! Взрывъ! — Гигантъ проснулся,
Всталъ изъ бездны мутный валь,
Развернулся, расплеснулся,
Закипѣлъ, заклокотать.
Какъ боецъ, онъ озираетъ
Взрытыхъ водъ степную ширь,
Рыщетъ, пѣнится, сверкаетъ —
Среброглавый богатырь!

Кто жъ идетъ на валь гремучій? —
Это онъ — пучины царь,
Это онъ — корабль могучій,
Волноборецъ, храмъ плывучій,
Бѣлопарусный алтарь!
Онъ летитъ ширококрылый,
Рѣжетъ моря крутизны,
Въ битвѣхъ вервѣя, какъ жилы,
У него напряжены,
И какъ конь, отваги полный,
Выбиваетъ онъ свой путь,
Давитъ волны, топчетъ волны,

Гордо вверхъ заносить грудь,
И съ упорными стѣнами,
Съ неизмѣнною кормой,
Онъ, какъ геній надъ толпой,
Торжествуетъ надъ волнами.
Тщетно бьютъ со всѣхъ сторонъ
Влажныхъ горъ въ него громады;
Нѣтъ могучему преграды!
Не волнамъ уступить онъ, —
Нѣтъ; пусть прежде вихрь небесный,
Молній пламень перекрестный,
Мачту, парусъ и канатъ
Цзорвутъ, испепелятъ!
Лишь тогда безвластной тѣнью
Трупъ тяжелый корабля
Влаги бурному стремленью
Покорится, безъ руля.

Свершилось.. Конченъ бѣгъ свободной:

При воплѣ бѣшеныхъ пучинъ
Летитъ на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедунъ.
Ударъ — и взять ревущей бездной
Измать, разбить полужелѣзный,
И волны съ плескомъ на хребтахъ
Разносятъ тяжкіе обломки,
И съ новымъ плескомъ этотъ прахъ
Отъ волнъ пріемлютъ ихъ потомки.
О чемъ шумить мятежный рой
Сихъ чадъ безумныхъ океана?
Они ль пришельца великана
Разбили въ схваткѣ роковой?
Нѣтъ; силы съ небомъ онъ извѣдалъ,
Подъ Божьимъ громомъ сильный палъ,
По вихрю мысли разметалъ,
Слѣпымъ волнамъ свой остоъ предалъ,
И море въ безднѣ сокровенной
Тотъ грузъ на вѣки погребло,
И даръ богатый, многоцѣнный
Въ свои кораллы заплело.

Ревъ бури затихнулъ, а шумныя волны
Все идутъ, стремленья безумнаго полны; —
Однѣ исчезаютъ, другимъ уступивъ
Широкое мѣсто на вѣчномъ просторѣ.
Не тотъ же ль безчисленныхъ волнъ переливъ
Въ тебѣ, человѣчества шумное море?
Не такъ же ль надъ зыбкой твоей шириной
Во слѣдъ за явленьемъ восходитъ явленье
И время торопить волну за волной
И волны мгновенны, а вѣчно волненье? —
Здѣсь — шаръ свѣтоносный надъ бездной возникъ

И солнце свой образъ на влагѣ узнало,
А ты, море жизни, ты — Божье зеркало,
Гдѣ видитъ Онъ, Вѣчный, свой огненный ликъ !

О море, широкое, вольное море !
Ты шумно, какъ радость, — глубоко, какъ горе;
Грозна твоя буря, свѣтла твоя тишь;
Ты сладко волненьемъ душъ говоришь.

Люблю твою тишь я: въ ней царствуетъ нѣга;
На ясное, мирное лоно твое
Смотрю я спокойно съ печальнаго берега
И бьется отрадѣ сердце мое;
Но я не хотѣлъ бы стекла голубаго
Въ сей мигъ безпокойной ладьей возмутить
И слѣдъ чловѣка — скитальца земнаго —
На влагѣ небесной безумно чертить.

Когда жъ надъ тобою накатятся тучи
И вѣтеръ ударить по влагѣ крыломъ,
И валь твой разгульный, твой витязь могучій,
Серебрянымъ гребнемъ заломить шеломъ,
И ты, въ красотѣ величавой бушуя,
Встаешь, и стихій роковая вражда
Кишитъ предо мною, — о море ! тогда,
Угрюмый, отъ берега прочь отхожу я.
Дичусь я раскаты валовъ твоихъ зрѣть.
Съ недвижной границы земнаго покоя;
Мнѣ стыдно на бурю морскую смотрѣть,
Лѣнливо на твердомъ подножїи стоя.
Тогда, если бѣ взоръ мой упалъ на тебя,
Тобою бы дико душа влюбовалась
И взбитому страстью, тебѣ бѣ показалась
Обидной насмѣшкой улыбка моя,
И занято съ небомъ торжественнымъ споромъ,
Сїя въ вѣнцѣ громоваго огня,
Ты бѣ мнѣ простонало понятнымъ укоромъ,
Презрительно влагой плеснуло въ меня !

Я внемлю разливу гармонїи дивной .
Откуда ? Не волны ль играютъ вдали ?
О море, я слышу твой голосъ призывный,
И рвусь, и грызу я оковы земли.
О какъ бы я жадно окинулъ очами,
Лазурную зыбь и лазурную твердь !
Какъ жадно сроднился бѣ съ твоими волнами !
Какъ пламенно бился бѣ съ родными на смерть !
Я понялъ бы бури музыку святую,
Душой бы поглотилъ твой царственный гнѣвъ,

Забывъ пѣсни нѣги, и пѣснь громовую
Настроилъ подъ твой гармоническій ревъ !
В. Бенедиктовъ.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала — и старецъ великой смежилъ
Орлиные очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земнос.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ насладѣе червей.
Погасъ — но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта;
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты миновавшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья,
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ Царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ.
И ежели жизнью землею
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего —
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ спола
Все должное долу отдавши,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Е. Баратынскій.

Verzeichniß der Bücher

welche im Verlage der Buchhandlung

von

G. A. Reyher in Mitau

erschienen sind.

-
- Adolphi, Dr. W., Anweisung zur Viehpflege für Viehpächter in
den russischen Ostseeprovinzen. 60 Kop. S.
- Anleitung zur Erziehung ergiebiger Melkkühe und zur
Wartung und Pflege derselben, 2 Hefte 70 Kop. S.
- Leitfaden für Laien, kranke Thiere zu untersuchen. 25 R. S.
- Eine bisher geheim gehaltene Heilart der Krätze, mittelst
welcher dieselbe in drei Tagen unfehlbar und ohne Nach-
theil für die Gesundheit geheilt werden kann. 1 Rbl. S.
- Behandlung, eine rationelle, der Pferdekkräfte, Wurmkrankheiten und
eine Methode, nach welcher man bei geringen Kosten das Grün-
futter für den Winter conserviren kann re., (v. Wiersbisky). 40 R. S.
- Beise, Fr., Standrede am Sarge des weil. Professors der Geschichte
am gymnasio illustri, Predigers der reformirten Gemeinde in
Mitau, Carl Wilhelm Cruse, gehalten am 29. März 1834 in
der reformirten Gemeinde zu Mitau. 25 Kop. S.

- Bienenstamm**, H. v., historisch = geographisch = statistische Beschreibung des Gouvernements Kurland, durchgesehen von dem Privatlehrer E. A. Pfingsten, nebst einer Karte von Kurland und den Plänen der Städte Mitau, Libau. Windau. 1 R. 60 R. S.
- Blumenthal**, J., Handbuch für Förster und Waldeigenthümer oder Privat-Förstbesitzer. 1 Rbl. 20 Kop. S.
- Braunschweig**, J. D. v., die allgemeine Geschichte, zunächst für Realschulen in Tabellen dargestellt in 3 Heften. 1. Heft alte Geschichte. 2. Heft mittlere Geschichte. 3. Heft neuere Geschichte. 1 Rbl. 50 Kop. S.
- Cruse**, C. W., Prof., Kurland unter den Herzögen, 2 Bde. 4 R. S.
- Fehre**, Catharina, (Verfasserin des civil. Koch- und Wirthschaftsbuches), neuestes Koch- und Wirthschaftsbuch 1 Rbl. S.
- Fleischer**, Dr. J. G., Flora der deutschen Ostseeprovinzen Esth-, Liv- und Kurland, herausgegeben von Emanuel Lindemann. Mit dem Bildnisse des Verfassers. Geb. 1 Rbl. 75 K.
- Johnson**, J., Abhandlung aus und zu Veranschlagung der Bauerländereien in Liv- und Kurland. 75 Kop. S.
- Versuch einer Anleitung zur Kenntniß und Behandlung der Düngmittel. 2te verm. Auflage. 60 Kop. S.
- Paube**, Heinrich, die Bandomire. Kurische Erzählung. 2 Thele. 1 Rbl. 80 Kop. S.
- Mirbach**, Otto v., Römische Briefe aus den letzten Zeiten der Republik. 2 Bde. 3 Rbl. S.
- Mittel**, wodurch dem Rindvieh die Tränke angenehm gemacht werden kann, um dadurch eine große Aufnahme von Flüssigkeiten zu erzielen (von Wiersbisky). 35 Kop. S.
- Mittheilungen**, landwirthschaftliche, für das Kurländische Gouvernement. Herausgegeben von dem engeren Ausschuß der kurländischen ökonomischen Gesellschaft. 1840. 1. Halbjahr. 1 R. 50 R. S.
- dieselben 2. Jahrgang 1841. 3 Rbl. S.
- dieselben 3. Jahrg. 1842. Pränumerationspreis 3 R. S.
- Sendungen** der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst. 1. Band. 2 Rbl. S.
- Tegnér**, Esaias, Frithiof. Eine Sage nordischer Vorzeit. Aus dem Schwedischen nach der 2. Aufl. übersetzt von L. Schley. 1 R. S.

- Trautvetter, E. C. v.*, de partibus orationis commentatio. 40 K. S.
 Ueberblick, allgemeiner, der verschiedenen Arrondissements, in welche
 das russische Reich hinsichtlich seiner Land- und Wasserverbindungen
 eingetheilt ist. 2 Rbl. 50 Kop. S.
- Wittenheim, Otto Baron*, vermischte Aufsätze über verschiedene
 in das Gebiet der Landwirthschaft eingreifende Gegenstände, be-
 sonders mit Rücksicht auf Kurland. 1. Heft. 60 Kop. S.
- Wittenheim, Carl von*, perpetueller Wirthschaftskalender, zum Ge-
 brauch in den deutschen Ostseeprovinzen, enthaltend die alljährlich
 vorkommenden, und zur angemessenen Zeit in jedem Monat vor-
 zunehmenden landwirthschaftlichen Verrichtungen. 40 Kop. S.
- Михайловскій, Н.*, новая Россійская азбука. (Das neue rus-
 sische ABC-Buch, mit einigen Vokabeln u. Gesprächen. 25 R. S.
- Постепенное наставленіе въ чистописаніи.* (Fortschreitender
 Unterricht im Schönschreiben. 1. u. 2. Heft à 80 R. 1 R. 60 R. S.
- Чашниковъ, нѣкоторыя замѣчанія о востаній въ Государствѣ
 Христіанскомъ.* 1 руб. 25 коп. сер.
- Павловскій, З.*, russische Sprachlehre für Deutsche. 2 Rbl. S.
- Gaultier, Abbé.* Lectures graduées pour les enfans du premier
 et du second âge. 3 vols. 1 Rbl. 90 Kop. S.
- Адопхи, В.*, Паматизана мовдережна, фа пее лопу-копшча-
 нас буш туретуш. 60 Kop. S.
- Pihku* spreaddi us bebrem lassonu. Uygahdati no zittim fursemmaš
 mahjitajem. 60 Kop. S.
- Karte von Kurland angefertigt und mit Allerhöchster Genehmigung
 herausgegeben von Neumann, in 6 saubern, in Stein gravirten
 Blättern und einer Ansicht von Mitau. 5 Rbl. S.
- desgleichen verkleinert, mit besonderer Berücksichtigung des
 Höhen- und Flussgebiets. 30 Kop. S.
- Plan der Stadt Mitau. 15 Kop. S.
- — Libau. 15 Kop. S.
- — Windau. 15 Kop. S.
- La Trobe, J. F.*, 12 deutsche Lieder mit Pianoforte - Begleitung.
 85 Kop. S.
- Maczewski, Fr.*, der deutsche Rhein, von Nicolaus Becker, in Musik
 gesetzt für 4 Männerstimmen. 17 Kop. S.

Rückmann, H. R. v., 2 Walzer und eine Eccosaise für das Pianoforte zu 3 Händen. 25 Kop. S.

— Walzer zu 4 Händen und Quadrille, Française, für das Pianoforte. 25 Kop. S.

Unter der Presse befindet sich :

Krylow's Fabeln aus dem Russischen übersetzt von Torney.

Павловскій, И., Русская Хрестоматія.

